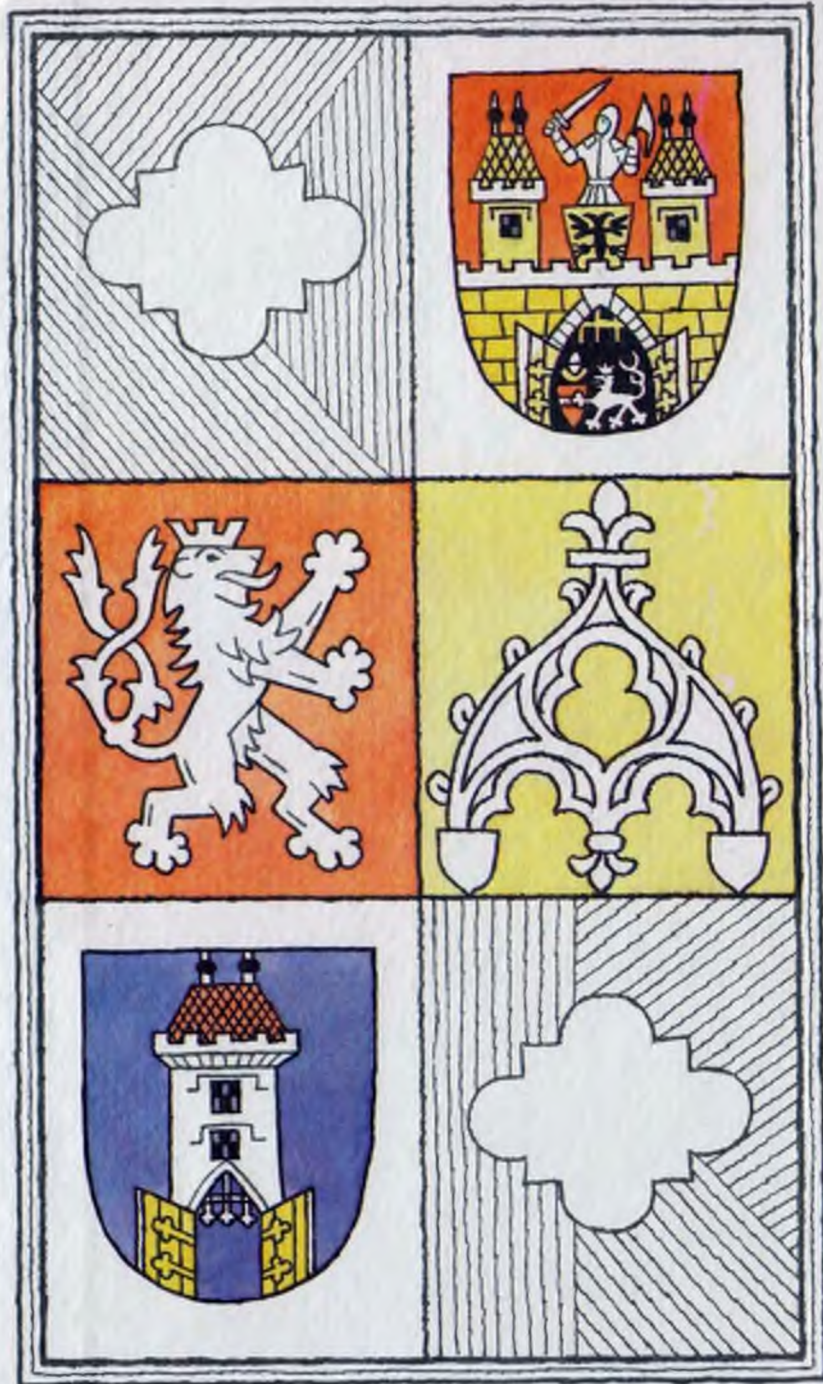
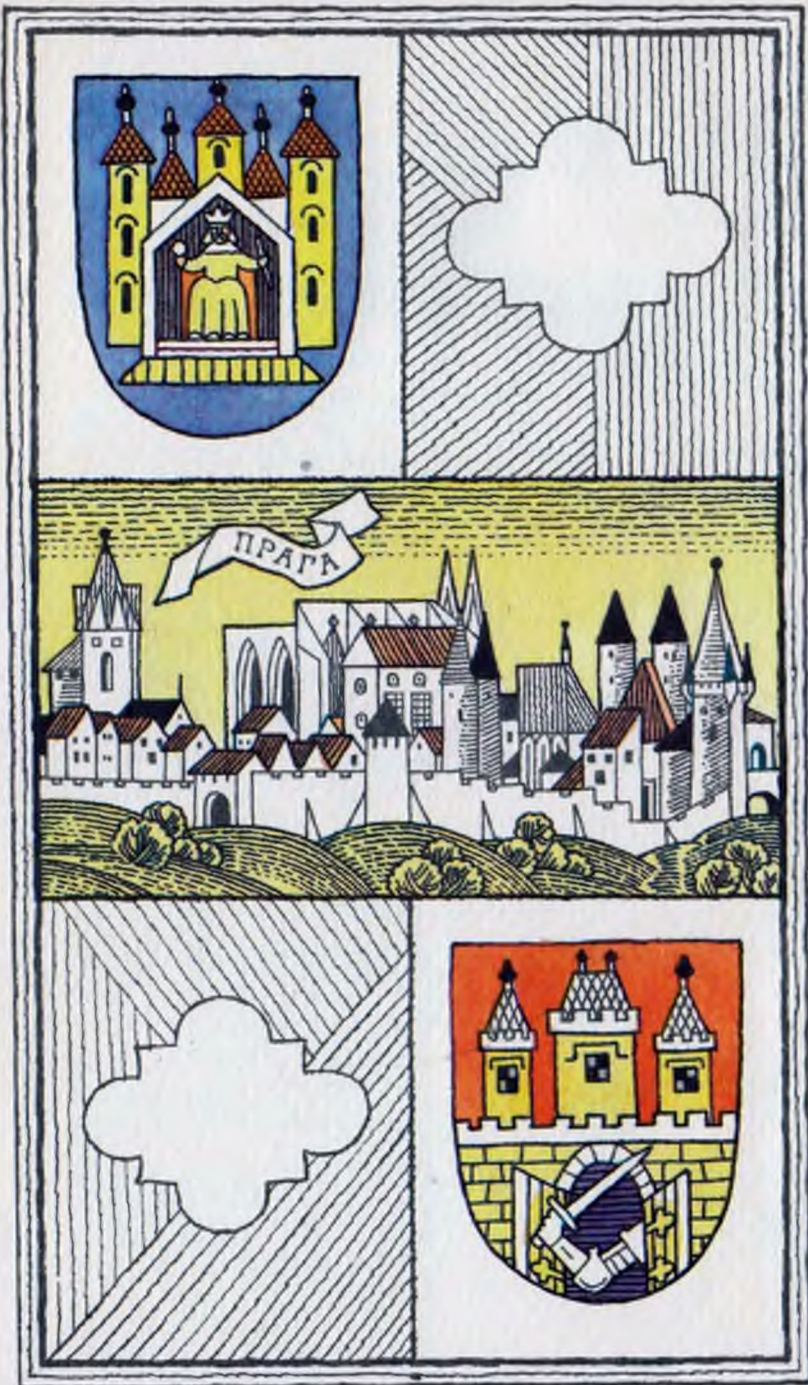

Алексей Плудек

Повесть
о Карле IV

Алексей Плудек

Повесть
о Карле IV

ПЕРЕВОД С ЧЕШСКОГО

Ю. Ритчика

МОСКВА

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1988

ББК 84.3(4 Че)
П40

Alexej Pludek
KRÁLEVIC, KRÁL, CÍSAŘ
«Albatros», 1981

Вступление И. Попа
Художник Г. Бедарев

Плудек А.
П40 Повесть о Карле IV/Пер. с чешск. Ю. Ритчика;
Вступл. И. Попа; Худож. Г. Бедарев.— М.: Дет.
лит., 1988.—208 с.: ил.

ISBN 5—08—001105—х

Историческое повествование о Чешском государстве в середине XIV века —
периоде развития торговли, ремесел, городов и в то же время укрепления католи-
ческого духовенства, в котором император видел опору феодального строя.

П $\frac{4803020000-076}{M101(03)-88}$ 471—88

ББК 84.3(4 Че)

ISBN 5—08—001105—х

ВСТУПЛЕНИЕ

ПРАЖСКИЙ град — исторический центр, сердце Праги. В любое время года его заполняет разноязыкая толпа — так много здесь памятников седой старины, так величественны и прекрасны архитектурные ансамбли и дворцы Града. Неповторимый его силуэт — как корабль времени, плывущий над древним городом, — своими незримыми лучами притягивает тысячи посетителей.

Но в августовские дни 1978 года казалось, что в людской поток хлынула вся Прага, а может, и вся Чехословакия. Ни жара, ни дождь не могли нарушить движение бесконечной вереницы людей, устремленных в Град. Казалось, даже «Гиганты», каменные стражи главных его ворот, застыли в удивлении на постаментах. А люди шли и шли на свидание с XIV веком своей истории, шли поклониться памяти одного из самых выдающихся сыновей своего народа — великого преобразователя и устроителя чешской государственности, короля и императора Карла IV (1316—1378).

В те дни в Пражском граде была развернута выставка «Эпоха Карла IV в истории народов ЧССР».

Чем же вызван такой интерес к личности Карла, если выставку за три месяца посетило свыше 500 тысяч человек? Какие его деяния создали славу чешской земли, остались в памяти благодарных потомков? Какими славными событиями отмечена эта эпоха?

Стараниями Карла IV Чешское королевство превратилось в одну из самых крупных и экономически развитых европейских стран того времени. «Золотая булла» (1356) Карла IV провозгласила самостоятельность Чешского королевства, неприкосновенность и неделимость чешских земель. Карл основал первый в Центральной Европе университет, и сейчас называемый Карловым университетом. Ему принадлежала идея возведения многих монументальных сооружений Праги, ставших жемчужинами мировой архитектуры. В период его многолетнего правления (1346—1378) Чешское королевство не знало вторжения чужеземных войск, что в Европе XIV века было явлением исключительным.

Карл IV стал легендарной личностью еще при жизни. Средневековые историки фиксировали в своих рукописных хрониках важнейшие события и акты деятельности прославленного монарха. Его труды во имя родной земли воспеты в народных легендах и преданиях, ему посвящены десятки ученых трудов и литературных произведений.

У юного читателя Чехословакии особую популярность приобрела повесть известного чешского прозаика Алексея Плудека, в которой пером мастера воссоздана обширная картина жизни средневекового Чешского королевства и деятельности «отца народа», как часто называют Карла IV в ЧССР.

Впервые мы встречаемся с королевичем Карлом, когда он четырнадцатилетним юношей покидает Париж. Париж? — удивитесь вы. Разве принц рос и воспитывался не в Праге? Увы, бурный водоворот политических страстей захватил и малолетнего королевича.

Карл родился в Пражском граде 14 мая 1316 года, он был первенцем короля Яна Люксембургского и Элишки Пржемысловны и получил чешское имя Вацлав. В трехлетнем возрасте мальчика навсегда отняли у матери, и сделал это его собственный отец.

Дело в том, что король Ян был избран на чешский престол при условии его женитьбы на последней представительнице рода Пржемыслови-

чей Элишке. С самого начала у экспансивного Яна сложились напряженные отношения с властолюбивой Элишкой. Более всего он опасался, что Элишка вместе со своими сторонниками из числа крупных феодалов воспользуется его отсутствием в стране, а это случалось довольно часто — как свидетельствовали летописцы, «ни одна крупная драка в Европе не обходилась без чешского короля Яна», — и провозгласят малолетнего Вацлава королем, а Яна низложат, что вполне соответствовало обычаям средневековья.

В феврале 1319 года король Ян решительным маневром захватил замок Локет, где в то время жила Элишка с сыном, и отнял у нее ребенка, а несколько позже Вацлава увезли в Париж, ко двору французского короля, женой которого была сестра короля Яна Мария.

Пребывание Вацлава, названного во время конфирмации Карлом, во Франции оказалось очень полезным. Он получил прекрасное образование, посещал лекции в Сорбонне, овладел латынью, французским, итальянским и немецким языками, но родной чешский забыл и по возвращении в Чехию вынужден был учить его вновь. Таким образом, из Франции уезжал образованный, искушенный в политических интригах и богословских спорах молодой человек. Полученные Карлом во Франции уроки политической борьбы даются писателем ретроспективно и позволяют проследить становление и формирование политических взглядов будущего монарха.

От наблюдательного, восприимчивого Карла не могли ускользнуть сложные взаимоотношения между королем Франции и «авиньонскими узниками», папами римскими, чья резиденция с 1309 по 1377 год находилась во французском Авиньоне. Карл уже в юности понял, что силу и влияние церкви можно с успехом использовать для нужд светского правления. Этому же его учил аббат Пьер де Розьер, советник французского короля и будущий папа Климент VI. Его советы — вы не раз убедитесь в том, читая книгу, — падали на хорошую почву: став впоследствии королем чешским и императором Священной Римской империи,

Карл IV всеми силами стремился превратить церковь в инструмент укрепления и освящения своей верховной власти и делал это с такой целеустремленностью, какой не знал ни один правитель средневековья.

Важнейшим периодом в жизни королевича стало его пребывание в Северной Италии, где отец, король Ян, вручил ему в управление вассальные синьории. Пятнадцатилетнего принца ожидали труднейшие испытания, он оказался в бурном водовороте политических страстей.

В этих условиях формировался характер юного Карла. Главенствующими чертами его природы стали отвага, выдержка, широта взглядов, целеустремленность. В Италии развились дипломатические способности Карла, позволявшие ему решать любые споры, как бы они ни были остры, мирным путем, взаимоприемлемым компромиссом.

Судьба как бы готовила его к главному делу его жизни, осуществленному на родной чешской земле. В Чешское королевство принц Карл приехал многоопытным государственным деятелем.

Период правления Карла IV стал вершиной расцвета средневековой Чехии. Карл проявил себя как человек высокой культуры, неисчерпаемой инициативы и творческого ума.

Одним из первых его деяний было основание в Праге в 1348 году университета, единственного в то время в Центральной Европе, по образцу которого впоследствии создавались университеты в Кракове, Вене, Гейдельберге.

Особое внимание он уделял столице королевства. По честолюбивому замыслу короля роскошью и грандиозностью архитектурных ансамблей она должна была затмить другие столицы. Поэтому неудивительно, что король так щедро обогащал Прагу монументальными сооружениями, которые и сегодня определяют ее силуэт.

Карл стал основателем слившегося с Прагой огромного Нового Города (Нове Место пражске), территория которого полностью была застроена только в XIX веке. Он сам определил планировку

будущих кварталов города, и она оказалась настолько совершенной, что за пять минувших столетий практически не изменилась.

В управлении государством Карл IV опирался не на дворянство, а на советников из среды высшей церковной иерархии. Дорожил Карл и тесной связью с «авиньонскими узниками».

Стремление наполнить пражские соборы всяческими святыми мощами и «реликвиями» вызывало у современников, да и не только у них, представление о Карле IV как о «набожном монахе на троне». Однако все это было лишь внешне. В книге мы видим истинное лицо короля и императора Карла IV, его политическую расчетливость, изощренную хитрость, искусство тактического обмана и всевозможных трюков, сопровождавших его на всем протяжении правления.

Эти черты его личности особенно проявились в жесточайшей борьбе за титул римского короля и императора Священной Римской империи. Перипетии этой схватки писатель рисует, опираясь на многочисленные исторические материалы, фрагменты которых умело вкраплены в ткань художественного повествования.

Что же это был за странный титул, носитель которого в Риме не правил, но за обладание которым в средневековой Центральной Европе время от времени разгоралась острая борьба?

Римской империей (со второй половины XII века — Священной Римской империей, а с конца XV века — Священной Римской империей германской нации) называлось государственное образование, включавшее Германию, Нидерланды, Бургундию, Швейцарию, Чешское королевство, Северную и Центральную Италию. Избиравшийся на имперском сейме князьями-выборщиками (курфюрстами) глава ее, римский король, после коронации в Риме папой получал титул императора, считался главой всего христианского мира. С середины XIII века власть его была небольшой, фактически все земли, входившие в состав империи, управлялись своими суверенными правителями, но громкий титул им-

ператора, первого среди христианских государей, обладал по-прежнему огромной притягательной силой, поэтому на него претендовали наиболее амбициозные коронованные особы Центральной Европы. Поход Карла IV в Рим красочно описан в повести А. Плудека.

Авторитет Карла как государственного деятеля был очень высок в Европе. Не случайно великий итальянский поэт Франческо Петрарка искал дружбы с Карлом. А. Плудек приводит выдержки из писем великого итальянца, свидетельствующие о том, что свои надежды на восстановление былой славы Рима Петрарка связывал с именем Карла. Поэтому-то так настойчиво звучит в его письмах призыв к Карлу силой овладеть Римом и взять власть в свои руки.

Политический деятель Кола ди Риенцо и Франческо Петрарка видели в Карле IV свой идеал правителя — правителя нового типа. Карлу и в самом деле наряду с традиционными чертами средневекового правителя — верой в божественное предназначение и страстной религиозностью — были присущи рационализм, политическая гибкость, хитроумие, жесткость, политический цинизм и хладнокровие.

Частое упоминание А. Плудеком имени Карла IV в связи с различными начинаниями экономического характера может создать впечатление, что у короля была какая-то выработанная концепция развития Чешского королевства. Конечно, нет. Карл IV был заинтересован в процветании страны прежде всего потому, что желал получать возможно большие доходы, так как его активная внешняя политика требовала больших средств.

Эпоха Карла IV занимает особое место в развитии культуры чешского феодального общества. Деятельность Карла IV способствовала сосредоточению в Праге во второй половине XIV века лучших творческих сил Центральной Европы, и чешские земли, столь быстро включившиеся в процесс общеевропейского развития, сами скоро становятся родиной культурных ценностей, кото-

рые по своему значению выходят далеко за пределы Чехии.

Интерес Карла IV к искусству, архитектуре, живописи, скульптуре и литературе в немалой степени объяснялся честолюбивыми мечтами правителя, желавшего продемонстрировать собственное величие, считавшего себя наследником и продолжателем крупнейших правителей христианского мира от римского императора Константина до Карла Великого. Отсюда ярко выраженный монументальный характер придворного искусства и его гегемония в культуре Чехии на протяжении полустолетия, его быстрое восприятие в дворянской и городской среде.

В повести упоминаются виднейшие деятели чешской культуры — архитекторы Матьё из Арраса и Петр Парлерж, живописец Теодорик, творчество которых было вершиной чешского искусства в эпоху средневековья.

Их талантом и трудом созданы такие памятники мирового значения, как собор святого Вита в Пражском граде, Тынский храм на Староместской площади в Праге, Староместская ратуша с ее знаменитыми курантами, Карлов мост, замок Карлштейн с его изумительными росписями, и многие другие произведения зодчества, живописи и скульптуры.

Оценка личности Карла IV не была однозначной в разное время. Однако чем дальше уходила в прошлое его эпоха, тем рельефнее выступали положительные стороны его деятельности.

В XVII — XIX века, в эпоху национального угнетения, когда Чешское государство потеряло свою независимость и страна на триста лет подпала под австрийское владычество, для многих деятелей национального возрождения, борцов за восстановление государства чехов и словаков эпоха Карла IV, процветание Чешского королевства в XIV веке стали вдохновляющим примером, вселившим веру в обретение национальной независимости.

Сегодня имя Карла IV и его выдающихся современников принадлежит истории народов Чехословакии. Память о прошлом и великих пред-

ках, оставивших потомкам непреходящие духовные ценности, не тускнеет с течением времени. Нам также дорого то, что составляет славу и историческую память братских нам чехов и словаков. Поэтому можно с уверенностью сказать, что с выходом в свет книги А. Плудека «Повесть о Карле IV» юный читатель Советской страны получит возможность еще ближе узнать и почувствовать дружественную нам Чехословакию.

И. Поп

Повесть о Карле IV

РАССТАВАНИЕ

ГЕРОЛЬД еще не прильнул губами к трубе, шталмейстеры еще сдерживали беспокойно переступавших коней за поводья, щедро украшенные серебряными пластинами, через железные, кованые искусными мастерами ворота еще степенно шествовала королевская свита, а со стройной колоколенки Сент-Шапель, парящей над огромными стрельчатыми окнами с витражами, ужеплыли со строгими интервалами звуки колокола. Прощался ли он с кем-нибудь? Или привечал кого-то?

За семь лет, в течение которых чешский принц Карл слышал его ежедневно утром, в полдень и во время вечерней молитвы, скольких вступавших в жизнь встретил он и со сколькими покинувшими этот бранный мир простился!

Сегодня лица всадников веселы, слуги подтягивают подпруги и в повозки с накладными золотыми украшениями и гербами рода Валуа укладывают багаж Маргариты, именуемой при парижском дворе Бланкой, и ее свиты.

Бланка еще не появилась. Она никак не может расстаться с Изабеллой, двоюродной сестрой и самой близкой своей подругой, и с другими юными дамами, которые остаются здесь, в то время как она должна следовать в Люксембург за своим четырнадцатилетним супругом — такова воля его отца Яна, короля чешского и графа люксембургского.

Королевич сгорал от нетерпения. Карл вообще не выносил ожиданий, всегда сердился на опаздывающих. А сегодня ему особенно хотелось поскорее прищпорить коня и двинуться вперед — куда угодно, навстречу

чему угодно, хотя бы весеннему ветру, гнавшему по парижским улицам мусор, пожухлую прошлогоднюю листву, клочья соломы, оставшиеся после вчерашнего базара. Или навстречу схватке, поединку, рыцарскому турниру, в который бы он вступил с радостью ради почестей и славы.

Несколько минут назад в Сент-Шапель закончилась месса в честь отъезда Карла и Бланки. Отслужил ее Пьер де Розьер, феканский аббат и советник короля Филиппа. Королевич видит его. Пьер де Розьер вместе с придворными, баронами, советниками и учеными магистрами из Сорбонны пришел проститься с юношей, воспитывавшимся в Париже с семилетнего возраста.

Аббат ласково улыбается принцу, тот отвечает почтительным поклоном. И внезапно чувствует: комок подступает к горлу. «Никогда не услышу я его голоса, никогда не захлестнет меня то небывалое, сладостно сжимающее сердце ощущение душевного подъема, которое пережил я год назад — в Пепельную среду великого поста. Никогда...»

Королевич вдруг понял: все в этой жизни, любое событие — неповторимо! Мы переживаем его, воспринимаем его только в те мгновенья, когда оно длится. Стоит ему смениться другим событием, другими мгновеньями, и оно превращается в воспоминание, уходит в прошлое.

Вот и казавшееся столь долгим семилетнее пребывание в Париже минуло без возврата...

Карла охватила печаль. Преодолевая ее, он через силу улыбнулся и тут услышал свое имя.

Тонкий голосок принадлежал не Бланке, а Изабелле, махавшей ему рукой с крепостного вала. Карл галантно поклонился Изабелле, тоже безуспешно пытавшейся скрыть волнение. Как только Карл увидел это, деланная улыбка сбежала с его лица.

«Все уходит, исчезает, как снег, который зимой скупно покрывает парижские кровли, как ласточка, мелькнувшая в голубом небе, — вот она уже под крышей, ищите ее».

Королевич не совладал с собой, губы его дрогнули. Изабелла тоже с трудом сдерживала слезы.

«Через несколько мгновений я буду для нее лишь невозвратным прошлым, воспоминанием. Увидимся ли мы еще когда-нибудь? Бог ведает...»

Карл отвернулся: не к чему ей видеть, как блестят его глаза, против воли наполнившиеся слезами. Он стер их рукавом, делая вид, что отгоняет муху. Принцу не подобает плакать, это считается неприличным. Еще вчера они с Бланкой, с Шарлем, сыном графа де Ковеньяка, и с молодым Робером из Арля разыгрывали сцены из рыцарской жизни. Публикой были пажи и молоденькие придворные дамы, а девятилетний проказник Гильом, виконт из Нормандии, бренчал на лютне и пел, гримасничая, насмешливую песенку:

Король Дагобер, этот славный король,
он был лежебока отважный,

Все хором подхватывали припев:

С битвы улепетывал, как черт,
наш храбрый герой — король.

Вчера, прощаясь, Изабелла потихоньку шепнула Карлу:

«Неужели вы и в Чехию рискнете съездить?»

Он ответил ей гордо, хотя о Чехии знал немногим больше Изабеллы:

«Может быть. Если того пожелает отец».

«Но, говорят, в Чехии живут какие-то ужасные рыцари. Их все боятся», — встревожилась Изабелла.

«Я тоже стану рыцарем, — решительно заявил Карл. — И чешским королем. А быть может — кто знает! — и римским императором».

Это была тайна, о которой не знала даже Бланка. Не должна знать. Карл ни за что не признался бы ей в этом.

Бланку следует чтить и любить — это долг рыцаря, долг супруга. Почему они уже в семилетнем возрасте были обручены, Карл не слишком задумывался, как, впрочем, не задумывалась об этом и Бланка. Они просто не придавали этому никакого значения.

Сейчас Карл — чешский принц, Бланка — французская принцесса, а со временем они станут королем и королевой. Случись ему быть императором, она будет императрицей. Так уж, видно, predetermined свыше.

Герольд приложил к губам трубу, и пронзительная мелодия разрезала воздух. Ему тотчас вторили две-

надцать королевских трубачей, повторяя мелодию с паузой в несколько тактов. Бланка садится в карету, ей помогает ее воспитательница графиня д'Орей, дама весьма чопорная, церемонная, строго соблюдающая правила придворного этикета. Графине предстоит сопровождать Бланку в Люксембург и, быть может, в далекую Чехию. Быть советчицей принцессы. Она неизменно присутствует при всех беседах Карла с супругой, потому-то и не может быть у них никаких тайн. Вот с Изабеллой другое дело.

Глаза Изабеллы блестели, губы вздрагивали. Она плакала, но в отличие от принца не утирала украдкой слезы. К чему их скрывать? Она дама и подчиняется другим законам придворного этикета, иногда более строгим, иногда более мягким, по-разному.

Карл ободряюще улыбнулся Изабелле, снял черную бархатную шляпу с белыми страусовыми перьями и галантно, как того требуют правила приличия, помахал ей.

Не будь он верхом на коне, ему следовало бы опуститься на одно колено и склонить голову. А вот что надо сделать безотлагательно! Карл приблизился к карете Бланки и, обнажив голову, низко поклонился ей — пусть это видит весь двор. Так повелевает этикет, предписывают обычаи.

Последним к Карлу подошел Пьер де Розьер. Принц спешился и, преклонив колени, поцеловал руку аббата, а затем выслушал его благосклонные напутствия, сопровождаемые крестными знамениями.

— Коли будет на то божья воля, — промолвил Пьер де Розьер, — пересекутся еще наши дороги в этом мире. Пусть твои усилия всегда будут направлены на поддержку святой церкви и ее славы.

Голос аббата звучал проникновенно, убедительно, настойчиво.

Пора трогаться в путь. Дамы на крепостном валу, окружавшие Изабеллу, смолкли, утирая слезы.

Бланка не выдержала и замахала им, но тут же опустила руку, повинувшись замечанию строгой наставницы. Карл дал знак конюшему, восседавшему на первой упряжке. Лошади вздернули головы, одна из них привстала на дыбы, но тут же опустилась, повинувшись твердой руке опытного наездника.

Тронулись рыцарские, графские и баронские кареты, за ними следовали вооруженная дружина и многочисленные придворные. Распахнулись главные ворота, опустился подъемный мост, копыта звонко зацокали по мостовой — кортеж принца Карла, первенца Яна, короля чешского и графа люксембургского, двинулся в путь.

Чешское красное знамя с взметнувшимся в прыжке белым двухвостым львом с золотой короной затрепетало рядом с люксембургским знаменем — красным львом на полосатом бело-голубом щите. А рядом полочется на ветру герб рода Валуа — три золотые лилии на голубом поле.

Прощай, Париж, прощайте, годы детства и отрочества!

И — до свиданья! Когда? Скоро ли? Или же никогда?

Карл то и дело оглядывался на неумолимо удалявшиеся крепостные стены резиденции французских королей, на башни Нотр-Дама, на очаровательный силуэт Сент-Шапель, на могучие крылья ветряной мельницы.

Процессия проследовала через сен-денийские ворота, словно направляясь на обычную прогулку, или на охоту, или на деревенский праздник.

Карл то вырывался вперед, обгоняя кортеж, то снова возвращался. Беспокойство снедало его, но не тоска была тому причиной, а нетерпеливое ожидание завтрашнего дня — как его будут встречать в городах и замках, лежащих на пути в Люксембург? Принц чувствовал себя почти взрослым. Это его кортеж, его первое самостоятельное путешествие, пусть пока только к отцу — в наследное графство, но все-таки поход! Иногда Карл спохватывался — негоже покидать даму! — и возвращался к карете Бланки, потом опять скакал вперед, с любопытством взирая по сторонам, а иногда, пока Париж еще виднелся на горизонте, оглядываясь назад.

В весеннем голубом небе сияло солнце, в цветущих садах аббатства Сен-Дени жужжали пчелы, стремительно носились в воздухе ласточки, бездонное поднебесье сторожил медленно парящий коршун.

Что может соперничать с французской весной? Сочная зелень лугов, чистые, спокойные воды ручьев и рек, окаймленные ольхой, вербами и густым кустарником,

полным птичьего чириканья, щебета, трелей, залихватских коленец.

Королевич снял шляпу и подставил волосы ласковому, благоуханному ветерку. На душе было легко, от минутной печали расставания не осталось и следа. Ему захотелось поболтать с Бланкой, они любили подтрунивать друг над другом, и в этой дружеской пикировке Бланка обычно была зачинщицей. Вот и сейчас, точно почувствовав настроение королевича, Бланка высунулась из кареты и, дразнясь, обратилась к Карлу на «вы»:

— Послушайте, господин, как же все-таки вас зовут? Как вас окрестили в Чехии? Да и христиане ли они, если дают детям такие имена? Произнесите, пожалуйста, его! Вот уж не верю, что такие имена существуют. Вы, верно, сами его выдумали. Ну, произнесите же!

— Вацлав,— выговорил принц.— Это ничуть не труднее, чем Карл, имя, которое мне дали при конфирмации. Повторяйте за мной, и вы убедитесь в этом.

Бланка отрицательно завертела головой.

— А! Значит, не можете? — поддел Бланку королевич.— А ведь я не хуже вас произношу все ваши французские имена. И латинские, и немецкие. Даже итальянские. Что же вам кажется трудным в моем имени?

Бланка рассмеялась, ей хотелось только раззадорить Карла, втянуть его в разговор — пусть подольше остается рядом. И она снова повторила, что слыхом не слыхивала такого имени.

— Так знайте же, Вацлав — имя святого и мученика! Вам следовало бы это знать! А вот ни одной святой по имени Бланка нет. Ну, скажите, вам известна такая святая?

Довод был так убедителен, что Бланка вконец растерялась. Но допустить, чтобы Карл оказался победителем в споре, не хотела. Нужно немедленно что-то придумать, дать ему достойный отпор. Последнее слово должно остаться за ней.

— А Чешское королевство? Разве есть такое? Я что-то не слыхала. Признайтесь, вы его тоже выдумали!

— Выдумал? Может быть, я выдумал и своего отца? Чешский король он или нет?

— Но ведь существует же какой-то иерусалимский король, хотя иерусалимского королевства давным-давно нет! — победоносно выпалила Бланка.

— А о Праге вы слышали? Или ее я тоже выдумал? Разве вам не доводилось видеть чешских рыцарей?

Доводилось, конечно, доводилось. В дружине короля Яна немало чешских рыцарей. Да и в давние времена они бывали на Рейне, во Фландрии и Бургундии. О чешских рыцарях часто пели труверы и рассказывали нянюшки.

Эти воины наводили на всех страх, мало кто отваживался вступить на рыцарских турнирах в единоборство с чехами, огромные копыя которых вызывали у соперников ужас. И конечно, Бланка хорошо знала отца Карла, короля Яна, который сейчас ждет их в Люксембурге. Дождется ли? Или, нетерпеливо кликнув конюшего, вскочит на коня и помчится на врага в Брабант или Фландрию?

А может, не слезая с седла три дня и три ночи, весь измученный, растерзанный, как бродяга, прискачет в Тироль — удостовериться, должным ли уважением окружен его второй сын, младший брат Карла, супруг дочери герцога и наследник Каринтии с Тиродем?

А может, по пути завернет в Чехию — достать денег — и снова с тысячным войском направится в Литву или Пруссию? Начнет переговоры или, наоборот, войну с краковским правителем Казимиром и венгерским королем Карлом Робертом? Никто этого не знает, даже Карл, послушно направляющийся к отцу. Приглашение Яна для него приказ.

— Одного чешского рыцаря я уже вижу перед собой, — лукаво улыбнулась Бланка.

Карл не нашелся что сказать и, лихо прищпорив коня, отъехал в сторону, залюбовавшись яркой луговой зеленью. Потом поднял взгляд к небу, откуда лились трели жаворонка, и улыбнулся: «Я еще не рыцарь, Бланка ошибается. Но я стану им».

Когда это произойдет? И где?

Путь лежал мимо крепостей и замков, больших и малых городов, монастырей и деревень, вдоль полей, садов и рощ.

Через несколько дней позади остались Гандель, Ша-

то-Тъери, Реймс и Муссон. Наконец поезд королевича приблизился к границам Люксембургского графства. Карл никогда не бывал здесь, хотя Люксембург — родина отца и деда Генриха, прежнего императора Священной Римской империи.

Приятное путешествие! Целые дни светило солнце, розовой пеной покрылись цветущие яблони и персики, белоснежными лампионами светились груши и сливы.

Лишь однажды пришлось поволноваться — во время переправы через Маис. На противоположном берегу реки вдруг появились какие-то весьма подозрительные всадники. То ли это ватага рыцаря, промышляющего разбоем, то ли стража испанского купца, то ли — вероятнее всего — компания искателей приключений из великого братства участников несостоявшегося крестового похода, которые бродяжничают теперь по всей Европе.

Заметив развевающееся на ветру знамя чешского королевича, люксембургские и французские флаги, незнакомцы, сбившись в кучу, тотчас повернули коней прочь и долго издали наблюдали, не отстанет ли кто-нибудь из богатого кортежа: тогда, пленив его, можно потребовать приличный выкуп.

Мощный, каменный, расположенный на островерхих скалах и с высоты взирающий на лежащие окрест холмы и долины, замок Люксембург на первый взгляд не мог соперничать с пышными резиденциями французских королей, с их изящными крепостными валами, стрельчатыми арками, башенками, галереями и часовнями.

Люксембургская резиденция короля Яна — крепость, а не дворец, но внутреннее ее убранство своим великолепием несколько не уступало парижскому дворцу.

Прием, оказанный Яном Карлу и его юной супруге, был воистину королевским. Мог ли королевич предчувствовать, что по этому пути он будет следовать через многие десятки лет, в последний раз возвращаясь на родину?

Король Ян вверяет сына дядюшке Балдуину

ПЕРЕД въездными воротами на подъемном мосту выстроились трубачи в бело-синем облачении — жакеты с продольными полосами, шоссы — с поперечными. Едва появился кортеж Карла в сопровождении дружины короля Яна, встретившей его неподалеку от замка, зазвучали фанфары, в окнах показались головы любопытных гостей и слуг, навстречу выбежали конюшни, хватая коней за поводья; супруга бургграфа в окружении дам поспешила к Бланке, а король Ян, величественно восседая в седле, поджидал гостей у самых крепостных ворот, как и полагается по рыцарскому обычаю. Рядом с Яном, тоже верхом, находился верный королевский спутник, певец и музыкант Гийом де Машо. Он ловил каждое слово короля, каждый его жест, чтобы со временем запечатлеть услышанное и увиденное в стихах и музыке.

Самым бойким оказался шут, горбатый карлик с лютней в руке. В красном жакете, голубых панталонах и зеленом, с колокольчиками, колпаке он изображал из себя хозяина замка и, нелепо подпрыгивая, обращал к гостям насмешливые речи.

— Приветствую вас в своих владениях, почтенный господин, великий император Острова замухрышек! Склоняю голову перед Ее яркостью — великой императрицей страны у черта на куличках! Приглашаю в замок всех прочих Светлостей, Ясностей, Величавостей и Чумазостей! А также дам из чистилища и господ из ада! Мой слуга, полуграф Ян из Нелюксембурга и архикороль Глухомани, предлагает вам для ночлега роскошный замок Берлогу! Вас ожидают тюфяки с затхлой соломой, мышинные концерты и свист нетопырей. Проходите, пожалуйте, не стесняйтесь!

Вальрам, сын бургграфа, дал шуту пинка, но тот, привыкший к такому обращению, тут же сделал сальто-мортале — только резко звякнули колокольчики. Дамы смеялись, а мужчины сохраняли серьезность — стоит ли принимать во внимание болтовню этого заморыша?

Несколько смущенный, Карл сохранял невозмутимость. Он боялся оказаться в смешном положении; правда, произвести впечатление буки ему тоже не хотелось.

Бросив поводья конюшему, Карл степенно направился к карете Бланки — даму следовало препроводить в отведенные ей покои.

Вечер оказался куда более веселым, чем это можно было представить при встрече. Были приглашены бродячие актеры, которые уже несколько дней обретались в городе, фокусник, вкушающий огонь, канатоходец и человек-змея. Пир получился роскошным. Посреди громадного стола возвышался жареный кабан, по обе его стороны рядом выстроились блюда с фаршированными голубями, поодаль красовался лебедь с ореховой и грибной начинкой. Соусы, французские вина, сладости, густой аромат специально разбрасываемых в зале лепестков левкоев — все приводило в восторг Карла и Бланку. Пиршество сопровождалось выступлением труверов — сначала звучали тоскливые шотландские напевы, потом героические песни о походах в Святую землю и разлуке с возлюбленными. Песни эти

были близки Карлу, ведь он так мечтал о рыцарской славе. Душа его наполнялась легкой грустью и неясным предчувствием: что ждет его в этом мире? Кто знает... Слава доблестного турнирного бойца? Смиренное служение богу? Тяготы ратной жизни? Долг верности даме сердца?

В узком длинном зале с высокими стрельчатыми окнами горели свечи и трепетали тени, веселье разрасталось. Вот зазвучали иные мелодии, веселые и смешливые:

Склоняюсь я к ногам прекрасной дамы,
и сердце мое гибнет от любви.
Скажите, ах, скажите мне, пожалуйста,
почему я так страдаю от этого осинового жала?

Певца передразнивал шут. Держа в руках огромную обглоданную кость, он делал вид, что играет на лютне, и, прыгая с ноги на ногу, плаксивым голосом завывал:

Ах, моя госпожа, какая незадача:
в зад меня ужалила пчела!
Посмотрите — я от боли плачу,
страдаю из-за этой глупой клячи...

Аплодисменты в адрес трувера потонули в смехе, вызванном проделками шута. Стук дружно опустошаемых кубков иногда смолкал: все с интересом взирали на фокусника, поглощавшего и извергавшего огонь, силача, гнувшего подковы, человека-змею, скользившего сквозь узкие металлические кольца, лилипотов, приплясывавших уморительно-смешно.

Весенняя ночь укрыла темную благоухающую землю, звездное небо хранило свои тайны, за невидимым горизонтом лежали вожделенные дали. Карл с Бланкой в сопровождении нескольких придворных незаметно покинули разгулявшееся от обилия яств общество и отправились, полные любопытства, на прогулку по крепостным стенам и галереям, вдоль бойниц и башен. Было немного страшновато, давала себя знать усталость после долгого пути, но каждый шаг волновал их новизной, казался вступлением в новую жизнь, в предвкушении которой вздымалась грудь и перехватывало дыхание.

В черной топи рва, тянущегося вдоль крепостных валов и опускающегося под мост, жабы выводили свои печальные любовные песни.

Весь вечер Карл незаметно изучал окружение короля Яна. Его внимание привлекло умное продолговатое лицо некоего пожилого мужчины в церковном одеянии. Имя его было давно знакомо Карлу, но сегодняшняя их встреча, по сути, первая — та, давняя, во время крестин малолетнего принца, в счет не шла. Это был Балдуин, архиепископ Трирский, один из самых опытных и хитроумных дипломатов тогдашней Европы. Вступив самолично в мангеймское архиепископство, он оправдывался перед папой тем, что, когда умер его предшественник, никому якобы не было дела до пустующего престола, вот он и взял осиротевшее архиепископство под свою опеку. Да, это был троюродный дядя Карла — Балдуин. Кто не знает, как, подкупив курфюрстов, выборщиков римского короля, он добился избрания своего брата Генриха, отца Яна, императором Священной Римской империи! А когда умер Генрих, Балдуин содействовал избранию императором Людовика Баварского. Правда, вскоре они рассорились, и теперь Балдуин подстрекает против Людовика короля Франции, за спиной которого, впрочем, тоже плетет интриги, чтобы не дать ему — в случае смерти или низложения Людовика — возвести на римский трон своего сына.

Кое-что о дядюшке Карл знал, кое о чем догадывался, многое понял из намеков отца, а многое пока оставалось для него тайной. Где же истина? Этот человек с серьезным, благородным лицом кажется совершенно не способным на коварство и обман. Мыслимо ли подозревать его в этаких-то кознях и тайных умыслах? Однако при дворах европейских правителей многие думали об архиепископе иначе.

В молодости Балдуин, несомненно, был еще больше похож на короля Яна. Впрочем, и теперь нетрудно представить его густые седые волосы белокурыми и блестящими. Выразительные голубовато-серые глаза — тоже родовая черта Люксембургов. Проникновенный голос архиепископа неожиданно напомнил Карлу аббата Пьера де Розьера, проповеди которого в Пепель-

ную среду великого поста, помнится, покорили его, влили в душу священный экстаз, благоговейную набожность, породили столько светлых, возвышенных дум. А вот Балдуин, с его вкрадчивыми, проникновенными интонациями, пробуждает совсем иные мысли, нежели поучения аббата или наставления Часослова, который Карл с такой радостью читал в свободные минуты.

На следующий день Карл получил возможность еще раз сравнить обоих пастырей. Балдуин обратился к нему не как духовное лицо. Звучал голос светского человека, для которого меч привычнее облатки, а закованный в броню конь милее алтаря:

— У твоего отца, видишь ли, далеко идущие замыслы, они простираются за пределы люксембургского графства и дальнего Чешского королевства. В скором времени король Ян отправится к Людовику Баварскому, так называемому императору, и попытается примирить его с Габсбургами — те до сих пор не могут простить Яну, что во время выборов римского короля он выступал против них, да и в битве у Мюльдорфа способствовал победе Людовика.

— Но отец сейчас не в ладах с Людовиком Баварским, да и с Габсбургами тоже. Зачем же ему мирить их?

— Он ищет расположения Святого отца, а тот желает, чтобы Людовик Баварский покаялся и принял от него отпущение грехов. Сей муж, носящий титул императора, был в свое время предан анафеме за то, что насильственно вырвал у Габсбургов, которых поддерживал прежний папа, римский трон. Мы с твоим отцом помогли ему в этом. Людовик заполучил императорскую корону и тотчас — будь он трижды проклят! — приказал избрать антипапу!

Это было странное и малопонятное четырнадцатилетнему принцу объяснение. Почему отец до сих пор не говорил с ним об этих делах?! Или такие наставления он специально доверил дяде Балдуину, которого уважает и без помощи которого, окруженный со всех сторон врагами, давно бы потерял все свои титулы?

Архиепископ улыбнулся, легко читая ход мыслей юного принца, которого обуревали новые вопросы:

— Почему Святой отец хочет примирить Габсбургов с Людовиком Баварским? Почему эту миссию берет на себя наш король?

— Папа не без оснований опасается, как бы римский престол не захватил французский король, ведь его королевство в христианском мире самое могущественное. Случись так, светская власть на века подчинит себе церковь.

— Но разве не может Святой отец призвать Людовика Баварского и Габсбургов к себе в Авиньон и помирить их? Зачем ему мой отец?

— Людовик не явится в Авиньон. Он боится, что папа схватит его. А твой отец может приобрести расположение папы, тем более что скоро ему предстоит воевать и с Людовиком и с Габсбургами. Ты же знаешь, он женил твоего брата на дочери герцога Каринтии...

— Который до сих пор зовется чешским королем, хотя в свое время был с позором изгнан из Чехии.

— Да. Женил твоего брата на дочери Генриха, получил себе таким образом кредитора, а тот до сих пор не выплатил ему из приданого ни гроша. Генрих из Габсбургов, но Каринтию и Тироль решил оставить за своей дочерью; стало быть, земли отойдут королю Яну. Габсбурги, конечно, с этим не согласятся. Вот пусть и договариваются с Людовиком Баварским, который не желает наследственного перехода Каринтии к Габсбургам. Тогда Людовик станет на сторону короля Яна в благодарность за то, что тот примирил его с папой.

— Но тогда отец восстановит против себя обе стороны.

— Зато обретет благосклонность и помощь Святого отца, который хочет покорить Людовика, используя Габсбургов. Если это удастся, на вашей стороне будет французский король, ненавидящий и Людовика и Габсбургов.

— Но ведь Святой отец опасается его и не желает его усиления.

— Поэтому твой отец хочет, чтобы Людовик Баварский укрепил свое положение и не подчинился французскому королю...

— Но тогда он восстановит против себя французского короля!

— Французский король не может себе этого позво-

лить, у него на носу война с Англией. Английский король Эдуард обладает по материнской линии большими правами на французский престол, нежели твой шурин Филипп. А Людовик Баварский будет помогать Эдуарду.

— Я ничего не понимаю,— сокрушенно признался Карл.

— Скоро все поймешь, сын мой,— уверил королевича архиепископ Балдуин, глава рода Люксембургов.

Карл остался один, и глубокая печаль охватила его. Ему вдруг показалось, что на его плечи опустился небесный свод — прозрачный, невидимый, неосязаемый, но столь тяжкий груз, от которого нет избавления и который предстоит нести до конца дней своих. Где ты, Париж? Как далеко все это от наставлений Пьера де Розьера, от поучений Часослова о справедливой и благочестивой жизни! Да и ученые диспуты в коллегии университетских магистров, отрицавших господство церкви над светской властью, менее противоречили христианским идеалам, нежели мир, открывшийся перед ним в рассуждениях архиепископа Балдуина.

Где ты, детство? Где радостные блики цветных витражей в высоких готических окнах Сент-Шапель, ажурные башенки, каменные лестницы, просторные галереи королевской резиденции в Париже? Все давно кануло в прошлое: виноградники, сбегающие по склонам к Сене, тихие занятия чтением и грамматикой, игры с пажам и придворными, поездки верхом в Булонский лес, осенняя охота в Сен-Жермене. Там, в Париже, будущее казалось таким далеким, и вдруг — вот оно, здесь, на пороге. Речи дядюшки приблизили это будущее сурово и бесцеремонно. Что сейчас посеет отец, то в будущем пожнет его сын. Доброе либо недоброе? Пока все закрыто завесой неизвестности.

Ян, король чешский и граф люксембургский, уехал в Баварию со своей странной миссией, а четырнадцатилетний Карл остался правителем графства. Юной его супруге, конечно, не до государственных дел, делить тяготы власти с придворными принцу не приличествует, а дядюшка Балдуин, словно нарочно, то и дело берedit его душу.

— Любезный сын мой, ты забываешь, что святая

исповедь является признанием грехов перед богом, а не перед духовником. Запомни это.

Карл испугался: «Как он узнал, что, исповедуясь, я поделился с духовником сомнениями по поводу советов дядюшки? Да, порой они кажутся мне нарушением божественных принципов любви, терпимости, милосердия и снисходительности. Но ведь духовник обязан хранить исповедь в тайне. Никто же другой в мои сомнения не посвящен...»

Архиепископ чуть улыбнулся, видя смятение младшего из Люксембургов, и продолжал:

— Каждое слово, произнесенное перед духовником, подобно воробью, выпущенному из ладоней. Не знаешь, куда оно залетит. Но на всякий случай считайся с возможностью, что оно попадет туда, где может тебе повредить. Не будь настолько набожным, чтобы доверять свои слабости людям.

— Обманывать духовника? — растерялся Карл.

— Вовсе нет, милый сын мой. Сказать лишь малую толику, а об остальном умолчать — это не обман. Обмануть — значит сказать неправду; не говорить ничего — не значит обмануть. Бог не нуждается в духовнике, чтобы узнать о тебе то, что нужно. Бог всемогущ.

— Вы, монсеньор, — учтиво заметил Карл, — рассуждаете, как противник Святого отца!

— Это только так кажется, милый сын мой. Многие противятся Святому отцу потому лишь, что мечтают о благах, которые он отдал другим. Стоит только этим хулителям истинной веры получить теплое местечко, как они снова становятся послушными сынами церкви. У меня же таких благ предостаточно, и если я говорю так, как ты слышал, то с единственной целью — помешать тебе давать против себя оружие в руки врагов, которых у тебя всегда будет в избытке. Они будут скрываться и под монашеской сутаной, и под кардинальской митрой. Верь только себе, милый сын мой, а других вводи в заблуждение, только так тебе удастся взять над ними верх.

Принц верил и не верил. У него не было причин подозревать в еретичестве или нечестности этого уважаемого, образованного и высокопоставленного человека, к тому же близкого родственника, и все-таки что-то восставало в Карле против таких речей. Он не мог принять совет, содержащий скрытый призыв к ко-

варству и лжи. Разве править — значит любой ценой стремиться к достижению безграничной власти? Где же тогда место нравственности и правопорядку?

Дядюшка завершил свои наставления, доверительно понизив голос, словно раскрывал троюродному племяннику главную свою тайну:

— Нынешний Святой отец скоро умрет, милый сын мой. И нам далеко не безразлично, кого Святая коллегия изберет на престол Петра. Желательно, чтобы это был муж сильный и решительный, который, однако, нуждался бы в нашей помощи. Получив ее, он смог бы вырваться из подчинения твоему шурина, французскому королю Филиппу. Плохо, если ему в этом поможет Людовик Баварский, так называемый император. Помочь должны мы. Тогда ни Габсбургу, ни проклятому Виттельсбаху, сыну Людовика, не быть новым римским королем после смерти этого лжеимператора.

— Это будет Люксембург? — заблестели глаза у Карла.

Архиепископ ничего не ответил — либо не желал, либо не мог.

Подобные беседы, впрочем, лишь изредка прерывали долгую череду однообразных дней. В люксембургском замке Яна Балдуин был лишь гостем. Обычно он жил в своей резиденции в Трире либо в Мангейме, иногда посещал брабантского или лимбургского графа, а как-то заехал в Мец к местному епископу.

Бесконечно тянущиеся дни и недели Карл посвящал знакомству с графством. Выезжал верхом в сопровождении Бланки и свиты. Ему полюбилась область, носившая название Гутланд. Она простиралась на юг, к Франции, была вся в виноградниках и ухоженных полях, отделенных друг от друга лесами, рощами, садами, лугами, речками. Куда меньше нравился Карлу унылый северный Остлинг — с торфяными болотами, каменистой землей, пастбищами, заросшими вереском и кручинкой. Здесь темнели еловые и пихтовые леса на крутых горных склонах, сбегаящих к быстрым речушкам. Речушки собирает воедино многоводный Ур, впадающий в Сюр, а тот, в свою очередь, в Мозель. Сюда Карл выезжал охотиться на тетеревов и зайцев, а позднее, осенью, на гон крупного зверя, которого

здесь гораздо больше, чем во Франции, охотников же меньше.

Иногда он проводил время в обществе сынков богатых горожан и соседних вассалов. Играли в шахматы и шашки, до поздней ночи болтали, загадывали друг другу загадки или попросту сплетничали об отсутствующих. Своим визитом веселящихся удостаивала Бланка в сопровождении неизменной графини д'Орей, присутствие которой, впрочем, не мешало молодежи самозабвенно предаваться музыке, песням, танцам и играм.

Бланка сердилась:

— Разве мы дети, что за нами нужно присматривать? Разве мы сами не знаем, как следует себя вести?

— Скажите это по-немецки,— подзадоривал ее Карл, зная, с каким трудом Бланке дается немецкий, учить который она начала здесь, в Люксембурге.

— Я предпочту повторить это после вас по-чешски,— парировала на французском Бланка, помня, что супруг давно забыл свой родной язык.

И вдруг в его памяти ожили некоторые чешские слова. Он оторопел: «Будущее уже на пороге, а я не знаю родного языка! Где мой отец, где мои сестры и братья, где моя мать?» Карл поднялся по лестнице на донжон, самую высокую крепостную башню, и через узкую бойницу устремил взор на восток, туда, где за лесистыми грядами несет свои могучие воды Рейн, где лежит холмистая Швабия, дальше — Баварские горы, а еще дальше, очень далеко, стоят дремучие боры страны, давшей ему имя. Ничего, совершенно ничего не помнит он о родной земле.

Там, далеко на востоке, лежит Прага. Родной город, древняя резиденция его предков, королей по материнской линии — богатого короля Вацлава, героического Пржемысла Отакара II, других властителей с трудно произносимыми именами... Язык чешский совсем не похож ни на французский, ни на латинский, ни на немецкий язык, который Карл по приказу Балдуина одолевал теперь на ежедневных обязательных занятиях.

«Родная Прага, когда же наконец я увижу тебя?»

Король Ян призывает Карла в Италию

ВРЕМЯ от времени прибывал гонец. У подъемного моста раздавался громкий крик, дозорный на крепостной стене вторил ему, прибежал начальник стражи и расспрашивал гонца, кто он и откуда. Потом ворота со скрежетом открывались, и мост медленно, на цепях, опускался. Мост был сложен из крепких, толстых бревен и легко выдерживал и карету шестериком, и целый отряд лучников.

О доставленном письме гонец докладывал бургграфу, который тотчас направлялся к Карлу; гонец послушно шел следом, надежность его хитроумно проверялась перекрестными вопросами, и только после этого Карлу вручалось послание отца.

Дела короля Яна с божьей помощью идут хорошо. Переговоры с Людовиком Баварским прерваны: оказывается, сей коварный муж одновременно поддерживает нацеленные против Яна сношения с Габсбургами. Примирение со Святым отцом Людовик всерьез не принимает, он лишь выжидает и строит козни, желая завладеть Тиролем и Каринтией, а ведь герцог Генрих предназначает их Маргарите, супруге младшего брата Карла. Сейчас король Ян находится в Северной Италии — город Брешия просит его помощи. Об этом же молят и другие города. Поэтому Карлу следует подумать об отъезде из Люксембурга, дабы быть рядом с отцом. Города здесь красивые и богатые, одному Яну управлять нелегко, и высокочтимый сын наверняка приветствовал бы возможность взять один из городов под свою опеку.

Карл не знал, как поступить, и поэтому дожидался дядюшку Балдуина. Тот, сразу уловив замыслы Яна, согласился с предложением короля.

— Поезжай, принц, как только кончится зима. Морозы сейчас сильные и дороги отвратительные. Я снаряжу тебя, как подобает, оставь мне расписку, и твой отец оплатит долг, а до той поры я буду управлять Люксембургом. Ты еще очень молод, но твой отец был не старше, когда чешские паны призвали его в Чехию на королевский трон. Поезжай, милый сын мой, ты уже умеешь крепко держать в руке меч

и управлять конем, как настоящий рыцарь. Не забывай, однако, о спасении души, а отцу передай, что его кредиторы наседают, а потому пусть он не мешкая вышлет побольше денег, хотя я знаю, что кошелек его пуст. С верой в бога и смирением в сердце поезжай.

Но Бланка сердилась:

— Только что твой отец пригласил нас в Люксембург. А теперь зовет в Италию. А потом в Чехию? Или еще бог знает куда? Зачем тебе туда ездить? Здесь, впрочем, мне тоже не нравится, лучше бы вернуться нам в Париж.

— Куда бы ни звал меня отец, могу ли я ему перечить?

— Разве ты не принц? Не наследник и преемник? Не первородный сын? Или твой отец полагает, что ты его слуга? Турниры он может устраивать и здесь либо в Бургундии, в Париже или Лотарингии, до них рукой подать, да и говорят там по-французски. Фландрия в трех днях езды отсюда, Нидерланды почти из окна видны. Почему бы ему не вернуться? Здесь его графство, не в Италии.

— Не женщинам об этом судить.— Карл напустил на себя суровость.— Отец король и рыцарь, он не может увилить от ратных дел и дожидаться насмешек — ему, мол, и на коня не взобраться, и копыта в руках не удержать. Да призови он меня в самый ад, я и минуты не буду раздумывать.

— А меня, значит, ты спрашивать не станешь? Меня ты оставишь одну?

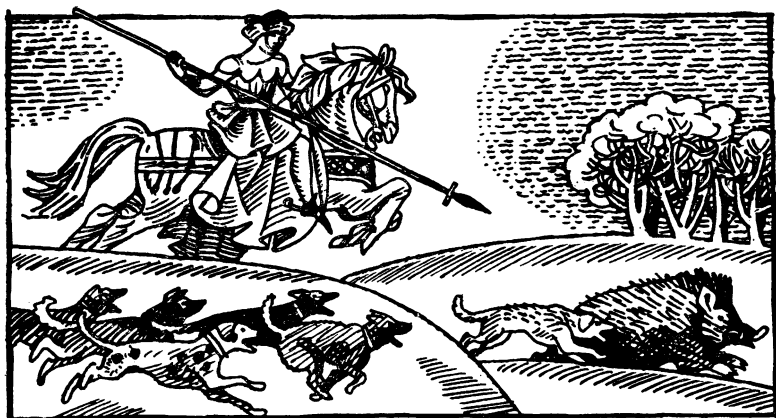
— Разве ты одна? А свита? А графиня д'Орей? Разве тут не достаточно развлечений? А танцы и игры по субботам?

— Если рядом нет тебя,— сказала Бланка быстро,— я чувствую себя совсем одинокой, будь у меня хоть десять свит и танцы каждый день.

В голосе ее не было ни гнева, ни печали. А что же звучит в нем? Карл не мог определить. Склонив каштановую головку набок, Бланка ушла, тихо шелестя длинным платьем, ни разу не оглянувшись.

Карл стоял в растерянности: «Отец зовет меня в Италию, Бланка хочет, чтобы я остался с ней. Что же делать? Быть может, есть какой-то третий путь? Есть, наверняка должен быть».

...Минула зима, затяжная, темная и трудная, прежде чем Карл дождался новых известий от короля Яна. Дни, недели, месяцы проводил он в крепком каменном замке с мощными стенами, узкими бойницами, хмурыми башнями, тесными внутренними дворами. Утренние сумерки неохотно уступают место серому, хмуromу, промозглому дню. Два-три часа светло, а потом снова опускается ночь, долгая, темная. Снег сыплется с низкого неба, кружит метелица, срывает кровлю с крыш, заваливает сугробами двор и кривую улочку,

отвесно падающую от замка вниз, к городским посадам. В камине главной залы пылает огонь, пожирая буковые поленья, за дверьми тоскливо скулят охотничьи собаки. Группа бродячих комедиантов, пользуясь гостеприимством хозяев, живет в замке уже несколько недель, ежедневно показывая свое мастерство в игре на лютне и в пении. Но наскучили постоянно повторяющиеся мотивы. Дамы вышивают, щуря глаза при колеблющемся свете лучины, а окружение Карла — пажы и молодые дворяне слоняются по коридорам, проказничая в поисках способов убить время. Иногда зазвучат валторны — и охотничья процессия устремится на север: главный королевский егерь доложил, что в лесу обнаружено стадо кабанов. Вот он, желанный повод развеять скуку и устроить вечером веселый пир с обжорством и обильным возлиянием.

Давно минули рождественские праздники — две недели музыки, песен, коляд, гуляний, молитв, развлечений и пиршеств. Позади осталось крещение с веселой поездкой на санях в окрестные поля. Протащился суровый январь, отошел и февраль с масленичными забавами.

И вот однажды повеял ветер с юга, из бургундских далей, а может, с далекого моря. Загудел над башней, смахнул сосульки с крыш и навесов, выпростал из белых одеяний черные кроны лип, грабов, верб, елей, вязов и ольховника, растопил сугробы, превратил дороги в непролазные топи. Южный ветер разогнал непроницаемую завесу туманов, разорвал низко нависшие тучи, открыл синеву необъятных небесных просторов. Над полями зазвучали трели жаворонка, река Сур вышла из берегов.

Первая и последняя весна Карла на родине отца, в графстве Люксембург...

Едва спало половодье и подсохли дороги, прискакал гонец от короля Яна. Появление его было неожиданным и насторожило Карла. Ведь по размякшим дорогам еще трудно передвигаться, лошади вязнут в грязи, того и гляди, всадник свалится в лужу или сорвется со скользкого крутого берега. Поэтому прибытие посла свидетельствовало об особой значимости вестей от Яна.

Приезжай поскорее ко мне в Павию; город этот, как и почти вся территория Тосканы и часть Ломбардии и Эмилии, отныне принадлежит нам. Я принудил императора признать эти синьории в качестве наших имперских ленов, а Святому отцу объяснил, что именованная церковь охраняю их. Надобно, чтобы ты наконец-то прибыл сюда, да с деньгами, с возможно большей суммой, пусть дядя тебе одолжит...

Обрадовался ли королевич Карл? Или нахмурился, растерялся? Или забеспокоился? Кто знает... Скорее всего, он и сам не смог бы определить, какие чувства владели им после прочтения отцова письма. Чем вызвана такая поспешность?

Балдуин помог Карлу собрать отряд рыцарей и дворян, подыскать необходимых в дороге людей — писаря, секретаря, камергера, лекаря, конюшего, герольда; выслал послов во Францию и Бургундию, чтобы обеспечить принцу хороший прием и ночлег в пути.

Карл облачился в одежду для верховой езды и попрощался с Бланкой, не замечая, точнее, не желая замечать ее слез.

В путь Карла напутствовал дядюшка Балдуин, напутствовал словами, над которыми принц должен был поразмыслить. Мудрые, прямые слова звучали строго и обязывающе.

— Ты едешь, милый сын мой, чтобы вступить в борьбу. В борьбу кровавую и бескровную, и будет она длиться всю твою жизнь. Ты опора отца и должен ясно представлять себе, что это значит. Чешское королевство, хоть и самое крепкое в Священной Римской империи, не является, однако, имперским леном. Имей это в виду. Оно управляется по собственным законам, а его король избирается чешским сеймом. Император Священной Римской империи не имеет права решать судьбу Чехии, хотя постоянно добивается этого. А все потому, что уже несколько столетий римскими императорами избираются правители из немецких родов. Они не слишком влиятельные и поэтому не угрожают ни Святому отцу, ни Франции. Но они пытаются присвоить себе побольше прав. Чешский король не вправе приумножать их могущество, разве только... — Тут архиепископ сделал паузу, желая подчеркнуть нечто такое, что не обязательно произносить вслух —образительный человек поймет и без этого. — ...разве только сам будет римским королем или императором. Но это вряд ли придется по нраву папе, а еще меньше — курфюрстам, им выгодна слабость империи. Поэтому, милый сын мой, чешский король должен быть постоянно начеку, о чем иногда забывает твой отец. Помни о моих словах, милый сын мой, помни!

Карл не переставал обдумывать это напутствие, взвешивал каждое слово Балдуина. Оно казалось ему жестким, холодным, пожалуй, даже еретическим. Ведь царствовать — значит служить богу, говорил Блаженный Августин, а не плести интриги и устраивать закладки, желая одного противника поймать, другому подставить ножку, третьего обмануть. С другой стороны, дядя мудрый человек и свой, Люксембург, без него дед Генрих никогда не стал бы римским императором, а отец — чешским королем.

По мере приближения к Италии, на пути к которой отряд Карла миновал Францию, Бургундию и Савойю,

весна меняла свое обличье. Если в графстве Люксембург только-только распускались сережки на ивах, из земли, все еще прикрытой блеклой прошлогодней травой, пробивались первые маргаритки, мать-и-мачеха и подснежники, а почки на деревьях лишь таили в себе будущие листья, то на южных склонах Савойских Альп уже буйно цвели миндаль, персики и черешня. Ломбардская низменность покрылась свежей зеленью, желтела от луговых одуванчиков и гусят, пасущихся у ручьев. Лазурь неба словно спустилась с заоблачных высей и растворилась в зеркальной поверхности рек и озер.

Мощные укрепления опоясывали Павию. Поначалу кажется, что возведены они лишь для того, чтобы любоваться красотой белоснежных стен, зубчатых башен, бойниц и въездных ворот, а вовсе не для отражения противника. Хотя, конечно, в этом главное их назначение. Белые патрицианские дворцы, украшенные мраморными колоннами и широкими лестницами, подчеркивают богатство их обитателей. Улицы вымощены большими каменными плитами. На площадях и рынках возвышаются фонтаны и каменные изваяния знаменитых мужей города. Устремленные ввысь древнеримские столпы — словно персты, указующие волю неба: путник, остановись! Повсюду, куда ни глянь, богатые горожане — в длинных цветных мантиях, причудливых головных уборах, узконосых башмаках. На узких улочках — шумные толпы ремесленников, торговцев, нищих, богомольцев, монахов, женщин, детей, бродяг. Кто-то ругается с соседом, кто-то торгуется, вот семья прямо перед домом расположилась к обеду. Вдоль белой садовой стены вереницей тянутся монашки, а над ними возвышаются кипарисы, магнолии, тamarиск, туя. Пастух гонит стадо по ступеням храма. На площади веселится шумная свадьба, а отцы жениха и невесты жарко спорят о приданом. Из храма доносится хоровое пение, а с башни — звон колокола. Отряд стражников направляется к въездным воротам — идет смена караула. Висячие сады, разделенные низкими белыми стенами, карабкаются вверх по склону. Сероватые маслины и темно-зеленые смоковницы растут на красной, каменистой глине. А вокруг — ореховые деревья, белые акации, пальмы.

С этой землей Карл еще не знаком, она пленила его

во время спуска с альпийских предгорий, поразила и одновременно испугала.

В Брешии Карла поджидал Людовик Савойский, друг отца. Галантный молодой господин в полосатом желто-зеленом одеянии с пышными, в кружевах, рукавами, в узких, облегающих панталонах, с кордиком на боку, в шапочке с большим страусовым пером. Людовик весьма выделялся в придворной свите Карла, среди шумных и грубоватых его спутников, к тому же порядком истомленных за долгие дни путешествия.

Павия! Сколько раз слышал о ней Карл в свои детские годы в Париже! Тысячи лет вкушает здесь вечный покой Блаженный Августин, о котором так увлекательно рассказывал юному Карлу аббат Пьер де Розьер! В Павии и поныне существует монастырь августинцев. Три года назад Людовик Баварский во время своего римского похода изгнал монахов из монастыря, и только теперь, благодаря королю Яну, августинцы вернулись в свою обитель.

Весна, пасха, время светлых надежд и чистых помыслов...

Как раз в эти радостные дни Италия показала Карлу и свое второе лицо.

Звуки колоколов плыли над городом, мальчишки с оглушительными трещотками в руках носились по улицам, девочки украшали окна цветами, обрамляли садовые калитки и порталы домов гирляндами зелени. Венки из тонких молодых побегов по карнизам крыш напоминали о том, что настало время пасхального веселья.

Карл постился, готовясь к святому причастию, и с несколькими спутниками отправился на исповедь. Большинство же его воинов предпочли, ожидая королевича, провести время за обильным столом и неумеренным питьем. Вернувшись в монастырь, Карл увидел, что воины его умирают в страшных судорогах и их тут же уносят в холодный каменный склеп, где уже лежат другие бездыханные. Что такое? Кто решился на столь тяжкое преступление сегодня, в церковный праздник? Заговор против Карла? Принявшие пищу до причастия заплатили за маленькое прегрешение своей жизнью...

Карл дрожал от волнения, был испуган. Он вдруг почувствовал себя в западне, под чьим-то неусыпным контролем, чуждым, незванным и смертельно ненавидимым. Кем? Кто мог сотворить такое? Людовик Савойский тоже не мог избавиться от беспокойства. Унылой была их трапеза, печально начиналось пребывание Карла в прекрасной Италии.

Уверенность короля Яна в своей власти над североитальянскими синьориями была, следовательно, безосновательной. Карл отчетливо понял это в ту горькую минуту. Неважно, кто подстроил западню. Немой юноша, отиравшийся около дружины Карла и схваченный слугами королевича, после трехдневных пыток признался, что действовал по наущению синьора Аццо Висконти из Милана, слывшего другом короля Яна.

Да, недобрыми были первые дни Карла в Италии. Роль, отведенная отцом сыну, оказалась сомнительной. Понимает ли это король Ян?

Король Ян оставляет пятнадцатилетнего Карла в Италии

ПОКИДАЯ графство Люксембург, Карл совсем иначе представлял себе встречу с отцом. Ему казалось, это случится на рыцарском турнире, где король Ян под чешским знаменем побеждает одного соперника за другим, или же во время торжественного пира в королевском дворце в Парме.

Когда Карл во главе своего отряда соскочил с коня у широкой лестницы итальянской резиденции отца, украшенной колоннами и окруженной зеленью тамариска, акациями, пиниями, туей и боярышником, к нему навстречу вышел не король и гордый завоеватель, а веселый, хлебосольный хозяин. Одежда итальянского покроя переливалась на Яне всеми красками, кордик на боку как две капли воды походил на такую же безделушку на поясе Людовика Савойского, словно они были сделаны в одной мастерской; длинные, блестящие волосы развеваются на ветру, на руках вместо тяжелых металлических рукавиц белые шелковые перчатки с широкой кружевной каймой.

— Приветствую вас, любезный сын,— по-придворному церемонно, но с искренней радостью произнес король Ян.— Я счастлив, что вы наконец-то здесь.

Карл опустился на колено и склонил голову, как и положено перед королем.

— Я прибыл по вашему приказу, ваше величество,— учтиво ответил он.

На этом церемония встречи завершилась. Тотчас зазвучала музыка, куда более задорная и веселая, чем французская. Закружились в танце дамы и кавалеры, слуги принялись разносить украшенные цветами подносы с фруктами, закусками и мясными блюдами; круглое пространство между балюстрадами заполнилось людским хороводом.

Как не похожи эти белоснежные воздушные постройки на высокие сводчатые залы Люксембурга! Здесь широкие прямоугольные окна — там высокие стрельчатые проемы с полупрозрачным стеклом в свинцовых полосках. Здесь веселые фрески — там сумрачные росписи каменных стен. Все здесь наполнено солнцем; пространство разбегается за колоннами, переходя в балконы и веранды, в лестницы к садовым газонам и водоемам с кувшинками. Вдоль дорожек в саду расставлены скульптуры, тропинки ведут к укромным беседкам; здесь легко заблудиться, и тогда тебя ждут все новые и новые открытия.

Интересно, как выглядит незнакомая далекая каменная Прага? А какие глаза у далекой Бланки?

И манеры в Парме иные. Мясо руками не раздирают и соус не отпивают прямо из блюда. Кусочки мяса берут вилками и едят, не притрагиваясь к ним руками. Таких «дамских» замашек не знают даже при французском дворе, их завели венецианцы, позаимствовавшие их в дальних морских путешествиях.

Когда под утро празднество подошло к концу, король Ян стоял на ногах нетвердо, лицо его побагровело, да и поведение изменилось — таким его Карл не знал. Галантной учтивости несколько поубавилось. Ян что-то настойчиво нашептывал синьоре, с которой только что танцевал, пытаясь ее задержать, хотя она спешила домой и ее супруг, синьор Паволлини, нетерпеливо поджидал жену на улице у носилок. Синьора ушла, а Ян разозлился. Конечно, уже год, как он вдовец — Карл только в Италии узнал о смерти своей матери

Элишки Пржемысловны в далекой Праге,— но все равно не годится, чтобы чешский король таким образом добивался расположения дам. К тому же синьора Паволлини замужняя женщина и отец знает об этом!

Иногда король Ян одевается, как заурядный фат, чтобы никто не узнал в нем монарха, друга Святого отца и сына императора Священной Римской империи. В таком наряде его сопровождают особо доверенные люди, справедливее сказать — собутыльники во главе с верным Гийомом де Машо, поэтом и певцом, который давно сочиняет о Яне прославляющие короля баллады. Кривыми ночными улочками они пробираются к городским укреплениям и за взятку, соединенную с угрозой, заставляют стражу отпереть боковые крепостные ворота. Потом сбегают вниз, через виноградники, к небольшой, едва видимой в густой зелени траттории. Там король заказывает кувшин вина, белого, как акациевый мед, или красного, как лепестки роз. Дочь хозяина траттории зовут... Как ее имя? Джулия? Нет, не Джульетта, с Джульеттой Карл танцевал в день приезда в Парму. Эту девушку зовут иначе. Неважно как. Она нравится отцу, подвижная, бойкая. Она позволяет положить руку на талию, прижать к себе и даже поцеловать, но потом вдруг отпрянет, как ласка, выскользнет и убежит.

Карл совершенно оглушен новыми впечатлениями, его не оставляла неуверенность и досада. «Зачем отец призвал меня в эту страну? Здесь друг хмурится, как враг, а враг улыбается тебе, словно возлюбленной. Слуге ничего не стоит выхватить в разгар пиршества кинжал и проткнуть изысканно одетого заговорщика, который притворяется, что пьет за твое здоровье и готов бросить к твоим ногам все свое состояние. Тот, кто в сладких речах желает тебе долгой жизни, счастья и любви, оказывается, только что всыпал в твой кубок медленно действующий яд. И почему отец днем превращается в прилизанного, вежливого, важного синьора, а ночью в кутилу и волокиту?» Таким Карл сроду его не видел. Ян, король чешский и граф люксембургский, известен при дворах всех европейских монархов как смелый рыцарь, бесстрашный воин, крепко сидящий в седле,— сбоку меч, в левой руке щит, на красном чепраке серебряный лев. Фанфары приветствуют его как победителя, а он объезжает ристалище, поднимает забрало,

улыбается, склоняет голову перед дамой, которая машет ему с галереи, и на острие копья протягивает ей розу. Таков в представлениях Карла его отец; король Ян — украшение рыцарства, без него всему христианскому свету не обойтись ни в дни мира, ни в дни войны.

Теперь Карл познает другую сторону характера отца. Смелый рыцарь, галантный дворянин, но и авантюрист, искатель приключений, бродяга, человек без друзей, без денег, способный за несколько дней спустить все деньги, собранные по его приказанию в королевстве за целый год вперед. Не раз случалось, что приятели разом покидали его. Оставался лишь один верный друг — Гийом де Машо. Вот и сейчас он кутит вместе с Яном в пармской трактирии, кутит и смеется, вытирает усы, смоченные вином, и поет, вспоминая веселые похождения, прославляя Яна: никто в Италии не может сравниться с королем Яном; лучшие рыцари Бургундии и в подметки ему не годятся; в ордене немецких рыцарей некого поставить рядом с ним; в Рейнской земле днем с огнем не сыскать того, кто отважился бы выехать на арену против Яна. Вот каков чешский король Ян!

Но не таким будет его сын Карл. А каким? Каким он хотел бы быть? Карл этого еще не знает. Пока же в его памяти часто оживают впечатления от проповеди аббата Пьера де Розьера в памятную среду великого поста, потом вдруг настойчиво зазвучит голос дядюшки Балдуина, его предостережения и советы, столь непохожие на все, чему учили Карла раньше...

Первые дни пребывания принца в Италии подтверждали правоту дядюшки. Выходит, аббат не знает изнанки жизни? А если знает, то как мог он держать Карла в неведении? Не он ли вложил в руки юного принца переплетенные в кожу латинские пергаменты с изречением императора Августа: «Никто не предполагает, как отвратительно и как тяжело властвовать!»

Впрочем, отец так не считает. Правит королевством легкомысленно, не утруждая себя заботами, не задумываясь о будущем. И дома, в Люксембурге, и здесь, в Италии, его правление не имеет ничего общего с тем, как должно править по представлению королевича Карла.

Вот какие мысли пробудила в сыне встреча с отцом.

...Едва Ян встретил Карла, как снова отправился за Альпы. Ничто уже не могло удержать его в Италии. Король был убежден, что и так слишком долго оставался в Парме, что есть места, где в нем нуждаются больше. Сначала ему надо побывать в Париже — выдать замуж четырнадцатилетнюю дочь Юдифь за французского принца Иоанна, будущего короля Франции. Потом, пожалуй, придется отправиться походом на Литву против язычников, в Силезию, дабы укрепить там свое господство; надо бы переговорить и с венгерским королем Карлом Робертом, попытаться удержать его от союза с Габсбургами. Вероятно, заглянет Ян и в Чехию — собрать налоги, заложить несколько замков, занять денег под серебро, добываемое на кутногорских рудниках. И опять в путь — на север или юг, на восток или запад.

Пятнадцатилетний сын и наследник останется в Италии один. Ну, не совсем один. Днем и ночью он окружен свитой, у него гостят посланцы городов, принявших покровительство короля Яна, то и дело приезжают послы из Венеции, Флоренции и Милана. Одни спешат выразить дружеское благорасположение, другие не скрывают притязаний на захваченные Люксембургскими землями.

Карл подружился с паном Микулашем, определенным королем Яном в секретари принцу. Несмотря на юные годы, пан Микулаш, родом из города Брно, отличается высокой образованностью. Он учился в университете в Болонье, куда многие чехи с давних пор направлялись за знаниями. В этом университете чехов причисляют к числу восемнадцати заальпийских народов, имеющих право на бакалаврские и магистерские должности. Микулаш человек терпеливый, обходительный, преданный королю Яну и Чехии. День ото дня Карлу становились все более необходимы и полезны его рассказы о далекой родине, его советы, которые почти всегда шли вразрез с намерениями короля Яна.

Под напором сухого ветра отцвели на склонах тосканских холмов миндаль и маслины. На косогорах, полях и пастбищах исчезла изумрудная зелень, листва посерела, пропал весенний блеск, такой яркий здесь. Невозвратно уплыли кудрявые облака, тянувшиеся от

горных хребтов в Падуанскую долину. Давно растаяли альпийские снега, и в лучах уходящей весны закружились облачка падающих лепестков и хороводы бабочек. Солнце согревает и роскошные дворцы, и бедные, тесно прижавшиеся друг к другу домишки. В бездонную синеву неба устало смотрят островерхие башни крепостей и замков. Реки, еще несколько недель назад угрожавшие всей округе наводнением, смирили свой норов, вошли в привычное русло. В тени каменных оград укрылись истомленные зноем ослы и мулы, овцы и козы, собаки и кошки.

Карл понемногу забывал историю с ядом, случившуюся на пасху в августинском монастыре. Миновали дни торжественных встреч и высокопарных соглашений с дружественными городами относительно налогов за представляемую им защиту, которая, правда, больше провозглашалась, чем реально осуществлялась. Император Людовик Баварский позаботился о том, чтобы партия гибеллинов, его сторонников, перестала считать короля Яна полномочным представителем Людовика в Италии, а партию гвельфов, сторонников папы, столь же успешно подстрекали против Яна приверженцы неаполитанского короля Роберта Анжуйского, который отлично знал, что король Ян использует имя Святого отца в своих личных целях. Сын начинал пожинать плоды посеянного отцом.

Торжественная встреча Карла, устроенная королем Яном, теперь вставала в памяти принца как некая полуреальность, почти столь же призрачная, сколь воспоминания о Бланке. Принцесса Бланка уже не в Люксембурге. Недавно прибывший посол сообщил, что она, не в силах одолеть тоску, вернулась в Париж, ко двору короля Филиппа.

И все-таки время от времени колоннада королевского дворца в Парме опять наполнялась веселой, насмешливой итальянской музыкой, не похожей на пылкие французские мелодии и тем более на сентиментальные немецкие напевы, которым Карл внимал год назад в Люксембурге. Бывает, иной год кажется равным десяти.

Пармский дворец стали регулярно посещать дворяне и богатые горожане. Приступили к своим обязанностям десятки лакеев, камердинеров, поваров, слуг;

были выписаны музыканты. Садовники привели в порядок многочисленные газоны, дорожки и беседки. Сменяли друг друга пиршества, танцы, прогулки по тенистым тропинкам, серенады в беседках, готах и у фонтанов, разговоры и любовный шепот на лестницах и под беломраморными балюстрадами. Карл стал носить модные узкие шоссы — одна штанина зеленая, другая — белая, сборчатый жакет из лилового бархата, широкий шелковый пояс, привезенный венецианцами из далекого Китая. К поясу прикреплен инкрустированный перламутром кордик. Ярко-красный воротник оттенен сборчатой каймой рубашки, в руке белый платочек, чтобы потеющая в быстром танце ладонь не была неприятна дамской ручке. Трудно увидеть в этом молодом щеголе серьезного, образованного воспитанника французского королевского двора и тем более сына чешского короля, будущего монарха.

Его итальянский язык уже не звучал так жестко, как вначале. Речь королевича становилась все более плавной и искусной, по мере того как Карл овладевал привычными, сотни раз повторяющимися оборотами светского разговора. Он быстро усвоил правила пустой болтовни, которой с удовольствием услаждал слух богатых и высородных собеседниц во время прогулок по саду, погруженному в вечерние тени. Карл умел говорить обо всем и ни о чем, у него на языке вертелись целые пассажи, он умел ответить на любой вопрос, свернуть к месту экспромт, хотя порой не имел ровно никакого представления о сути разговора.

Всюду, где бы Карл ни оказался, с кем бы ни остановился перебраться словом, он чувствовал чужие глаза, с виду безразличные, в действительности же внимательные и настороженные. Они могли принадлежать Людовику Савойскому или собственному слуге, почтенному флорентийцу или посланцу венецианских дождей. Принц чувствовал их, но не знал, чьи это глаза.

Денег у Карла было еще достаточно, города, принявшие покровительство короля Яна, еще не разобрались в истинном положении короля чешского и графа люксембургского. Но Карл понимал: вот-вот наступит час, когда у него иссякнут золотые флорины, а на доходы из Чехии рассчитывать не приходится: кутногорское серебро поплывет в карман короля Яна. Если

поплывет — ведь бóльшая часть грошей прямо с монетного двора отправляется к многочисленным королевским кредиторам и в казну попадает лишь малая толика. Что же будет тогда?

Карл обнажает меч

В ПОДЧИНЕНИИ Карла оставались Парма, где находился его двор, Модена с окрестными поместьями, города Пистойя, Реджо, Кремона и — южнее всех — Лукка, расположившаяся в центре живописной Тосканы. Дворяне и богатые горожане других земель перестали опасаться чешского короля, проведав о том, что он не является посланцем ни императора, ни папы.

Авторитет короля Яна в Италии упал еще больше после его отъезда в Чехию. Неопытный пятнадцатилетний принц и наместник короля казался итальянцам недостаточно солидным правителем; по правде говоря, так оно и было. Если некоторые из них оставались вместе со своими синьориями и городами сторонниками Яна, то только потому, что были в ссоре с другими дворянами и городами — из-за старых обид, неподделенных наследств, неоплаченных долгов, спорных территорий. Решить эти споры они надеялись при помощи короля Яна — вот вернется он с наемным войском и поддержкой или папы, или императора Людовика Баварского, или французского короля.

Карл исподволь узнавал о тайных переговорах, уверяясь в ненадежности и неискренности «дружеских» заверений дворян и горожан. С горечью воспринял он весть о том, что из-под его влияния выпал город Брешия, а ведь когда-то Брешия был первым, попросившим у короля Яна защиты и признавшим его власть. Вслед за Брешией к миланскому правителю Аццо Висконти перекинулась область Бергамо. Но более всего королевич переживал потерю Павии, первого итальянского города, в ворота которого он вступил и где едва не лишился жизни. Разумеется, он был огорчен не столько из-за воспоминаний, сколько из-за утраченной власти над местом последнего упокоения

Блаженного Августина, которого так почитает. Эта потеря казалась ему дурным предзнаменованием.

Как изменился за эти несколько месяцев чешский королевич! Нет больше неопытного, простодушного юноши, который, помнится, едва не уселся за красиво накрытый стол, чтобы отведать отравленное блюдо, и которого при виде содеянного злодейства сначала охватил ужас, а потом распалил гнев. Гнев, признаться, все чаще посещает его, стоит ему столкнуться с фальшивыми заверениями в вечной дружбе.

В залах, комнатах, садах пармского замка было безопаснее, чем в других местах, но надолго ли? Не будь рядом пана Микулаша и тех немногих рыцарей и придворных, которые пришли с Карлом из Люксембурга и Франции, принц вряд ли пережил бы первый год своего пребывания в этой солнечной, богатой и веселой стране. Вряд ли отважился бы он выезжать жарким летом к зеленым берегам Тапо и даже к самой По, чтобы освежиться в стремительных речных водах, походить по камешкам, вглядываясь в спящие стайки юрких рыбешек. Вряд ли мог принять приглашение синьора Симона Филиппи из Пистойи, верного своего союзника, на праздник винограда в имение этого достойного господина. Но разве не могут в его окружении оказаться люди, подкупленные или запуганные, которые вдруг пустят из засады отравленную стрелу или вольют яд в молодое вино нового урожая?

Пришла зима, столь не похожая на промозглые, ветреные зимы на севере. В мрачные и томительно долгие послеобеденные часы при шуме дождя Карл часто вспоминал прошлогоднее рождество. «Как все это далеко! Где вы, высокие стрельчатые своды люксембургского замка? Куда унеслись густые метели над темными лесами? Кто вслушивается теперь в треск льда, сковавшего ручей близ крепостных ворот? Здесь, в Италии, нет ни снежных сугробов, ни пылающих каминов с потрескивающими смолистыми поленьями, ни тоскливых песен странствующих певцов. А легкие шаги, светло-каштановые волосы и серо-голубые глаза принцессы Бланки? Думает ли она обо мне? Помнит ли слова, которые торопливо шепнула при расставании: «Если рядом нет тебя, я чувствую себя совсем одинокой, будь у меня хоть десять свит и танцы каждый день».

Никогда не разлучались они так надолго с той самой минуты, как в семилетнем возрасте их обручили в Париже и устроили по этому поводу пышные торжества. С тех пор Бланка и Карл виделись ежедневно — то во время игр, то за трапезой, то в храме, а то во время выезда королевского двора в Реймс, Авиньон или в Тур. Так было все годы. Но этот год разлуки кажется бесконечным. Черты лица Бланки расплываются в памяти, как в запотевшем зеркале, исчезает живой блеск ее глаз. А волосы? Какого же они цвета? Кажется, темные и блестящие, разделены пробором, стянуты за ушами жемчужными заколками. Светло-карие глаза под длинными ресницами и высоким лбом кажутся медовыми...

Нет, это не Бланка, это Джулия. Совсем другое лицо в белоснежном покрывале с вышитыми золотом волнистыми краями. Джулия, а не Бланка.

Да, это Джулия. В королевском дворце Пармы опять по вечерам звучит музыка. Принц ведет в танце партнершу, шаг в шаг, лицом к лицу, шелестят одежды, горят свечи в настенных светильниках. Длинная зима позволяет забыться. Бланка далеко, Джулия — близко. Слегка вздрагивают ее веки, когда взгляд встречается со взглядом Карла, румянец покрывает щеки, когда она слышит его голос. Она — дочь богача, он — королевский сын. Карл любезен, вежлив, воспитан, деликатен, но, может быть, это всего лишь светская галантность, свойственная принцу в обращении с дамами? Джулия страдает, а Карл испытывает какой-то необъяснимый душевный разлад.

Танец кончается, Джулии пора отправляться домой, мать строго следит за дочерью, а отец, синьор Пиньолетти, еще пуще. Из трех его дочерей самая красивая старшая, Джулия. Она выйдет замуж по указанию отца-богача, в соответствии с его строго обдуманными расчетами. Поэтому отца Джулии не смущают ухаживания молодого, умного, хотя и несколько странного чужеземца из далекой страны за Альпами, из страны с непривычным названием Чехия, о которой, впрочем, молодой принц знает столь же мало, как и синьор Пиньолетти. Он даже не владеет языком ее народа, и кто знает, действительно ли родом оттуда?

Назавтра у Карла новые заботы — встреча с горо-

жанами Пьянченцы. Правда, король Ян уже взял с них подати за год вперед, поэтому они явились к его наместнику с пустыми руками. А несколько дней спустя Карл во главе вооруженного отряда отправляется в Реджо — силой взыскать задаток в счет платежей за охрану города. Проходит короткое время, и Карл узнает еще более неприятную новость: его сборщики отогнаны от ворот Падуи, они едва унесли ноги — Падуя вступила в тайный союз с герцогом Аццо Висконти, этим злым духом короля Яна и его сына.

Содержание пармского двора обходится принцу в изрядную сумму: множество слуг, конюшни, продовольствие, одежда, подарки, оружие; каждый день и час здесь все становится дороже и дороже. А король Ян неизвестно где. После короткого пребывания в Чехии, где он собирал подати, король, говорят, покинул Прагу, намереваясь заключить перемирие с венгерским королем Карлом Робертом и краковским властителем Владиславом Локетком. Потом, загнав лошадей, делая лишь короткие передышки, король Ян помчался в Париж. Видевшие его на дороге вполне могли принять короля за разбойника, который летит сломя голову в страхе перед законом.

Из нерегулярно приходящих писем Карл узнает, что в баварском Регенсбурге король Ян ведет переговоры с бывшим приятелем, а ныне заклятым соперником — лжеимператором Людовиком. Король Ян еще не оставил надежду примирить императора и предавшего его анафеме папу, заручиться поддержкой Авиньонской курии, запугать Габсбургов, удержав их от союза с Людовиком, и развязать себе тем самым руки в Италии, чтобы успешно противостоять неаполитанскому королю Роберту.

Отец, конечно, замечательный дипломат, но разве можно так забывать о сыне? Последнее письмо пришло из силезского города Вроцлава, куда Ян прибыл из Померании после участия в военной стычке с Владиславом Локетком. Карл принял гонца с письмом тотчас, хотя было раннее утро. Каждый раз в нем оживала надежда, что отец едет сюда, в Италию, что он ведет с собой войско и везет достаточно денег, что он получил, наконец-то, папскую поддержку и взял верх над Людовиком Баварским. Но и на этот раз письмо обмануло сыновьи ожидания.

Ян, божьей милостью король чешский, король польский и граф люксембургский, шлет своему первородному сыну Карлу пожелания всего самого доброго. Поелику мы хотим, веруя в расположение к нам всевышнего владыки и в святость нашего справедливого дела, защищать наше королевство с оружием в руках и давать отпор любому, кто бы ни угрожал ему, мы ведем многочисленные переговоры и военные сражения со всеми, кто выступил против нас. С этой целью мы собираем войска и деньги, подтверждаем старые союзнические соглашения и заключаем новые. Этим письмом мы прежде всего укрепляем вас в намерении отстоять наш суверенитет в Италии и приумножить мощь и славу нашего имени...

Приветствия, заверения, утешения, только помощи никакой... А ведь Ян должен знать, что вокруг миланского герцога Аццо Висконти многие дворяне и горожане объединяются в союзническую лигу против господства Люксембургов в Италии. А принца Карла, наместника короля Яна, намереваются изгнать или даже убить. Недавно к лиге присоединился и прежний соратник Яна Людовик Савойский, тот самый, которого Ян назначил советником Карла — в надежде, что он будет верно служить принцу: как-никак родственные узы связывают его с французским королевским домом. Увы, Людовик Савойский одновременно является зятем синьора Аццо Висконти и его интересы ему ближе...

Шестнадцатилетний чешский королевич окончательно понял, что он одинок, что он находится во враждебно настроенной к нему стране. Неужели это так? Синьоры де Росси, Пьетро и Марсильо, де Фолиано, де Манфреди, де Пии, де Понцони и де Сени и особенно Симон Филиппи уверяют Карла, что это не так, но союзники Аццо Висконти, неаполитанский король Роберт Анжуйский, правители Вероны, Падуи, Болоньи, Мантуи и многие другие всеми своими действиями подтверждают обратное.

В свою вторую итальянскую весну Карл почувствовал свое одиночество еще более явно. Из пармской резиденции он выезжает теперь только в ближайшие окрестности, да и то лишь в сопровождении изрядного

числа вооруженных всадников. В отдаленные же места отваживается ехать лишь с процессией, которая выглядит настоящей походной колонной. Время от времени ему приходится предпринимать такие вылазки, иначе он не получит ни единого золотого флорина, ни жалкого медяка.

Каждый наемный солдат обходится Карлу в солидную сумму, конь — еще дороже, за доспехи тоже надо платить. Не будь кардинала Остии Бертрана де Поже, Карл не в состоянии был бы содержать большой отряд. Королевич понимает, конечно, что кардинал ссужает его деньгами вовсе не бескорыстно. Как тут не вспомнить дядюшку Балдуина, его советы, которые он щедро давал весенними вечерами в некоем лежащем за тридевять земель графстве неопытному мальчику...

Ныне Карл знал, что каждое слово, обещание, каждая ссуда и договор скрывают в себе двойную и тройную тайную цель. Кардинал де Поже желает возвращения папы в Рим из Авиньона, где его насильно удерживает французский король; оказывая давление на церковь, ему легче блюсти свои интересы во всей Европе. Папа давно хочет покончить с такой зависимостью, вот его кардинал и поддерживает Яна с Карлом. Ведь их успех означал бы фиаско итальянских синьоров, противящихся папскому господству в Италии и предпочитающих заигрывать с противником папы — императором Людовиком Баварским, впрочем, не будучи искренними и с ним. Он им платит той же монетой. С этими господами заодно неаполитанский король Роберт, тоже противник возвращения папы в Рим.

Ныне Карлу известно и это, и многое другое. Тем сильнее ощущает он на своих плечах всю тяжесть долга — любой ценой устоять против союзнической лиги. День ото дня все очевиднее, что противостояние приведет их на поле брани.

Золотая итальянская осень тем временем расцветила Падуанскую долину и склоны северных Апеннин. Весь край был полон запахами лука, укропа, мяты, яблок и хрена. Аккуратно сняты тяжелые желтые гроздья винограда, дороги устланы багровым ковром листвы с кленов, осин, груш, маслин и фиников, ручьи и реки наполовину обмелели, в дымке утренних туманов дрожали на горизонте голубоватые очертания гор.

Дни, созданные природой для веселого праздника урожая, для радостных застолий и беззаботных прогулок, сбернулись войной. Под верной королю Яну Моденой разбили лагерь отряды союзнической лиги. Они угоняли у деревенских жителей скот, опустошали амбары, погреба и сады, поджигали дома, забирали фураж. Во главе осаждающих был — не трудно догадаться! — давний недруг дома Люксембургов и предводитель антипапской коалиции герцог Аццо Висконти.

Модена выстояла, и Карл с облегчением вздохнул. Однако войска лиги отошли недалеко, к стенам замка Сан-Феличе, где располагался военный гарнизон принца Карла. Стоит пасть замку, и Модена окажется взятой в кольцо.

Минули сентябрь и октябрь, а помощи никакой. Отряды Карла далеко не достигают численности войска союзнической лиги, на большее у Карла нет денег. А короля Яна все нет да нет. Быть может, он просит помощи у папы? У французского короля? Так и не разжился деньгами в Чешском королевстве? А вдруг ему в спину ударили венгерский король и его польский союзник? Или грозят Габсбурги и император Людовик?

Карла одолевали сомнения. Тем временем гарнизон замка Сан-Феличе объявил осаждающим, что сдастся, если до двадцать пятого ноября не поспеет помощь Карла. Решаться ли Карлу на битву, если под его началом только 1200 всадников и 6000 пехотинцев? Союзники из Модены, Реджио, Пармы и Кремоны умоляли Карла:

— Надо предотвратить катастрофу, ведь нам грозит гибель. Выступим навстречу войскам лиги, сойдемся с ними в открытом бою! Бог, мы верим, не обойдет нас своей милостивой защитой, кроме того, к нам благоволит святая Катерина, недаром же она внушила врагам подождать дня ее праздника!

Сильнее всех доводов оказался недостаток денег. Если Карл не вступит в сражение с союзнической лигой сейчас, ему не сделать этого никогда. Вот-вот он будет не в состоянии содержать войско, да и вспомогательные отряды из верных Карлу городов к зиме разойдутся по домам. Решено. Карла ждет боевое крещение.

*Карл побеждает
в своем первом сражении*

КАРЛ с войском подошел к замку Сан-Феличе. Над головой принца реяли чешские знамена с белым двуххвостым львом на красном поле. Впереди двигалась конница — пестрая, красочная, шумная; у каждого всадника сбоку меч, у седел щит, на остроконечных копьях флаги с эмблемами городов и знатных

родов; за конницей шествовали молчаливые, утомленные переходом пешие воины. В хмуром ноябрьском небе зловеще каркали вороны, вокруг пустели поля со щетиной стерни, выжженные летним зноем сады, остывшие холмы. Неприветливое, тоскливое время.

Ну кто бы остался спокоен перед своей первой битвой! «Буду ли я завтра жив? Или унесут с поля сражения мое недвижимое хладное тело, чтобы похоронить со славой? А может, выключат глаза вороны, растащат кости бродячие собаки? Защитники Сан-Феличе сдержали слово, они ждали сегодняшнего дня, не сдались! Сражения не миновать, доброе знамение посылает мне святая Катерина! Сегодня эта земля наполнится ревом наступающих шеренг, грохотом устремившейся в атаку кавалерии! Будь что будет, сегодня я впервые скрещу свой меч с вражеским!»

На равнине перед выстроенными войсками спешит

лись две сотни молодых всадников, среди них — Карл. Сам кардинал Бертран де Поже служит полевую мессу. Кони беспокойно фыркают, всадники и пешие воины оглядываются по сторонам, рассматривают неприятеля. Пока все спокойно, даже торжественно, словно это не смотр боевых порядков, а привычное театральное действо. Осенний ветер треплет голый кустарник, из обезлюженных, разграбленных и опустошенных деревень доносится лай голодных собак. Лишь бурые полевые мыши деловито снуют в бороздах и в ложбинах из-

вилистых дорог — что им за дело до собравшихся здесь людей!

Двести молодых воинов преклоняют колена. Один за другим они принимают легкий удар мечом по плечу — граф Санкерр по зову кардинала прибыл из Франции на помощь Карлу и проводит обряд посвящения в рыцари. Ведь, по давнему обычаю, в такой битве могут сражаться только рыцари — равные с равными.

«Что бы сказала Бланка, увидев меня сейчас? Опять уверяла бы, что никогда не видела чешского рыцаря?» Вон он, здесь! Вскочил на коня и поднял руку. В сражении он возглавит конницу. Знамя королевича означает место, где бьется с врагом он сам, — пусть воины следуют примеру принца, а он будет бросаться в самые опасные места, увлекая за собой остальных, даже тех, кто старше и опытнее его. Законы войны неумолимы.

Дюжина трубачей вскинула вверх трубы, и их рев прокатился по всполошенной округе. С другой стороны поля им ответили боевые фанфары противника. Едва они смолкли, качнулась и двинулась вперед конница — первый ряд, второй, третий... Кони переходят на рысь, испуганно ржут, но привычка повиноваться человеку сдерживает их чувство страха. Вперед! — направляет коня опытная рыцарская рука. А там уже развернулись в боевом порядке столь же взбудораженные, грохочущие доспехами конники лиги.

Земля содрогнулась. Битва у Сан-Феличе началась.

Взгляд Карла устремлен сквозь прорезь опущенного забрала вдаль: кто тот первый, с кем он столкнется в бою, кого поразит насмерть? Это ведь не рыцарский турнир, когда — по правилам — достаточно выбить противника из седла. Все ближе и ближе вражеские конники. Уже отчетливо видны эмблемы на флагах — желтые, голубые, белые, красные, полосатые, в клетку, с зубцами, крестами, звездами, рогами, стрелами, львами, орлами, лилиями. Вот-вот всадники будут здесь, выбор соперника уже ограничен, кто-то из этих трех, теперь двух, а теперь вот этот один, он все ближе и ближе, блестят глаза в прорези забрала, а под нагрудником стучит испуганное сердце.

Треск, скрежет, звуки падения тел, ржанье коней, крики ярости и боли, ужаса и предсмертной тоски.

Первый противник сбит — то ли убит, то ли оглушен, конь его исчез в диком сонмище людей и животных. Опять атака, опять меч против меча, тяжелые, непрерывные, изнуряющие удары и тут же призывы о помощи, команды, определяющие направление новых атак. Кто-то повернул вспять, но пути назад нет — с тыла приближаются густые ряды пеших воинов. И в сторону податься нельзя — фланги стережет засада, оттуда летят рои свистящих смертоносных стрел. Вот это сражение! Уже некому приказывать строиться боевым порядком, некого направлять, кажется, ход боя теперь неподвластен человеческой воле. Кто побеждает? Кто отступает? Проходит час, другой, третий, завершается хмурый ноябрьский день, а схватка не прекращается, и каждая минута побоища уносит десятки человеческих жизней, в большинстве своем молодых, недавно пришедших в этот мир и уже покидающих его...

Вот и под Карлом пал конь, дар кардинала. Принц с трудом встал на ноги, весь в поту, смертельно усталый. Карла снедает ужас, что все идет прахом и сражение проиграно. Видно, напрасны усилия последних двух лет: и итальянские владения утрачены, и отец падет духом, скоро весь мир узнает о позорном поражении чешского королевича в первой же битве...

Кто подвел ему нового коня? Кто-то из люксембургских рыцарей? Или оруженосец? А может, граф Санкерр? Кто бы то ни был, он помог Карлу взобраться

на коня, и это воскресило надежды принца, подняло дух молодежи. Воины Карла не отступили; наоборот, гарнизон Сан-Феличе ударил противнику в тыл. Шум, лязг, крики, стоны... Сотни павших... Как далеко все это от яркой театральности шумного рыцарского турнира!

Солнце на сером, хмуром небосклоне еще не опустилось к западу, как вдруг неожиданно дрогнули ряды противника: видно, не выдержали напряжения отважные мантуанские воины, обратились в бегство. Впереди — всадники, за ними — задыхающиеся от усталости пешие воины. О сладостное зрелище спин противника! С какой неожиданной легкостью поднимается меч для нового удара, сколько новой силы вливается в каждую жилку!

Карл махнул рукой, давая знак трубачам. Их осталось в живых ровно половина, но сейчас хватило бы

одного-единственного! Трубачи поняли приказ Карла, и над полем разнесся победоносный клич трубы, зовущей к преследованию врага. Паника охватила ряды противника, бегут уже не только мантуанские, но и моденские, миланские, веронские и павийские отряды, показали спину и рыцари господина Аццо Висконти. Еще не опустилась ночная тьма, а ратное поле, напоминавшее свежее кладбище, стихло. Пять тысяч павших и смертельно раненных лежат группами и поодиночке среди лошадиных трупов, под брошенными знаменами, повсюду валяются разбитые щиты, сломанные копыя, мечи. Восемьсот плененных всадников союзнической лиги согнаны в одну кучу и окружены победителями, это боевой трофей, который поможет Карлу рассчитаться с наемными солдатами, ведь каждый из плененных принадлежит богатой семье, так что придется ей раскошелиться на выкуп.

Войдя в замок, Карл тотчас же бросился на колени, воздев к небу руки в знак глубокой благодарности святой Катерине. Ей приписывал королевич чудо сегодняшней победы, неожиданное, вымоленное. Первая битва из многих, что еще предстоит ему. Сколько их будет?

В ту минуту Карлу и в голову не могло прийти, что выигранное сражение не всегда означает выигрыша войны.

Карл счастлив. Он выплатил воинам жалованье и большинство из них отпустил; семьям плененных было послано требование о выкупе, отцу сообщено о последних событиях в Италии, а на первое декабря принц назначил большой праздник в пармском дворце и пригласил около тысячи гостей.

Праздник продолжался три дня и три ночи. Все помещения дворца сияли, как никогда. Триста поваров и слуг были к услугам гостей. На лестницах, балконах, в залах, в вестибюле — всюду было словно во время коронации. Среди гостей — горожане верных Карлу Пармы, Модены, Кремоны, Реджо и Лукки. Мелькают лица — мужские, женские, молодые, старые, полные, худые, умные, глупые, прямодушные, лживые. Горделивые молодые люди выражены, словно павлины. Юные дамы как на выбор — и стройные, и полненькие,

нежные лица, миндалевидные глаза, монашеская бледность юных лиц. Все на выданье, под неусыпным присмотром матерей, отцов и воспитательниц. По большей части все они ровесницы Бланки, а вот ее на пиршестве нет. Вспомнил ли Карл юную Бланку и ее слова перед расставанием в далеком Люксембурге?

Если бы она видела Карла сегодня! Он доблестный рыцарь и признанный правитель, победитель в сражении под Сан-Феличе и гостеприимный хозяин дворца, пригласивший всех этих благородных синьор и синьоров. Думал ли он об этом, наблюдая за веселыми интермедиями, разыгрываемыми бродячими актерами, вслушиваясь в веселую, шальную мелодию, внимая стихам неизвестных поэтов, которых в Италии больше, чем мастеровых? Карл не пропустил ни одного танца, всегда, как и полагается, шел в первой паре, по ходу танца удостаивая гостей то приветственным словом, то легким поклоном. И все-таки казалось, что кого-то ему недостает. Бланки? Но она в далеком Париже. Быть может, в эти минуты она танцует с придворными кавалерами и тоже думает о своем далеком молодом супруге.

Наконец он увидел высокий, гладкий лоб, увенчанный причудливой короной волос, золотистые, медовые глаза, смущенную улыбку. Джулия! Она не весела, на ее лице легкая тень печали. Впрочем, вряд ли. Джулия не может себе этого позволить: рядом мать, важная матрона, которая не простит дочери печали в такой день! Сегодня Джулия должна быть счастлива!

Наконец черед Карла танцевать с Джулией. Пары выстроились рядами друг против друга, возглавляющие движение факельщики пошли по залу, загремела музыка, зазвенели струны, по паркету зашелестели первые шаги. Шаг влево от дамы, несколько шагов вокруг нее, вращение с ее поднятой ручкой, несколько шагов назад, опять вперед, встреча с дамой лицом к лицу, вращение в обратном направлении, поклон, кавалер опускается на колено и ведет даму вокруг себя. Но разве только ради танца пригласил он Джулию, хотел танцевать именно с ней?

— Вы чем-то опечалены или нездоровы? — шепнул принц.

— Ни то ни другое.

— Или то и другое?

Она скорбно улыбнулась, подбородок вздрогнул, и услышанное вдруг потрясло Карла:

— Я больше никогда не увижу вас, принц.

— Почему? — испугался Карл.

— Никогда, принц. Завтра я буду помолвлена.

Карл окаменел, мороз прошел по спине. «Помолвлена? Боже мой,— говорил он себе,— разве это возможно?» Но другой голос, бесстрастный и все знающий, выкрикнул: «Что же тут невозможного? Джулия выйдет замуж, у нее появятся дети, через несколько лет она даже не вспомнит о тебе. С чего бы ей вспоминать? Это же не Бланка».

— Милая Джулия,— не выдержал Карл и тут же запнулся. «Боже мой, что я говорю, как я к ней обращаюсь!»

Но Джулия не сердится, она наклонила голову с прической, похожей на корону, медовые глаза опущены вниз, словно ищут что-то. Голос выдает ее: она должна быть сегодня счастливой, но не находит в себе этого чувства.

— Увы, это правда,— шепчет она скорее себе самой.

Карл молча завершил тур, и больше они не танцевали. Принцу хотелось остаться одному.

Немногие обратили внимание на его исчезновение, никто не видел, как, придя в спальню, Карл прямо в одежде и обуви бросился на постель и, пытаясь забыться, зарылся лицом в подушку. Им овладели глухая печаль, апатия, угрызения совести. «Откуда оно приходит, это чувство влюбленности? Я вовсе не имею на него права. Но почему человек должен расставаться с близким существом тогда, когда так нуждается в нем? В ком? В Джулии или в Бланке? Почему одиночество так тягостно и даже слава не смягчает его? Где вы, дни моего детства, беззаботные игры и забавы? Куда канули казавшиеся длинными-предлинными годы в Париже? Что ждет меня в предстоящие, быть может, еще более долгие годы в незнакомой Праге?»

Напрасно Карл думал, что его исчезновение из зала осталось незамеченным. С принца не спускали глаз те, кому было вменено в обязанность держать его в поле зрения днем и ночью. Среди них и пан Микулаш, последовавший за Карлом в спальню. Он увидел прин-

ца с головой укрытым подушками, и голос пана Микулаша зазвучал требовательно и решительно:

— Прибыл посол твоего отца, принц!

Карл поднялся, даже не поправив смятую одежду, с трудом вникая в смысл обращенных к нему слов.

Пан Микулаш продолжал:

— Он прискакал минуту назад. Если желаешь, можно отложить все на завтра, но ты, помнится, просил, чтобы гонцов без промедления направляли к тебе.

— Немедленнопусти его!

Посыльный вошел и поклонился, он был весь в пыли от многодневной скачки. Протянул принцу запечатанное письмо. Да, это люксембургская печать отца. Карл передал письмо Микулашу:

— Читай!

Пан Микулаш начал читать. Сначала, как обычно, длинное вступление — приветствия и пожелания божьей помощи. Затем подробное перечисление событий, которые произошли с отцом: описание сражений, в которых ему пришлось участвовать, разъяснение причин долгих разъездов, которых нельзя было не предпринять ради славы наследного королевства Чешского и родного Люксембургского графства: король Ян выдал младшую дочь Юдифь замуж за наследника французского трона Иоанна, договорился о мире с поляками и венграми, по-прежнему страдает от недостатка денег, заключил дружественный союз с королем Филиппом, посетил в Авиньоне Святого отца. *После рождества, — следовали более радостные сообщения, — то есть не позднее конца декабря, мы направимся с войском французских рыцарей в Италию, чтобы помочь вам укрепить то, что в наше отсутствие вы так отважно и удачно отстаивали...*

Отрадное письмо! Карл ощутил глубокое облегчение. Наконец-то он будет не одинок в этой чужой и враждебной стране! Приедет отец, возьмет бразды правления в свои руки и при поддержке французского короля склонит на свою сторону те города, которые с удовлетворением воспримут весть о его союзничестве с папой. О, если бы так было!

Отцовское послание не умерило неоправданной, казалось бы, печали, вызванной признанием Джулии. Обе новости как бы дополняли друг друга и подтверждали одно и то же: завершался целый этап в жизни Карла.

А вдруг конец пребыванию в Италии, конец сомнениям, неуверенности и опасностям, в которые он был так неожиданно втянут два года назад? Надежда на перелом в судьбе охватила Карла и придала ему силы. В сияющие парадные залы он спустился с легкой улыбкой, принялся непринужденно раскланиваться и переговариваться с гостями, свободно ведя игру светского общения, правилами которой в совершенстве овладел в этой стране. Пойдет ли подобное умение ему на пользу в другой стране?

*Возвращение
короля Яна усиливает
его разногласия с сыном*

ДО ПРИЕЗДА короля Яна оставалось несколько недель. Несколько недель итальянской зимы, не столь сумрачной и суровой, как на севере, но равно неприветливой, затянувшейся, надоевшей, скрашиваемой лишь рождественскими праздниками, новогодними гуляньями, крещенскими проказами, январскими балами, долгой февральской масленицей. И оживляемой время от времени хлопотами с союзнической лигой, которая хотя и распустила на зиму свои войска, поскольку наемники не желали спать в мерзлых палатках полевых лагерей, но то и дело беспокоила Карла тревожными известиями о затеваемом ею.

На короткое время Карл отправился в Лукку — лично удостовериться в надежности южной окраины своих владений. Желая укрепить Лукку, королевич заложил в ее окрестностях мощный замок, назвав его своим именем — Монте-Карло, гора Карла. Вернувшись в Парму, Карл опять принялся настороженно следить за приготовлениями синьора Аццо Висконти, предводителя союзнической лиги, к военным действиям, намеченным на раннюю весну.

Положение становилось все более серьезным. Наконец произошло то, чего Карл, собственно говоря, опасался с самого начала: Парма, Реджо и Модена, видя, как утрачивают постепенно свои позиции Ян с Карлом, начали страшиться расплаты со стороны лиги за безоговорочную поддержку чешского короля и принца и

стали искать пути для тайных переговоров с Аццо Висконти.

Желая действовать сообща на переговорах с миланским герцогом и сохранить предательские замыслы в тайне, заговорщики собрались на исходе зимы в захолустном деревенском храме реджийской епархии, где их никто не мог потревожить. Призвав местного священника, они потребовали мессы, при которой хотели дать друг другу клятву верности. Не многие отважились бы нарушить эту клятву — считалось, что такого клятвопреступника ожидает суровое наказание если не при жизни, то, во всяком случае, после смерти — в аду. Предательство нуждалось в благословении.

Осуществись оно в самом деле, жизнь Карла не стоила бы и ломаного гроша. Но произошло невероятное. Едва заговорщики заключили тайное соглашение и священник, освятив облатку, готовился привести их к присяге, как небо вдруг затянуло черными тучами, поднялся сильный ветер и в храме воцарилась непроглядная тьма. Резкий вихрь распахнул двери и, ворвавшись внутрь, затушил свечи на алтаре, промчавшись по ризнице, забарабанил по цветным стеклам витражей. А когда снова посветлело...

А когда снова посветлело, три потрясенных синьора стояли посреди храма в немом ужасе, в благоговейном страхе: произошедшее не могло быть случайностью, его нельзя было объяснить законами земного мира: ветер вырвал из рук священника облатку, и теперь она лежала у ног синьора Марсильо де Росси — зачинщика этой тайной встречи, до недавнего времени выдававшего себя за самого верного союзника Карла. Еще три месяца назад он бок о бок с Карлом доблестно сражался у Сан-Феличе и призывал принца безжалостно расправиться с союзнической лигой.

Заговорщики уверовали в то, что случившееся есть знак божьего несогласия с их предательскими замыслами. В страхе разъехались они по домам, умоляя священника держать все в тайне, и навсегда оставили свои вероломные намерения.

Священник, однако, язык за зубами не держал, а поспешил к епископу и рассказал о случившемся. Епископ не пожелал знаться с чудесами и отправил его к кардиналу Бетранду де Поже, а тот немедленно сообщил обо всем Карлу.

Как же теперь поступить? Что предпринять? Королевич избрал самый разумный путь. Он вел себя с синьором Марсильо де Росси и прочими недавними заговорщиками так, словно ничего не знал о готовившейся измене. И это было воистину мудро! Людям, как правило, достаточно внутреннего ощущения постыдности своего бесчестного поведения, чтобы они в будущем не только избегали подобного, но и усерднейшим образом стремились загладить свою вину. К такому выводу Карл пришел именно в годы правления в Италии. Свою роль сыграли, несомненно, и лукавые, но весьма практичные советы дядюшки Балдуина, полученные Карлом в Люксембурге.

Провал коварного заговора спас Карла, и, когда король Ян появился с войском, почти сплошь состоявшим из ищущих приключений французских рыцарей, могло показаться, что итальянские синьории навсегда сохранены для чешского короля.

Увы, дела обстояли не так, как себе представляли отец и сын.

Король Ян с трудом узнал своего сына. Это был уже не долговязый, худой, несколько инфантильный юноша, а рослый, статный молодой человек с небольшой мягкой бородкой, храбрый рыцарь, уже получивший боевое крещение, умелый политик, успешно преодолевающий густые заросли дворцовых интриг. Нет больше наивного, доверчивого, жаждущего знаний пажика, которому претит лицемерие и ханжество, а суровая правда превыше всего. Сейчас короля Яна приветствовал правитель, полный собственного достоинства, уверенный в себе; такому негоже навязываться с советами, он сам может раздавать их полными пригоршнями.

С Яном прибыло 1600 всадников. Их ядро составляли французские рыцари, бароны, графы и духовные лица, были здесь и дворяне из Люксембурга и Рейнской земли. Прибыл и двор Яна во главе с хорошо знакомым Карлу неизменным спутником короля — его придворным бардом и льстецом Гийомом де Машо. Кроме того, писари, церемониймейстеры, исповедники, камердинеры, шталмейстеры. Разумеется, это войско необходимо усилить наемниками — тогда будет обеспечен тыл, защищены фланги, охранены обозы. А глав-

ное, наемные пешие воины всегда впереди в боевой схватке, они наступают плотно сомкнутыми рядами, за которыми, набирая скорость, мчится все сокрушающая конница.

Сколько золота и серебра опять выжато королем Яном из чешских земель, чтобы выплатить наемникам жалованье, без которого они не шевельнут и пальцем, не выпустят ни стрелы! Сколько замков отдано под залог чешским дворянам и немецким горожанам! Сколько взято в долг у ростовщиков! Крепко уменьшилось королевское имущество в Чехии, а ведь это основа власти! Без нее в стране смута и неповиновение королю. Во всем этом не переставал убеждать Карла его секретарь пан Микулаш, хорошо знающий настроения в родной стране и поддерживающий через послов связи с теми панами, которые в правлении Яна видели немалый вред для родной земли.

Карл об этом пока с отцом не говорил. Он достаточно хорошо знал его характер и не желал с первых же дней вызывать ссору, споры или, того хуже, распрю, которая была бы на руку недругу.

Сначала казалось, что войску короля Яна будет сопутствовать успех. Он удачно сражался с союзнической лигой у стен Павии, хотя города взять и не удалось, основательно опустошил миланское графство синьора Аццо Висконти и нагнал немало страха на своих противников, которые, однако, прибегнув к хитрости, добились его ухода из-под стен Бергамо со значительными потерями. Затем король Ян вернулся в Парму и там вместе с дружественными городами стал готовиться к решающему сражению за господство над Северной Италией.

С прибытием Яна в жизнь Карла опять ворвалась шумная суета, снова начались кутежи, пиршества, бесконечные развлечения в корчмах. Двоюродный брат Карла Гвидо, приехавший с Яном из Франции, посмеивался над негодующим принцем:

— Ты здесь уже два года и до сих пор не научился развлекаться по-итальянски?

Карл не преминул резко возразить:

— По-итальянски я развлекаюсь, пожалуй, даже сверх меры. С мечом ложусь, с мечом встаю. А где ты был эти два года?

Гвидо отвечал столь же резко:

— То здесь, то там. Здесь я клялся в любви какой-нибудь красотке, там, наоборот, отказывал в любви. Поступай так же, и ты станешь настоящим мужчиной. Выпей вина и не думай о том, чего ты лишился вчера, не жди ничего от завтрашнего дня, все в руках божиих. Эй, синьорина, — крикнул Гвидо служанке, обносившей кушаньями гостей, — налей господину и поцелуй его! Раз, два...

Карл помрачнел. Синьорина, которая была вовсе не синьориной, а дочерью хозяина винного погребка, испугалась его взгляда. Королевич пригубил из кубка, чтобы не болтали, что он скорее монах, нежели рыцарь, и улыбнулся девушке — пусть не думает, что он оробел. И так уж над ним посмеиваются! За глаза, конечно! В лицо никто не посмеет!

Король Ян делал вид, будто не заметил стычки братьев. Карл резко оборвал Гвидо:

— Почему ты, братец, не женишься, почему? Или тайно женишься каждый день на иной? А от меня этого не требуй и в таких развлечениях на меня не рассчитывай. Кстати, ты приехал в Италию, чтобы пропить жалованье или все-таки немного повоюешь вместе с нами? Махать кубком, понятное дело, безопаснее, чем мечом. На бранном поле ты, пожалуй, мог бы получить увечье, не так ли? Здесь, в кабачке, у тебя, по крайней мере, не уходит сердце в пятки, ведь эти красотки угрожают не твоей жизни, а чести, если она у тебя есть...

Гвидо едва не вытащил меч, приятели с трудом его уняли. Карл задел брата умышленно, зная, что поступает несправедливо. Гвидо — достойный рыцарь, а не пьяница, кутила и волокита. Но Карлу хотелось дать понять, что он отвергает такой образ жизни, пусть услышит отец. Королевич досадовал, что из-за отца частенько торчит в корчме до самого утра, а потом отсыпается почти до вечера и снова отправляется вместе со свитой короля Яна на попойку, на этот раз в другое место.

Угрызения совести особенно терзали его в послеобеденные часы, когда отдыхать уже поздно или — если угодно — еще слишком рано. И тогда к нему приходил пан Микулаш, подолгу молчал, укоризненно

поглядывая на королевича. Карл еле сдерживался, чтобы не накричать на него, но всегдашняя приветливость и обходительность пана Микулаша обезоруживали принца. Да и не так уж велики были его настоятельные просьбы. Сегодня, например, пан Микулаш попросил Карла присоединить свою печать к королевской печати Яна: тогда грамота Яна будет иметь больший вес. Правда, в ней одни пустые обещания, Ян за плату раздавал кому угодно титулы, звания и гербы, привилегии и вольности, имевшие сомнительную силу, но дворяне и горожане так мечтают о титулах, что готовы за это платить немалые суммы. Привилегия или титул, скрепленные королевской печатью, пользуются в Италии признанием. Впрочем, не только в ней, но и в других странах. Сколько всего королей в Европе? Пять? Шесть? Не более. В Италии — только король неаполитанский, в Германии ни одного, Франция с Англией и Испанией далеко, Польша с Венгрией то же самое. А чешский король рядом, он нуждается в деньгах, с каждым днем все больше: кутить, содержать многочисленный двор, а главное, нанимать войско стоит немалых денег.

Карл поставил свою печать рядом с отцовской, но пан Микулаш не спешил уходить. «Опять поучения! — подумал Карл с досадой. — И будет прав, — признался Карл сам себе, еще больше раздражаясь. — Каждый раз у него есть какая-то новая весточка из Чехии, и каждый раз все более мрачная».

— Скоро в Чешском королевстве, принц, у вас не останется ни замка, ни города, и тогда король Ян, твой отец, в одночасье лишится всех доходов. Чего он только не заложил по долговым распискам дворянам и горожанам, пражским и кутногорским! А те и рады одолжить ему грош, чтобы тут же получить три! Наследуя власть, ты будешь нищим, ты будешь не в состоянии нанять хотя бы одного воина, и паны перестанут бояться тебя. Зачем теряешь время здесь, в стране, где каждый ждет не дождетса минуты, когда вы уберетесь отсюда? Только страх перед военной силой мешает итальянцам броситься на вас. Но вот кончатся у вас деньги, лишитесь вы войска, и они это сделают, и тогда наступит конец. Когда это случится? Через год? Через полгода? Чем раньше вы уйдете отсюда, тем лучше будет для вас и Чешского королевства.

— Я не король, пан Микулаш, — отвечал Карл раздраженно, понимая, что секретарь прав. — Скажи это его величеству!

— Твой отец не выносит таких разговоров, принц. Он хорошо знает, что в Чехии его не любят, и, вероятно, втайне допускает возможность потери этого сильного и прекрасного королевства. У него есть графство Люксембург. Оно, разумеется, не идет в сравнение с Чехией, но у него все-таки всегда есть место, где преклонить голову. Ты же по матери, вечная ей слава, из рода чешских королей, и Чехия с радостью примет тебя в свое лоно. Даже те, кто не любит короля Яна, с отрадой воспримут твое появление в Праге.

— Но я не могу уехать отсюда без разрешения отца, ты же это хорошо понимаешь, пан Микулаш. А отец никогда не откажется от Италии.

— Обстоятельства принудят его сделать это. Но даже если бы этого не произошло... Ты ведь знаешь, о чем ведутся тайные переговоры с флорентийцами? А ведь это ваши заклятые враги. И с господами из Вероны. И даже с Висконти. Не знаешь, принц? Король ищет того, кто больше заплатит за верные вам города. Найдет покупателя, и тот введет в них свои войска, а король позорно предаст их. Не веришь, принц? Что ж, я попробую убедить тебя. Вот письмо, которое я сочинил по приказу короля. Гийом де Машо, спору нет, отличный певец, поэт и музыкант, но, стоит ему начать кутить, он месяцами не в состоянии сочинить ни делового письма, ни грамоты или указа. Вот читай!

Пан Микулаш развернул пергаментный свиток перед Карлом.

Глаза отказываются верить! Лицо принца то бледнело, то заливалось краской. Да, это действительно так! Чешский король Ян ведет себя как последний ростовщик! Флоренции предлагает отдать Лукку, прелестную тосканскую резиденцию, вместе с замком Монте-Карло, недавно возведенным в ее окрестностях, и всей синьорией. Без ведома магистрата, добровольно вверившего себя Яну в ответ на обещание защищать его от флорентийцев! Это же обман! Какая нечестность! Какой стыд!

Карл читал письмо со все возрастающим возмущением. Он с трудом сдерживался, чтобы не побежать тотчас же в отцовские покои и тут же, на месте, не упрек-

нуть его во всех грехах. Пану Микулашу стоило немалых усилий отговорить его от этого опрометчивого шага.

— Принц, — утешал он Карла, — Италия не принадлежит и никогда не будет вам принадлежать. Перестань же о ней думать, твоя страна в другом месте.

— Не отдам Лукку флорентийцам! Даже если мне придется защищать ее против воли отца! — горячился Карл. — Почему он не отдаст ее синьорам де Росси, братьям Марсильо и Пьетро? Они верны нам, с нами против всех! И магистрат Лукки признал бы их. Кому угодно, только не врагам!

— Договорись об этом с его величеством! — успокаивал принца пан Микулаш. — Но в подходящую минуту и в подходящих выражениях. Я поддержу тебя, ибо ты прав. Но прежде всего настоятельно прошу тебя, принц, думать о Чехии. Только она источник твоей силы, оплот твоего могущества, только в ней ты можешь найти себе опору. Ты убедишься в этом, едва узнаешь ее поближе, а для этого необходимо вернуться туда. Будь к родному королевству ласков и прчетлив. Пусть его заботы и беды станут твоими, защити его от разбойных захватов, приумножь его богатства, так беззастенчиво раскрадываемые. И увидишь, чехи воздадут тебе за добро. Это люди суровые, воинственные, порой несдержанные, но, главное, честные. И благодарные тем, кому они могут верить. Но кому они могут верить, если окружены, словно волчьей стаей, соседними королями и князьями, готовыми каждую минуту наброситься на них и разорвать в куски? Там твое место, принц!

— Я должен вернуться домой против воли отца?

— Ни в коем случае! Мы добьемся того, чтобы ты вернулся облеченный его полномочиями, — твердо произнес пан Микулаш.

Король Ян наконец-то уступает сыну

У КОРОЛЯ Яна дела в Италии шли неважно. Скромные успехи перемежались неудачами, войско его союзника, кардинала де Поже, было рассеяно, французские конные рыцари потерпели поражение.

ние. Во власти Яна оставалось лишь несколько городов, но и те, подвершись удобный случай, могут отпасть.

Опять настали дни, когда солнце иссушало землю, покрывая ее коркой, и только непрерывный скрип цикад нарушал знойную, вязкую тишину. В долинах созрели пшеница, просо и лен, на горных склонах побагровели листья виноградных лоз, полосками желтели бобы и чечевица. Тенистые сады королевского дворца в Парме хранили приятную прохладу; по комнатам, где целый день настежь открыты окна, тянул сквозняк. Король Ян отдыхал здесь с утра до раннего вечера, приходя в себя после очередного ночного кутежа; на этот раз вместе с королем веселился и Карл. Была ли тому причиной медоокая Джулия? Или далекая и полузабытая Бланка? А может, неудачи в чужой стране? Неутоленная жажда деятельности? Предчувствие надвигающегося подведения итогов? Или же Карла заразила отцовская беззаботность?

Король Ян давно уже не находит себе места, и, будь у него хоть малейший предлог, он бы с радостью покинул Италию. Вскочил бы на взвившегося на дыбы ржущего коня, облаченный в костюм для верховой езды, на боку меч, щит привязан к седлу, на голове шлем, в мешке деньги, собранные, где только возможно, в виде штрафов и выкупов, или же полученные в дар, или же добытые откровенным грабежом. И прощай вечное беспокойство, скука, загульные ночи и праздные дни. Зазвенели бы весело подковы жеребца в яблоках, меч постукивал бы о седло, легкий ветерок охлаждал лицо, далеко позади осталась бы Ломбардская изменчивость, с севера окаймленная снежными Альпами; раскрыла бы объятия Савойя с ее тенистыми долинами, за ними Рона, кудрявый Арль, сладкая Франция! Там ждут его турнирные схватки с молодыми, честолюбивыми, воинственными рыцарями и с опытными, выдавшими виды баронами, князьями и герцогами. Он наверняка поспел бы на турнир в шумной Бургундии: чепраки развеваются на конях, опущенные забрала скрывают лица соперников, перья торчат над головами, родовые гербы на щитах, веселая переключка фанфар открывает турнир,— все как в молодые годы.

Карл догадывался о чувствах отца. Однако и ему не оставалось ничего иного, как ждать. Поэтому он поддавался уговорам и по вечерам покидал замок, направля-

ясь то в дом богатого горожанина, то в гости в епископскую резиденцию, то во дворец союзника-дворянина, а порой, тайно, за городские стены для разгульного кутежа. И там предавался Бахусу и орал песни столь же усердно, как отец и господин Гийом де Машо. Карл не желал противиться такому времяпрепровождению, гнал из памяти образ нежной Джулии и нечеткий, расплывающийся облик веселой Бланки. С трудом приходя в себя по утрам, он чувствовал себя весь день разбитым, был недоволен собой, раздражен и несчастен.

Наконец король Ян убедился в том, что итальянские владения ему не сохранить, и заключил с неприятелем перемирие в замке Кастельнуова. Лето было уже в самом разгаре, наступила пора жатвы, в округе свистели серпы и стучали цепи, по ухабистым дорогам на склонах холмов скрипели запряженные ослами и волами двуколки; только поздний вечер расстилал над изнуренным от зноя краем спасительную тень. Боевать уже не хотелось ни королю Яну, ни его врагам, мир приветствовали обе стороны; перемирие заключалось до одиннадцатого ноября, когда погода снова станет благоприятной для военных действий.

Во власти короля Яна оставались теперь только пять городов: Парма, Кремона, Модена, Реджо и Лукка, включая окрестные замки. Ян и Карл переселились на лето в Лукку, и здесь, в раскаленном от солнца городе с зелеными оазисами туй, пальм, магнолий и пиний, с белоснежными дворцами, защищаемыми высящимся неподалеку замком-крепостью Монте-Карло, произошло наконец открытое, впервые лицом к лицу столкновение короля Яна и принца.

— Ваше величество, — резко начал Карл, умышленно обращаясь к отцу в соответствии с придворным этикетом на «вы». — Я знаю о ваших сношениях с флорентийцами и не согласен с вами, если, конечно, вас интересует мое мнение.

— Ваш совет выеденного яйца не стоит, ваше высочество. Вы ведь ограничиваетесь несогласием, а совет полезен, когда он является руководством к действию. Что хотите предпринять вы? — с той же холодной учтивостью отвечал король.

— Вернуться в Чехию. Вы сами вот-вот покинете Италию, а я, без денег и войска, без союзников итальянские синьории не удержу. Последние из наших

сторонников покинут вас, если вы самый преданный нам город, Лукку, продадите заклятым врагам. А тем временем там, на севере, ваше самое значительное владение, Чешское королевство, чахнет в ваше отсутствие, лишенное всяческой заботы.

— Ну что вы знаете о нашем наследном королевстве, дорогой сын? И что вы знаете о моих переговорах с флорентийцами?

— Все, ваше величество, — несколько преувеличил Карл. — И я не согласен ни с тем ни с другим. Я не могу пребывать здесь в бездействии, Италию мы все равно уже потеряли. Вернемся же в Чехию, чтобы не потерять и ее! Или вы, или, от вашего имени, я. А Лукку надо отдать под чью-нибудь защиту, в награду тем, кто остался верен нам до конца. И когда мы уйдем, никто не сможет упрекнуть нас в том, что чешский король не умеет обходиться со своими союзниками, как истинный рыцарь. Таков мой совет, ваше величество!

— Вы никого не назвали, ваше высочество. Кому вы предлагаете отдать Лукку?

— Синьорам де Росси, — ответил Карл, хорошо помня, что совсем недавно синьор Марсильо де Росси хотел вступить в предательский сговор, но, уверовав в знак свыше, остался верен Люксембургам.

— У синьоров де Росси есть Парма, дорогой сын.

— Пусть они управляют и Луккой. По крайней мере, в их роду сохранится добрая память о вашем правлении, отец.

Король Ян промолчал, не желая тотчас согласиться с мнением сына.

Флорентийцам, однако, он так и не ответил, а синьоров де Росси, Пьетро и Марсильо пригласил на переговоры в Парму. Карл понял, что впервые в жизни ему удалось взять верх над отцом.

Но и Ян вздохнул с облегчением. Недавно пришла весть из Люксембурга о возникшем споре с брабантским герцогом Яном, его двоюродным братом, по поводу земель в Нидерландах, которые были наследством их обоих: Яна Брабантского — по линии отца, Яна Люксембургского — по линии матери. Король Ян предвкушал возможность снова окунуться в привычную и милую его сердцу стихию, в ушах у него звучали далекие трубы, ржанье коней, звон мечей, боевой рев

сражений — вот смысл всей его жизни. Давно он не находит себе здесь места, потому-то он так легко и уступил сыну. Но с большой неохотой согласился с тем, что Карл покинет Италию и вернется домой, в Чехию, в качестве его наместника.

Карл вернется домой... Но что есть, собственно говоря, его дом? «Расставшись с Италией, расстанусь и с этой безалаберной, неугомонной, распутной жизнью, с ее кутежами и интригами», — в который уже раз размышлял Карл. Окончательному решению, однако, способствовала история, которая, как говорят, случается с человеком, к тому же далеко не с каждым, всего раз в жизни.

Отец и сын возвращались вместе с двором из Лукки в Парму. Измученные жарой, долгой верховой ездой, они глубоко были погружены в свои мысли и планы на будущее. Вечером остановились на ночлег в горном городке Таренцо, с отвесно сбегаящими улочками, с домами из серого камня, с крепостными стенами, сложенными из валунов. Здесь-то и произошла та история.

Карл уснул, едва поужинав. Но душевный покой не приходил, и королевичу приснился необычный, тревожный сон. Будто бы внезапно над ним наклонился странный светящийся призрак и, ударив в бок, произнес на языке, не похожем ни на французский или итальянский, ни на немецкий или латинский, хотя Карл все-таки понял смысл сказанного: «Встань и иди с нами!»

Карл испугался, не в силах возразить. Он понял, что перед ним как-то неземное, могущественное существо, и робко выдавил: «Господин, я не знаю, как я могу идти с вами». И вместо ответа почувствовал, как его с огромной силой схватили за волосы и подняли в воздух. И вот он уже над какой-то незнакомой местностью, а там стоит замок, окруженный войсками. Прямо над замком они остановились, и неизвестный приказал Карлу: «Смотри — и увидишь!»

В это мгновенье сверху спустилось светящееся видение с мечом в руке и ударило одного из воинов, осаждающих замок. И снова Карл услышал: «Узнаешь, кто сейчас смертельно ранен?»

«Нет, — отвечал дрожащий Карл. — Я даже не знаю эти места».

«Так знай же, это твой двоюродный брат Гвидо. Он

наказан за свои подлости. Запомни и передай отцу, чтобы он поостерегся кутежей и неправых дел, не то вас ожидает еще горшая участь».

Когда поздним утром Карл проснулся, он чувствовал себя разбитым и измученным больше, чем с вечера, до отхода ко сну. Его пробуждения нетерпеливо ожидал камердинер Яна — господин Фома из Вилленев, посланный поторопить принца, потому что король Ян с дружиной уже были готовы снова вскочить на коней и продолжить свой путь. Карл спросонья возразил:

— Ехать? Этой ночью я пережил такое, что не желаю никуда ехать.

Любопытному рыцарю мало-помалу удалось вытянуть из Карла содержание страшного сна. Карл, правда, не рассказал ему всего, умолчал о возможном возмездии за грехи, содеянные им и отцом в последнее время; и правильно сделал, поскольку Фома громко рассмеялся, не желая всерьез принимать волю провидения.

С королем Яном Фома поделился услышанным только в Парме. Король велел позвать сына и убеждал его:

— Не верь снам!

Но когда спустя несколько дней пришла весть о том, что Гвидо в самом деле был ранен шальной стрелой во время осады замка и вскоре умер, король Ян был так изумлен, что беспрестанно повторял:

— Ей-богу, это потрясающе! Мой сын предсказал его смерть!

Карл и отцу не сказал всего. О предостережении умолчал, чтобы отцу не показалось, что он хочет стать в позу моралиста и дополняет увиденное во сне выгодными ему подробностями. Сам же сохранил его в своей памяти навсегда.

То были последние дни Карла в Италии. Спустя две недели, двадцать четвертого августа 1333 года, он распрощался с отцом и в окружении всадников, среди которых почетное место занимал пан Микулаш, покинул Парму.

В последний раз бросил он взгляд на мраморный дворец, свою временную резиденцию, еще раз порадовался зелени садов, окинул быстрым взором башни, резные бойницы, скульптуры, лестницы, мосточки, аркады, беседки, крепостные рвы и кривые улочки и под

аккомпанемент цокающих копыт по каменистой, утрамбованной, выжженной солнцем дороге направился далеко на север.

Там, за снежными вершинами Альп, за полноводным Дунаем, его ждала древняя, строптивая, никогда никем не покоренная чешская Прага. «Как она встретит меня после стольких лет?»

Королевич Карл возвращается в Чехию

ЧЕРЕЗ два месяца Карл пересек чешскую границу, миновал дремучие, непроходимые леса с редкими прорубленными тропами и почувствовал вдруг: да, это его родина, родные места, эту землю он знает давно по сказкам о рыцарях и королях, ее чарующая прелесть и одновременно грубоватая угловатость растворены в его крови. Карла объяла сладостная тоска, которая охватывает каждого, кто взойдет на холм и, взглянув окрест, увидит этот край. Тоска по чему-то далекому, вечному, неповторимо родному, что способно вложить мужчине в руку меч и приказать ему: защитай свою отчизну, испокон веков твою, кровью твоих предков напоенную и потом их орошенную!

«Вот она, чешская земля», — говорил Карл себе, оглядывая осенние холмы, пастбища, загоны для скота, невысокие скалы, лохматые боры, извилистые реки, озера и заводы, поля и сады, убегающие вдаль к беспрестанно меняющейся линии горизонта, уютные островерхние городки с каменными стенами, крепости и могучие замки, возведенные почти на каждом возвышенном месте. С первого взгляда тому, кто приходит сюда, ясно, что он попал в страну воинов.

Долгое путешествие использовали полной мерой чешские паны из рода Витковцев и Роновцев, которые выехали навстречу Карлу к итальянскому городу Мериано. Они вели с Карлом беседы о долгах короля Яна, о возможных доходах в Чешском королевстве, о разбойниках, обирающих прохожих на дорогах и не признающих земской власти, о тайном сговоре императора Людовика Баварского с австрийскими Габсбургами с

целью поделить Каринтию и Тироль, как только умрет герцог Генрих. Невеселые разговоры об угрозах, интригах, беззакониях, спорах и стычках.

«Да, прав был пан Микулаш,— снова убеждался Карл,— я принял верное решение. Жаль, что этого же не сделал отец. Жаль также, что эти достойные паны, Витковцы и Роновцы, забывают о собственном участии в разбазаривании богатств страны. Сколько замков ты получил в заклад, пан Петр из Рожемберка, за то, что одолжил моему отцу две тысячи грошей? А ты, пан Индржих из Липы, сколько выколотил из королевских городов, отданных тебе в управление за то, что снабдил короля деньгами, выжатыми из его же вассального люда?»

Вслух Карл этого не говорил, он научился в Италии мудрому молчанию и помнил о советах дядюшки Балдуина. Лучше слушать, чем был услышанным, полезнее получать советы, чем давать их другим. Словно вчера произнесенные, звучали в его ушах слова: «Милый сын мой, в этих господах ты нуждаешься больше, чем они в тебе, и поэтому старайся, чтобы в будущем положение переменилось, в противном случае они будут главой государства, а не твой отец, и тогда тебе нечего будет наследовать ему».

Перейдя границу, отряд Карла двигался почти без отдыха. Остались позади приграничные боры и холмистая местность между Таховом и Пльзенем, крутые склоны Бердов, извилистая долина Беровки, и вот перед Карлом раскрылась влтавская котловина, земли, издавна заселенные чешскими племенами, а в центре их старинная Прага, сердце и опора народа...

Но отряд не сразу направился в Прагу. Он остановился в Збраславе. Постучали в ворота цистерцианского монастыря, основанного и богатыми дарами отмеченного дедом Карла — Вацлавом II. В монастырском склепе, посреди королевского зала, уже три года спит вечным сном мать Карла — Элишка Пржемысловна.

«Да, здесь я преклоню колена, дабы показать всему миру, что я принадлежу к пржемысловскому роду, честь и слава которого есть и моя честь и слава!»

И видели все, как шагает королевич Карл, низко склонив голову, по темному сводчатому ходу в сопровождении настоятеля Петра мимо почтительно умолкнувших панов, как минует украшенные фресками хо-

лодные залы, спускаясь в освещенное свечами подземелье. И видели все, как перед надгробием опускается на колени, благоговейно складывает руки и долго молится, глубоко погружившись в себя. Думал ли он о своем детстве, проведенном под присмотром ласковых материнских глаз? Или горько упрекал отца за то, что был оторван от родительницы и на долгие годы увезен во Францию? Размышлял ли о том, как выполнить завет ее древнего рода, чтобы чешский народ принял его как своего сына, а не чужеземца? Или, быть может, только теперь понял всю горечь одиночества — лицом к лицу со столицей королевства, с Прагой, в которой его не ждут ни мать, ни отец, ни брат, ни сестры? Мать умерла, отец в дальних краях, сестры замужем, брат женат... Даже объяснить на родном языке он ни с кем здесь не может, совершенно забыл его за эти годы, не знает ни глав чешских родов, ни знатных горожан, заблудится в Праге без провожатого, да и преклонить голову ему в этом городе негде.

Хватит ли у него сил осуществить надежды, которые на него возлагают те, кто сегодня будет приветствовать его в Праге? И в чем заключаются эти надежды? По-разному его приветят чешские паны и богатые немецкие горожане. Кто знает, как отнесутся к нему ремесленники, деревенские жители и беднота. Никогда прежде не сознавал Карл так ясно, сколь тяжела и ответственна ноша, возложенная на него судьбой, сделавшей его от рождения правителем. И именно здесь, в этой стране!

Долго стоял он на коленях в глубоком склепе в тот пасмурный октябрьский день, день возвращения в Прагу после долгих лет отсутствия. И когда наконец поднялся и вышел на монастырский двор, сопровождающие могли увидеть перемену в лице королевича — на нем лежала печать твердой решимости, какая приходит к человеку в минуту, когда он понял наконец смысл своей жизни.

ЧАСТЬ II

Карл становится моравским маркграфом

ВДАЛИ показались южные городские ворота с двумя квадратными башнями, высокими и строгими. С грохотом опустился подъемный мост, и из города потянулась многочисленная процессия.

Под балдахин, развеваемым напорами холодного ветра и окрапываемым редким октябрьским дождиком, навстречу чешскому королеви^ч в сопровождении каноников, монахов и певчих медленно шествовал восьмидесятилетний старец — высокий, прямой, исполненный гордого достоинства. Это был пражский епископ Ян из Дражиц. Следом шагали видные горожане во главе с бургомистром и членами магистрата, писцами, цеховыми мастерами и собирателями податей. За ними с надлежащим интервалом двигались всадники с флагом Чешского королевства, сопровождающие пражско-

го бургграфа, судей, герольдов и хранителей земских судебных книг. Конная группа опередила пеших и приблизилась к небольшому эскорту Карла.

Многочисленная толпа простолюдинов, двигавшаяся вслед за духовенством и городскими властями, остановилась поодаль, готовая по первому знаку выразить свой восторг.

Карл, сидя на коне, выслушал приветственную речь бургграфа, который в отсутствие короля являлся высшим военачальником в государстве. Потом бургграф, а им был пан Гинек Берка из Дубы, из рода Роновцев, и двоюродный брат Индржиха из Липы, сопровождавшего Карла с другими панами от Мерано до самой Праги, посторонился и, держа своего гнедого жеребца за поводья, освободил место для епископа. Епископ начал свою речь на латыни, но, вопреки обычаям, неожиданно закончил ее по-чешски:

— Приветствую тебя в стране твоих предков, первородный сын нашего короля, его величества Яна, милый Вацлав. Пусть твой приход будет благодатью для земли чешской, стонущей от беззакония, узурпаторства, грабежей, насилия и безвластия. Пусть твоя твердая рука вырвет их с корнем, и справедливое правление твое да озарит наше славное королевство!

По решительному тону епископского голоса, по его гордому взгляду и по выражению лиц слушавших его панов и горожан Карл догадался о значительности сказанного епископом. Он отказался от перевода, предложенного Яном Волеком: мыслимо ли выслушивать приветствие епископа на каком-то ином языке? Славянский язык звучал для принца, словно музыка, словно материнская колыбельная песня, выплывшая вдруг из небытия, звучно, сладостно и мужественно. «Будь здесь Бланка, она услышала бы тот язык, на котором говорят чешские короли и которым я крещен! Она должна приехать сюда и убедиться в том, что Чешское королевство не вымысел, и имя мое здесь не кажется чем-то необычным, и Прага — это не какой-то выдуманный город...»

Он ехал на коне во главе процессии, в которой тем временем смешались духовные лица и миряне, дворяне и нищие, старики и дети, мужчины и женщины. Богатые, новые одежды соседствовали с ру-

бищем, нарядные золоченые башмаки — с ветхими обутками, а то и просто босыми, избитыми ходьбой ногами. «Мой народ», — думал Карл, испытывая невыразимое чувство сопричастности и одновременно отчужденности. Он поднимал руку в ответ на восторженные приветствия, улыбался, кивал головой направо и налево, слегка смущенный, утомленный, захваченный стремительным вихрем противоречивых мыслей.

Бургомистр, члены магистрата и мастеровые говорят по-немецки, Карл сразу это заметил. А простой народ приветствует его по-чешски. И высокородные паны из свиты, и королевская знать — почти все чехи. Удивительно! Почему об этом отец говорил так мало, точнее, вообще ничего?

Карл проезжал по широким площадям и узким улочкам, застроенным двухэтажными домами; первый этаж — каменный, второй — деревянный, с изящными галереями и островерхими крышами, каких нет ни в Париже, ни в Италии. Здесь часто бывают дожди, а зимой снег. Только самые широкие улицы замощены, на других блестят лужи, из-под колес брызжет грязь, вот из ворот выбежала свинья с поросятами, на Гавельском рынке пастух загонял стадо коров в открытые настежь ворота, откуда доносился лай собаки, кудахтање кур, гогот гусей.

Вдали виднелся Град. Казалось, от его руин до сих пор исходит какая-то властная сила. А может, гордыня? Град еще в седой древности был заложен как неприступная крепость. Не будь его, не было бы сейчас Чешского королевства. Две белые романские башни высились над развалинами, но крепостные стены выглядели неприступными, а крыша бургграфского дома сияла новым покрытием. Но сегодня процессия туда не проследует. Уже поздно, и сейчас там нечего делать. Для Карла приготовили дом на площади — некогда жилище его матери Элишки, опрятный, чистый, украшенный росписями, с золотым колоколом на фронте. «Здесь будет мой дом», — говорил Карл себе, спрыгнув с коня и отдав конюшему поводья. Вступил внутрь и почувствовал, как что-то оживает в глубинах его памяти, но что, пока не ведал. Это было здесь? Не было? Какое-то смутное воспоминание, прикосновение к тайне, странный призыв.

...Первый вечер в Праге. Восковые свечи скупо освещают просторную залу, осенний ветер рвет ставни, сквозняк завывает в коридорах, проникая через неплотно закрытые двери. На город сыплется мелкий дождь, со всех сторон подступает безжизненная, пустая темнота. Долго не мог заснуть королевич, вышагивая взад-вперед, думая думу о прошлом и — с еще большей озабоченностью — о том, что ждет его здесь, в Праге.

Не убавил Карлу забот и епископ Ян, приняв его на следующий день в пышном дворце у малоостранского моста. Карл еще острее почувствовал свою бедность, разительную в сравнении с роскошью, окружавшей этого пожилого, приветливого и образованного человека. Не мог принц соперничать с епископом и в образованности, хотя до сих пор гордился ею: кто еще из правителей и принцев умеет говорить и писать на четырех языках, к которым вскоре, он был в этом уверен, прибавится пятый? (Пятый? Скорее, первый...) Кто уже в пажеском возрасте вникал в сложные диспуты и юридическую казуистику магистров Сорбонны? Епископа, однако, этим не поразишь, он сам провел одиннадцать лет при папском дворе в Авиньоне, в гуще сложнейших философских споров, хитроумной дипломатии, хитросплетений придворной жизни, причем не в детские или юношеские годы, как Карл, а в возрасте зрелом, даже весьма зрелом. Изощренный ум епископа Яна проник в самую сердцевину бытия высших светских и церковных кругов.

Карл ступался, едва вступил в епископский дворец, едва оказался в вестибюле, украшенном скульптурами, фресками, картинами в золоченых рамах и уставленном драгоценными, с филигранью, ковчегами, хранящими святые мощи — зуб, кость или прядь волос. И словно уменьшился в росте, сидя за дубовым столом, щедро украшенным резьбой и инкрустированным орехом. В этой обстановке епископ походил на вельможу, а вовсе не на духовное лицо.

Но стоило им остаться после трапезы наедине в скромно обставленном кабинете епископа, первые его слова избавили Карла от скованности. Он не мог не вспомнить другого церковника, еще более высокопоставленного и богатого — архиепископа Балдуина, наставления которого в эти минуты сразу ожили

в его памяти, не мог избежать невольных сравнений.

Казалось, эти два мужа сговорились между собой — так похожи были их речи, их мудрые, на вес золота, советы.

— Думай о Чехии, милый сын мой, — сказал епископ, словно Карл уже был чешским королем. — О славянском народе, который является ее истинным и единственным наследником. Не позволяй разрастаться в стране влиянию чужеземцев, этих губителей и хулителей нашего народа, не допускай, чтобы даже самый скромный пост в стране занимал пришелец. Главное — не позволяй чужеземным пришельцам умножать имущество! Имущество всегда плодит должность, а должност — имущество. Владеющий и тем и другим закабалает бедного и слабого. И если в стране будет хозяйничать чужеземец, он станет всеми силами вредить чешскому народу. Ты по матери потомок чешских королей Пржемысловичей, никто в Священной Римской империи не может сравниться с ними ни славой, ни древностью. Да и не только в ней, во всей Европе! Король Ян забыл это и поэтому нелюбим чехами. Твое будущее королевство для него лишь источник доходов; нужды и тяготы Чехии всегда были ему безразличны. Родовая знать ждет от тебя перемен, ибо твой отец всех разочаровал. Устрани кривды, милый сын мой, иначе погибнешь и даже упоминания о тебе не останется в будущих временах.

Старик замолчал, словно всматриваясь в даль. Потом продолжал:

— Стране приходилось переживать худые времена после смерти твоего деда Вацлава и после убийства его сына. Главы родов тогда наконец-то очнулись, взялись за управление страной, пытаясь защитить ее от чужеземцев и от пришельцев — злополучных гостей из Германии и других земель. Если паны дадут тебе деньги, милый сын мой, это будет на пользу королевства; прими их ради этой цели, а не для отцовских войн, кутежей и рыцарских турниров. Не посылай ему более необходимого. Располагай и моими скромными доходами. Они, правда, едва прикрывают дно моей сокровищницы, но для тебя она всегда открыта. И учи родной язык, без него тебе не найти взаимопонимания ни с панами, ни с простым людом, разве только с чужестранцами, а это было бы самое худшее. Выучишь

язык, и перед тобой откроется, кроме сокровищницы, и моя библиотека. Смотри!

Епископ открыл один из дубовых шкафов, щедро украшенных резьбой, как и вся остальная мебель во дворце.

— Вот мои сокровища, их собираю я не для себя, а для народа, среди которого я родился!

Карл с жадным любопытством и почтительностью снимал книги с полок, гладил пальцами их кожаные корешки, тисненные золотом, тяжелые крышки с цветным орнаментом и металлическими застежками, держал на ладони и открывал то одну, то другую, чтобы прочесть титульный лист. Но не все удавалось прочесть; принц удивился — книги не только на латинском языке, но и на языке, который он до сих пор не понимает, — древнеславянском, языке его матери.

— Придет час, — закончил епископ, — ты прочтешь их, милый сын мой, и в этом шкафу, и в остальных — какие захочешь. Знай, никто в целом королевстве не обладает такой бесценной библиотекой. Здесь исторические хроники твоего народа с древнейших времен. Из них ты узнаешь, откуда пошла земля наша и почему дорога она нам, как необходимо пестовать язык нашего народа и записывать все события для поддержания духа будущих поколений. Прошу тебя, помни об этом и прими на то мое епископское благословение!

Карл опустил перед стариком на колени и принял благословение. И, уже учтиво распрощавшись с ним, не переставал думать о его наставлениях — не только вечером, но и проведенной в бдении ночью, и в последующие дни. Всю жизнь хранил он в памяти мудрые советы епископа Яна, хотя не однажды склоняли его забыть их...

Совершенно в ином тоне разговаривал с племянником Ян Волек, канцлер Чешского королевства. Он не стеснялся в выражениях, резко и открыто выступал против короля Яна. Заговорила давняя обида. Несколько лет назад король Ян лишил Волека высокой должности, не стерпев, что тот в споре короля с Элишкой принял сторону сестры. Волек был Пржемысловичем, он видел в Карле продолжателя традиций рода и советовал племяннику:

— Остерегайся панов! Не верь Витковцам, посмат-

ривай за Роновцами, берегись Марквартицев и не спускай глаз с Бенешовцев! Они завидуют друг другу, но это не мешает им всем вместе загребать, где только могут. Кто предал Габсбургам твоего прадеда Пржемысла Отакара? Родич Петра Рожемберка! А кто восстановил против короля Яна твою мать, королеву Элишку? Пан Йиндржих из Липы! Его сын теперь околачивается около тебя, мечтая о должности, которая позволила бы Роновцам взять верх в королевстве. А Бенешовцы? Разве не пан Тобиаш из Бехине оскорбил твою мать, когда после смерти брата она утверждала свое право на трон? Ни в коем случае не приближай к себе спесивых выскочек. Ну зачем твой отец отдал должность подкомория чужеземцу Олдржиху Плугу? Он приписывает себе титул господина из Рабштейна, но замок этот не наследовал, а купил за несправедливо добытые деньги. Ведь это то же самое, что провозгласить хорька королем кур. Известно ли тебе, дорогой племянник, сколько замков принадлежит королевской короне, сколькими городами владеет твой отец, чему равна десятина, посылаемая ему кутногорским монетным двором, и сколько долгов внесено на ваше имя в земские книги? К тебе придут паны — станут домогаться должностей, титулов и почестей. Удовлетвори некоторые их просьбы, но не даром! Ведь платить-то они будут вашими деньгами. Пусть вернут заложенное королем имущество за ту же сумму, что они одолжили королю Яну, ни гроша больше. Да не забудь вычесть у них то, что, пользуясь этим имуществом, они положили в свой карман! А с горожанами обращай еще решительнее. Я тебе это очень советую. И паны, и простолюдины тебя поддержат. Горожанами управляют немцы, пусть же они платят за то, что хозяйничают в Чешском королевстве. Крадут, как сойки, а держат себя, как спесивые индюки. Деньги, деньги и еще раз деньги — вот главное для тебя сейчас. Время от времени их можно выжимать и из ростовщиков, они-то, в свою очередь, выжимали их из ремесленников и поселян, не щадя даже беднейших из них. Чуть что, прижми ростовщиков к ногтю, но не забудь тут же одарить их какой-нибудь пустяковой милостью — пусть все убедятся, что ты и им помогаешь. Подумай над моими словами, милый племянник, никто не даст тебе лучшего совета, чем я.

...Иные речи вел спустя несколько дней пан Петр из Рожемберка, глава влиятельного рода Витковцев, на чьем гербе красовалась роза с пятью лепестками. Состояние этого пронырливого, хитрого и одновременно образованного пана за последние четверть века умножилось многократно. Он не брезговал ничем: ни грабежами и жестоким притеснением подданных, ни расчетливыми браками и умением войти в доверие короля, ни ссудами и открытым насилием над небогатым дворянством.

Пан Петр говорил тихо, вежливо и задушевно, склонив голову набок, словно к чему-то прислушиваясь, косым взглядом сторожа того, кого хотел завлечь в свои силки. Но и Карл уже давно был не желторотым птенцом, а человеком достаточно опытным, еще недавно успешно разбиравшимся в итальянских интригах, вооруженным советами дядюшки Балдуина, вымуштрованным лукавым французским двором. Он напустил на себя вид послушного сына, внимающего отцу, а сам думал: «Ну, ну, посмотрим, куда ты гнешь».

— В монастыри, пан королевич,— тихо начал Петр,— непрерывным потоком идут приношения и выморочные имущества. Монахи вымогают у селян десятину, а потом предаются разнузданным кутежам, заботясь о чреве куда больше, чем о спасении души. Бесконечные дары и денежные выплаты, которые шлют они в папскую курию, ослабляют страну. Приходы передаются подставным лицам, у них нет даже низшего духовного звания, они не отправляют богослужений и — вымолвить стыдно — не совершают даже обрядов погребения и венчания. Костелы в запустении, а монастыри и священники богатеют. Вы же с отцом беднеете день ото дня. Только паны ваша опора, королевич, только им надлежит принимать законы, избирать короля, облагать население налогом, собирать для вас войско. И сидеть на разных должностях в стране.

Карл благодарил с напускной почтительностью и заверял пана Петра, что сделает все, как тот советует. «Плут,— говорил он про себя,— сначала верни полученное тобой в залог за смехотворную сумму и не сваливай вину на других! Пусть многое, что ты говоришь, правда, но далеко не вся правда. Вся же правда стала бы обвинением и в твой адрес, и не малым!»

Карл прислушивался ко всем советам, выбирал из них самые полезные и верные и действовал, сообразуясь с интересами страны. Он одолжил деньги у епископа Яна и у дяди Волека, получил их и от пана Петра из Рожемберка и других панов. Пану Петру, однако, пришлось пообещать должность верховного судьи, пану Волеку вернуть место вышеградского пробста, а епископа порадовать некоторыми привилегиями монастырям.

В начале зимы Карл посетил Силезию и Лужицкий край, чтобы посмотреть, как выполняют свои обязанности королевские чиновники, определить размеры доходов горожан от торговли и ремесел и собрать с них налог.

А когда Карл вернулся в Прагу, его поджидала весть от отца: принц провозглашался моравским маркграфом. С этого момента Карл стал носителем титула, который по значимости равняется княжескому. Кажется, он мог быть удовлетворен первыми месяцами своего наместничества. Мог, но не был. Карл понимал: все сделанное — еще даже не начало. Впереди новые вехи на жизненной стезе. Что ждет его там, за горизонтом?..

Карл призывает из Франции свою супругу

И ВОТ первые рождественские праздники. Дома, на родине. Без придворных увеселений и торжественных месс в окружении сотен рыцарей, баронов и дворян, как во Франции; без балов, детских хоров, вертепов в храмах с пышно украшенными порталами, как в Италии...

В Чехии все строго и просто, но искреннее и душевнее. Зима загоняла людей в дома, убранные омелой, к столам с орехами и яблоками, сушеными сливами и грибами. Непросто было по занесенным снегом тропинкам пробираться в костел. В Карле оживали неясные мечтания и видения, когда он слушал тихие мелодии церковных псалмов, вызывающих в памяти народные чешские песни.

Он переждал в Праге зиму, немного похожую на зиму в Люксембурге. В крещение — катанье на санях по крутым улицам Пражского града и Малой Страны, по заснеженным площадям. Сосульки с крыш опускаются почти до узких, несимметричных окон. Из труб поднимается дым, юноши, переодевшись в королей, бредущих в Вифлеем, колят собак. Во дворах сиротливо лают собаки. Влтава скована толстым искрящимся льдом, она и каток для стайки ребятишек, и поставщик рыбы к столу богатых и бедных: в прорубях ловятся и вялые золотистые лини, и щуки, и голавли, и угри. Порывистый ветер стучит ставнями в бургграфском доме на Граде. Карл переселился сюда накануне рождества с согласия бургграфа пана Гинека Берки из Дубы: не приличествует королевичу жить в городе, как обычному горожанину.

Отсюда Прага перед ним как на ладони. И масленица оживляет в нем образы далекого, забытого детства: он уже видел когда-то эту беготню развеселившейся молодежи в барашковых шапках с лисьими или собачьими ушами, этого медведя с охапкой гороха, эти игры, проказы, выкрики, песни под дудочки и трехструнные скрипки. А рядом течет повседневная жизнь — с печалью об умерших, с судом над преступником, с бродяжничеством голодающих, с драками, невесты из-за чего вспыхнувшими. О них Карл узнает от бургомистра и городских советников, с которых требует подати, давно уже отцом собранные, которым обещает льготы, давно уже предоставленные, от которых требует кредитов, зная, что погасить их не в состоянии.

Но принц вынужден так поступать, об этом ему неустанно напоминает его секретарь пан Микулаш:

— Поскорее выкупай — да побольше! — заложенные замки, изо дня в день ты лишаешься доходов от труда деревенских жителей, приписанных к ним. Без замков ты не правитель, даже если бы тебе это казалось.

Карл давно понял эту истину и в соответствии с ней действовал.

— Не посылай отцу всего, — в свою очередь советовал епископ Ян. — Утай, что можешь, пусть король приедет и убедится сам, как тяжело добывать деньги, особенно не имея в распоряжении основного капитала. Утай, что у тебя есть, это не грех, милый сын мой.

В конце концов это пойдет и ему на пользу. Увидишь, он будет тебе потом благодарен.

Карл не ждал благодарностей от отца, слишком хорошо зная его характер, епископ тоже понимал наивность своих рассуждений, но ему хотелось поддержать Карла в борьбе с политикой отца, только в этом он видел путь к спасению королевства.

Карл не искал советов и все-таки внимательно их выслушивал.

Так его застала чешская весна, самая стремительная, бурная из всех, которые он знал.

За несколько дней влажный южный ветер отогрел землю, растопил снег и лед, обнажил вершины холмов вокруг Праги и пограничные боры. Капель со стремительно исчезающих сосулк искрилась на солнце, лужи на улицах сверкали, как маленькие моря, в которые впадают ручейки со всех водостоков, со всех дворов. Не только бурная Влтава, но и небольшой Ботич разъярился, неся вешние воды, и Брусница гудела, словно морской прибой, а Рокитка неподалеку от Поржичской въездной башни мчала ледяные глыбы и подмывала берега. От поездок по стране пришлось отказаться: лошади бы увязли в грязи. Чтобы не терять зря время, Карл повелел каменщикам и каменотесам приготовить строительную площадку для возведения королевского дворца там, где стоял прежний, ныне разрушенный и сгоревший. Строительство началось без промедлений: весной придет Бланка, теперь она не только французская принцесса, выданная за чешского королевича, но и моравская маркграфиня.

Какой она стала после трех лет разлуки? Образ ее потускнел в памяти Карла. Давно уже нет хрупкой девочки, которая махала ему вслед ручкой в тот день, когда он удалялся во главе своей конной процессии от ворот люксембургского замка, поспешая по призыву отца в далекую Италию. До сих пор ему живо видится ее лицо, глаза, полные слез, ее печальный взгляд, таящий упрек: «Если рядом нет тебя, я чувствую себя совсем одинокой, будь у меня хоть десять свит и танцы каждый день».

Ну, теперь уже недолго ждать! Как только весна наберет силу, Бланка отправится в путь — из Парижа в Люксембург, а оттуда прямо в Прагу... Как только весна наберет силу!

...Весна не спешит, хотя белые языки снега остались только в ложбинах и на северных склонах, да и там день ото дня тают. С неба светит все еще холодное солнце, но седая завеса разорвана, и в голубом поднебесье плывут кудрявые облака, гонимые теплым ветром. Влтавские берега сияют подснежниками и белоцветниками, золотятся мать-и-мачехой, над темно-коричневой подсыхающей землей, из которой рвется на свет молодая трава, со всех сторон набежали зеленоватые облака — это кроны ольхи и вербы, осин и кле-

нов, вязов, берез и ясеней. Дубы еще спят, укутанные прошлогодней листвой, а сосны с елями чернеют вдаль, приближая горизонт. Незабываемая весна — сырая, суровая и свежая, как вся эта земля. На страговском холме благоухают фиалки, следом за ними на Петршине, некогда сторожевом холме, появились одуванчики и ландыши; всюду буйствуют зеленые краски, над Бржевновом льются трели жаворонков. Близок и пасхальный звон колоколов, голоса которых наполнят весь край, окутанный весенней дымкой. Право слово, ничто не сравнится с чешской весной!

Вот минула и пасха с ее веселыми играми — жители весело катали крашеные яйца, хлестали молодых крестьянок плетками, чтобы были здоровыми и послушными, выливали ушаты воды на парней, чтобы были сильными и выносливыми. Вечно повторяющаяся магия круговорота жизни, рождения и смерти. Наступил май

с его свежей прохладой и благоуханным теплом, с щебетом, чириканьем, свистом, писком, стуком — густо-зеленый, ярко-желтый, влажный, пьянящий. Ждать недолго, скоро появится Бланка в окружении свиты, она вот-вот покинет Париж, как сообщает в последнем письме.

Но прошел весь май, прежде чем Карл дождался посла, герольда в черном бархатном одеянии с гербом своей госпожи — тремя золотыми лилиями — на груди и на чепраке коня. Он доставил письмо, писанное по-французски, которое Карл несколько раз перечитал, пока не выучил наизусть:

...В ожидании встречи с Вами я пускаюсь в этот путь, чтобы остаться у Вас навсегда, не покидать Вас, верно соблюдая супружеское обещание, данное Вам и взаимно от Вас полученное, как было предопределено волей Всевышнего, и, соизволит ли он, стать матерью. О если бы я смогла подарить Вам сына и преемника, о чем молюсь, ибо Ваше благополучие является моим счастьем, и я верю, что так будет взаимно.

Бланка! Да, это Бланка, но образ ее затмевает другое лицо, обрамленное темно-каштановыми волосами, расчесанными на пробор над гладким лбом, с глубоко посаженными, медово-золотистыми глазами. Где ты, Джулия? Кто твой супруг, родила ли ты ему сына или дочь, верная супружескому долгу и почитающая его благополучие общим — его и своим — счастьем?

День ото дня бледнеет образ Джулии, день ото дня становится все осязаемее образ Бланки.

12 июня 1334 года. Карл ждет Бланку с самого утра. Она направляется в Прагу несколько иным путем, в отличие от того, как добирался сюда он, и свита ее куда пышнее и богаче, и заботы, конечно, совсем другие.

С утра Карл сам осмотрел покои Бланки и ее свиты — компаньонки, камеристки, служанки, фрейлин, пажей, конюхов, стражников, кучеров, поваров, портных, дегустаторов блюд и вин, писаря и ювелира. Надо позаботиться об их жилье и питании, обеспечить достаточными доходами и развлечениями, предоставить в их распоряжение конюшни, топливо для каминов, выде-

лить специального исповедника, доставить необходимые латинские книги и Священное Писание. А также множество всякого иного, о чем не раз в последние недели заговаривал пан Микулаш и на что пан Вилем из Ландштейна, новый подкоморий королевства Чешского, выдавал деньги с озабоченно-насупленным видом.

Наконец о приближении процессии сообщил прикававший галопом гонец.

Был благоуханный воскресный вечер поздней весны, когда воздух пропитан ароматом цветущих лип и по земле мягко стелятся длинные тени. Уже совсем тепло, но не душно. Торжественные шеренги магистрата с бургомистром во главе и свита пражского бурграффа сопровождали Карла. Впереди всех в пышной свите шагал под пурпурным балдахином сам епископ Ян. Встреча Бланки была ничуть не менее торжественной, чем та, что устроили несколько месяцев назад Карлу, пожалуй, даже более праздничной. Бланка не должна чувствовать себя одинокой, каким тогда чувствовал себя он. Ведь ее встречает супруг, приготовивший для нее в только что отстроенном дворце достойные апартаменты и вечерний пир.

И вот они видят друг друга! Взгляды встретились. Бланка заметно покраснела, а Карл, стараясь не выдать волнения, сурово сжал губы. Епископ Ян подошел к Бланке и Карлу и, соединив их руки, обратился к принцессе не по-чешски, как некогда к Карлу, и не на латыни, как приличествовало бы торжественности происходящего, а на французском языке — столь изысканном, будто он родился в Париже.

Это была она и не она... Где та шаловливая девочка с любопытными глазами, всегда готовая подтронуть над своим юным супругом. «Как же все-таки вас зовут? Как вас окрестили? Произнесите, пожалуйста, еще раз. Не уверяйте меня, что Вацлав — это имя, таких имен не бывает, это вы придумали! Его и выговорить нельзя», — противоречила она сама себе, ибо умела произносить это очень чисто, почти по-чешски.

Сейчас она не осмелилась бы поддразнивать Карла, да и неуместно это было бы. И она мысленно говорила себе: «Неужели это он?» Ведь она помнила его долговязым безусым юношей, никогда не упускавшим случая отплатить ей той же монетой: «Вацлав — имя святого и мученика! Вам следовало бы это знать!

А вот ни одной святой по имени Бланка нет».

Об этой встрече несколько месяцев спустя сделал запись в монастырской хронике збраславский аббат пан Петр из Житавы. Она хорошо выражает чувства, которые в те дни владели не только им, но и многими другими известными мужами королевства:

Сего года дня двенадцатого июня в седьмой день недели в вечерние часы Бланка, супруга Карла, наследника королевства Чешского, маркграфа моравского, прибывшая из Франции, была торжественно и пышно встречена духовенством и всем людом пражским, и жительство ей было определено на это время в Пражском граде. Сия вышеупомянутая госпожа Бланка, десять лет назад обрученная прелестной девушкой с вышеупомянутым Карлом, пребывала то в Люксембурге, то во Франции, в родительском доме, вплоть до времен, вышеупомянутых... Была призвана в Чехию, чтобы с супругом своим Карлом правила, а придет время, и царствовала как королева. Прелестной внешностью своей и красотой она, безусловно, полюбилась всем, и я надеюсь, что еще полюбится и своими добродетелями; она привезла с собой женскую одежду, сшитую по обычаям своего народа, и немалое приданое, подобающее ее положению, как требует королевский дом. Большое затруднение, мы считаем, состоит в том, что она говорит только по-французски; супруг понимает и любит ее, потому что долго с ней жил вместе во Франции. Радуется супруг, видя рядом свою супругу, и устраивает в Праге в течение нескольких дней большие торжества, развлечения и пиршества...

Несколько лет спустя об этом событии напишет сам Карл, теперь уже король чешский и император Священной Римской империи, напишет значительно лаконичнее:

В то время мы послали за своей супругой, которая жила тогда в Люксембурге. Спустя год она родила нашего первого ребенка — дочь, нареченную Маргаритой...

Да, не слишком подробно. К тому же Карл забыл или не пожелал вспоминать то, о чем не преминул отметить збраславский аббат:

Спустя месяц почти вся свита Бланки была отослана назад в свои земли, а к госпоже приставлена другая, чешская свита...

Так оно и было. Чешские паны не желали, чтобы двор Карла и его супруги состоял из чужеземцев. Даже пан Микулаш решительно опровергал возражения Карла, решившего было оставить при Бланке ее камеристок и фрейлин, чтобы она не испытывала одиночества в незнакомой стране. Пан Микулаш хорошо понимал чувства Бланки, но еще лучше он понимал нужды страны, о которых должен заботиться будущий король, даже если это стоит ему горьких жертв: «Королевич, не позволяй окружать себя иностранными советниками! Не допускай, чтобы ими была окружена твоя супруга! Иначе вокруг вас всегда будут чужие уши и чужие уста, а значит, и лживый совет и черная измена. Все, что затевается в королевстве, легко станет достоянием врагов».

Бланка расставалась со своими приближенными в тоске и печали, словно прощаясь навсегда с молодостью и с родиной. Увы, так оно и было: с этой свитой, исчезающей в дымке раннего летнего утра, рвалась последняя ниточка, связывавшая ее с Францией, с родными, друзьями. «Вернусь ли я когда-нибудь туда? Увижу ли снова стройные башенки Сент-Шапель, лопасти ветряной мельницы на дороге из сен-денийского аббатства в Париж, королевский дворец, услышу ли снова колокола величественного Нотр-Дама?»

В Праге Бланке не доставало изысканности французского двора, пестроты и пышности торжеств, шума рыцарских турниров, жара публичных диспутов сорбоннских магистров и мелодичного звона струн бродячих певцов:

Я возвращаюсь, госпожа, с жестокой битвы,
несу вам розу на острие меча.
Это не роза, читайте на моем лице:
несу вам сердце, сердце свое горячее...

«Никогда мне их уже не увидеть», — замирало в предчувствии сердце Бланки.

*Заграничные
поездки короля Яна
не приносят пользы королевству*

ОТСУТСТВИЕ отца королевич переживал теперь куда тяжелее, чем когда-то в Италии. В солнечной и легкомысленной стране за Альпами Карл никогда не чувствовал себя легко: он не верил, что отцу удастся удержать приобретенные синьории. Здесь же, в Чехии, все было родное. Его славная Прага. Его народ, языку которого он теперь снова с таким трудом учился. Земля мужественных предков, волнующих исторических событий и самоотверженных, храбрых людей.

«Если я не положу конец отцовской бесхозяйственности и панскому произволу, я окажусь в столь же безнадежном положении, как когда-то там, далеко на юге. Отец этого не понимает, а если и понимает, не придает этому должного значения. Между нами назревают разногласия, семена которых посеяны еще в Италии. Хватит ли у меня сил противостоять ему, как только эти разногласия выльются в открытую борьбу? И поймет ли отец, что мое противление не предательство, а желание сохранить для нашего рода эту державу, нашу единственную опору? Те, кто зарится на Чешское королевство, хорошо это понимают. О если бы это понимал и его король!»

Чехии угрожали, однако, не только панская междоусобица и расхищение королевского имущества, но и беспокойное соседство. На западе Чехия граничит с обширным баварским герцогством, владением императора Людовика. На юге — с Австрией Габсбургов. На юго-востоке — с Венгрией, а на северо-востоке — с землями краковского правителя Казимира, который никогда не примирится с тем, что польскую корону носит чешский король; он давно хочет вернуть ее назад, а вместе с ней и Силезию.

Карл посылает послов то в Венгрию, то в Польшу, то в Австрию, то в Саксонию, сам принимает посланников и немедленно сообщает о переговорах королю Яну, местонахождение которого, впрочем, не всегда ему известно. «Я должен не только сохранить свою страну, но и сделать ее могущественнее» — эта мысль день ото

дня крепнет в Карле. «Если я не сохраню Чехию и не сделаю ее могущественнее, я не оправдаю надежд дядюшки Балдуина, не наполню свою жизнь тем содержанием, которое мне желанно, не выполню то, что предназначено самой судьбой. Мне одному придется преодолевать превосходящие силы врагов, как когда-то в Италии. Отец вернется пожинать им не сеянное. Как пригодились бы здесь его рыцарская доблесть и умение использовать родственные связи с королями сладостной Франции! Ведь снова поблизости сверкают молнии и гремит гром».

В Тироле умер герцог, дочь которого Маргарита была замужем за младшим братом Карла — Яном Йиндржихом. По закону и договоренности Каринтия и Тироль должны принадлежать Маргарите и Яну Йиндржиху, но Людовик Баварский сговорился с двумя австрийскими герцогами из Габсбургского дома о том, что после смерти герцога они поделят его наследство между собой. Ни император, ни Габсбурги не желают усиления Чешского королевства за счет этих двух земель.

Дворяне Каринтии тоже недолюбливали чехов, поскольку четверть века назад их недалекий, неспособный к государственным делам герцог был изгнан из Чехии, хотя сначала и был выбран королем — после смерти последнего из Пржемысловичей. Теперь представился случай отплатить королю Яну: Каринтия отдавалась во власть Людовику Баварскому и Габсбургам.

Ян Йиндржих и Маргарита бежали в верный им Тироль. Опасаясь Людовика и Габсбургов, тирольское дворянство предпочитало сохранить союзнические отношения с Чехией.

Что в этой ситуации мог предпринять Карл? Он пришел в страшный гнев от вероломства Габсбургов. Ведь не минуло еще и трех месяцев с того дня, как его младшая сестра Анна стала супругой младшего из Габсбургов — Отто.

Карл не мешкая послал гонца в Париж к отцу — известить о случившемся — и вскоре получил вконец расстроивший его ответ. Король Ян недавно на турнире упал с коня, который протащил его по земле и сильно потоптал. Король прикован к постели, борется со смертью, где уж тут грозить Людовику, нет сил даже по-

жаловаться папе или попросить помощи у французского короля.

Более того — и это было новым оскорблением чешского дворянства, — недавно король Ян опять женился, ни с кем не посоветовавшись и даже не соизволив провести брачную церемонию в своем королевстве. Нелыханное дело! Новой супругой короля стала Беатрикс из рода Бурбонов. Очаровательная девушка, давно тайно любившая Яна. Она посещала каждый рыцарский турнир с его участием и не скрывала своего восхищения статным воином с голубыми глазами и русыми волосами, его рыцарскими достоинствами, мужественностью и славой. Так-то оно так, но в Чехии испокон веков было заведено правило, что король в матримониальных вопросах советуется с панами и уважает при этом интересы королевства.

Карл без промедления отправился по Дунаю в Линц к императору Людовику, и там вспыхнула бурная ссора, в которой Карл откровенно высказал обвинение в адрес Людовика.

— Вы, ваше императорское величество, за свое избрание римским королем должны быть благодарны моему отцу — тринадцать лет назад только с его помощью вы отстояли титул императора. А теперь вы объединяетесь с Габсбургами!

Коварный Людовик защищался:

— Если я был избран при помощи вашего отца, то приношу ему за это свою признательность. Но уж если я император, мне положено заботиться о благе Священной Римской империи, она мне дороже дружбы. После смерти герцога Каринтия принадлежит империи, и император волен отдать ее, кому пожелает и кого считает достойным.

— Да, но только в том случае, если у умершего нет наследников. Наследники же есть! Вы, ваше императорское величество, это хорошо знаете! Это Маргарита, супруга моего брата Яна Йиндржиха.

— Нет такого обычая и нет такого закона, — возражал Людовик, — чтобы имперский лен наследовала женщина. Стало быть, Маргарита не в счет и землю по умершем герцоге можно считать выморочным леном. Я, как император, обязан передать его в хорошие

и опытные руки ради пользы Священной Римской империи и всего христианства!

— Однако императору следует, — взволнованно повышал голос Карл, — выполнять собственные решения. Брак моего брата с дочерью умершего герцога вы признали законным, а вместе с ним и уговор нашего отца о будущем наследовании Каринтии и Тироля. Вы не держите своего слова, вы нарушаете регламент наследования, который с давних пор действует в Священной Римской империи.

— Толкование регламента является прерогативой императора, — резко протестовал Людовик Баварский. — Если я решил так, как считаю правильным, и если не нашлось никого в империи, кто бы возразил мне, значит, это решение правильное. Вы не согласны? Тогда обратитесь к господам курфюрстам, пусть они выскажут свое мнение, нарушаю ли я существующий регламент. Пока никто из них по этому поводу ко мне не обращался.

Карл знал, что разбирательство в имперском суде, где председательствует рейнский пфальцграф, тянулось бы бесконечно, Людовик подкупил бы большинство его членов, тем более что некоторые из них — его близкие приятели; другие вообще не явятся в суд, но даже будь решение суда положительным, любой судебный вердикт беспомощен против силы.

Он вернулся домой злой, раздраженный, полный мрачных предчувствий. Эта история ничего хорошего не сулила, и поэтому Карл с удвоенной энергией выкупал заложенные замки и собирал налоги, чтобы иметь деньги, а стало быть, и возможность нанять войско, если дело дойдет до военного столкновения. Теперь он не сомневался в его неизбежности.

В этой предгрозовой обстановке Бланка стала матерью. Она родила девочку, названную в честь ее матери Маргаритой. Карл устроил пышные крестины на Пражском граде, обряд совершил пражский епископ Ян, доброжелатель и сторонник Карла.

В разгар лета король Ян появился в Чехии. По его виду нельзя было предположить, что еще несколько месяцев назад жизнь его висела на волоске. Возмущенный последними политическими событиями, он

жаждал борьбы, мечтал об отмщении, обдумывал план схватки с императором Людовиком и Габсбургами. Каждому, кто его знал, было ясно, что в ход будут пущены не только сила, но и дипломатия, подкупы, лесть, угрозы, обещания, брачные сделки, где будут фигурировать еще не родившиеся внуки короля Яна. Во всем он мог твердо полагаться на своего первородного сына — маркграфа Карла.

Не откладывая дела в долгий ящик, король Ян собрал войско, чтобы припугнуть соседей, хотя открытого столкновения не желал. Но для выплаты жалованья наемникам нужны были деньги, их приходилось вытягивать из городов в обмен на различные обещания и обязательства, которые в свою очередь ставили под угрозу королевские доходы в последующие годы. Легкомысленный, хотя умный и храбрый, король Ян никогда не заглядывал далеко в будущее; в этом отношении его сын разительно отличался от отца.

Император Людовик Баварский не отважился воювать с Яном, но и Ян не мог себе позволить иметь сразу нескольких врагов. Он вступил в переговоры с польским правителем Казимиром и венгерским королем Карлом Робертом, тем более что оба они нуждались в мире не меньше Яна: Казимира теснил с севера орден немецких рыцарей, а венгерский король опасался Габсбургов. Ян превосходно использовал сложившуюся ситуацию: он договорился с ними о встрече в Тренчине, чтобы заключить союз.

Вот такого отца Карл любил — бесстрашного воина, хитроумного дипломата, готового к решительным действиям. Без колебаний Ян отказался в Тренчине от титула польского короля в пользу Казимира за двадцать тысяч серебряных гривен, а тот в свою очередь признал чешское господство в Силезии. Все три короля взаимно облобызались и завершили переговоры клятвой, что через два месяца опять соберутся вместе в венгерском Вышеграде на Дунае.

Пасмурный, сырой день. Короткий дождь, пестрый ковер опавшей листвы на склонах под Кршивоклатом, вышедшая из берегов Бериунка, увядшие луга, опустевшие после осенней пахоты поля. Каменистая, размокшая дорога, стук копыт, ранний туман, закрывший

горизонт, карканье ворон в лесу. Карл, верхом на лошади, закутанный в плащ, напряженно всматривается в сгущающиеся сумерки. Его верный спутник пан Бушек молча следует за ним. Опережая основное войско, королевич торопится домой после удачного похода в Силезию.

В Прагу они добрались поздно вечером. Город в это время темен и неприветлив; всадники минули городские кварталы и направились прямо на Град, где Карл жил в доме бургграфа. Дом холоден, тих, едва виден в плотном тумане. На первом этаже светится окно караульного, коридоры пустынные и сиротливы, но в зале, где они намеревались ночевать, уже растоплен камин, трещат поленья, мигают свечи. Карл и Бушек легли не раздеваясь, только сбросили на пол башмаки.

Едва Карл уснул, сон его внезапно нарушили чьи-то шаги. Карл открыл глаза — никого! Бушек тоже проснулся: в чем дело? Что происходит? Кто-то невидимый мерными шагами обходил зал круг за кругом. Карла и Бушека обуял ужас. Карл приказал своему спутнику посмотреть, в чем дело. Бушек зажег свечи и подбросил поленья в догоравший камин. Потом, чтобы разогнать страх, сделал большой глоток из кубка и поставил его рядом со свечой; опять улегся, но спать не рискнул. А Карл уселся на постели, завернувшись в плащ, и озирался по сторонам. И снова — хотите верьте, хотите нет — услышал шаги, и снова никого не видел.

И тут вдруг ни с того ни с сего, пока рыцари в испуге смотрели на мигающие свечи, один из кубков, опрокинувшись, поднялся над столом, полетал по залу и, ударившись о стену, упал посреди зала. Надо ли говорить, как испуганы были оба рыцаря, как усердно осеняли они себя крестными знаменами перед нечистой силой, которая, по их разумению, только и могла быть причиной содеянного.

В конце концов усталость взяла свое, оба уснули, но спали плохо. А утром могли убедиться в том, что ночное происшествие было не страшным сном, а явью: кубок действительно лежал там, где упал после своего загадочного полета.

Хотите верьте, хотите нет, но события той жуткой ночи изображены здесь так, как о них рассказал сам Карл в своем жизнеописании. Вряд ли можно пред-

полагать, что он их выдумал; но объяснить случившееся он не смог.

Утром Карл снова вскочил на коня и по осеннему ненастью поспешил, минуя Брно, в Венгрию, чтобы вместе с отцом скрепить печатью договор с венгерским королем и польским правителем и тем самым хотя бы на время отвести опасность от чешской земли. Все понимали — воистину только на время...

Король Ян снова заложил многие замки и города, с таким трудом выкупленные Карлом, установил новые налоги — на вино и соль, а право собирать их отдавал тем, кто больше платил. Разумеется, это были самые богатые горожане, иногда дворяне. Они исправно взимали налоги с торговцев, а торговцы, конечно же, повышали цены на товары — вот и получалось, что налог выплачивали те, кто вино и соль покупал. Ян посягнул и на имущество монастырей, отнял у них многие земли с деревнями и продал влиятельным Витковцам, Роновцам, Марквартицам и Бенешовицам. Потом засадил в тюрьмы ростовщиков и принудил родных выплатить деньги за их освобождение, оправдываясь тем, что их богатства награблены, а потому и принадлежат им не по заслугам. Ростовщики, правда, быстро оправались от такого удара и еще усерднее занялись финансовыми операциями; этого права король Ян их, разумеется, не лишил.

Последний неудавшийся поход на Литву, предпринятый вместе с орденом немецких рыцарей, тяжело отразился на здоровье короля Яна. Промозглые туманы, ветер и сырость болотистого края вызвали воспаление глаза. Сразу же после возвращения в Силезию доктор-француз принялся лечить короля, но шли недели, а облегчение не наступало. У короля лопнуло терпение, и он в припадке гнева приказал зашить врача в мешок и бросить в реку, в водах которой несчастный и погиб.

Потом король Ян поспешил в Прагу, где его супруга Беатрикс разрешилась в конце февраля сыном. Были устроены пышные крестины, новорожденный получил имя Вацлава, так же как когда-то Карл. Король Ян не осмелился нарушить обычаев страны — давать королевским детям только чешские имена. Он хорошо по-

мнил, как восемнадцать лет назад он хотел назвать второго сына Генрихом — в честь отца — и как паны воспрепятствовали этому. Пришлось остановиться на старинном чешском имени Пржемысл; мальчик, однако, не дожив до года, умер.

Народ не разделял отцовской радости короля Яна. По стране поползли слухи, что новорожденный, в отличие от Карла, не принадлежит к королевскому роду, что отец его чужеземец, и мать тоже, а стало быть, никто из них не имеет права рассчитывать на наследие пржемысловского престола. До Яна доходили эти слухи и усиливали неприязнь к старшему сыну.

Отношения короля Яна и Карла осложнялись еще по одной причине, самой серьезной из всех. Яну не раз нашептывали:

— Ваше величество, будьте осторожны! Вашему сыну принадлежит в королевстве немало замков, и у него много приверженцев. Если он и дальше будет обладать такой властью, он выгонит вас, едва пожелает. Он ведь истинный наследник королевства, он из рода чешских королей и потому любим чехами. Вы же для них — чужестранец!

Так подливалось масло в огонь, раздувался тлеющий уголек Янова гнева, пока он не превратился в пожар.

К Карлу тоже наведывались советчики, зачастую те же, что и к королю Яну, только вели они иные речи:

— Принц, ваш отец раскрадывает королевство, он выборный король, вам же Чехия принадлежит по праву наследования. Если вы не схватите отца за алчную руку, то останетесь скоро без сухой корки к обеду! А если решитесь выступить против него, рассчитывайте на нас, будем вам верной опорой.

Все чаще и чаще вспоминал Карл вещице слова далекого дядюшки Балдуина, сказанные накануне отъезда пятнадцатилетнего принца в Италию: «Ты едешь, милый сын мой, чтобы вступить в борьбу. В борьбу кровавую и бескровную, будет она длиться всю твою жизнь. После отца ты станешь чешским королем, пойми же, что это значит... Чешский король должен постоянно быть начеку. Помни о моих словах, милый сын мой, помни!»

Карл помнил о них всегда, потому что видел: отец то и дело поступает не так, как следовало бы. «Но меч

на отца я не подниму, не порадуя врага и тех, кто нашептывает против меня. У меня еще будет удобный момент рассчитаться с ними за предательство. А пока подожду, пока у меня мало сил, и ссора была бы губительна для меня и для королевства. Пусть недруги на это не уповают!»

Король Ян, увы, думал по-другому. Он был оскорблен неуважением, которое выказывали ему чехи, понимал, что не в силах сам укрепить страну, вернуть назад королевские земли, завидовал успехам Карла, которых тот добился за два года наместничества и которые встречали одобрение многих. И стал поэтому исподволь притеснять сына, отобрал у него все замки с приписанными к ним деревнями и городками, оставив Карлу лишь титул маркграфа, что, разумеется, не давало принцу никаких доходов.

Разрыв между отцом и сыном стал неизбежен.

Король Ян опять вмешивается в чужие дела

ТЕПЕРЬ у Карла не оставалось иного выхода, как покинуть Чехию. Куда же направиться ему? Ну конечно же, к младшему брату! Для этого пришлось сделать большой крюк через Венгрию и морем — в Италию. Ехать напрямик через Австрию Карл опасался — Габсбурги могли захватить его в плен. То же самое не преминул бы сделать в Баварии император Людовик.

Но прежде чем добраться до Тироля, Карлу довелось пережить неприятное приключение на море, которое он запомнил на всю жизнь и так же, как и другие чрезвычайные события своего бытия, отметил в своей собственноручно писанной биографии.

Вскоре после отплытия корабля, на котором Карл собирался добраться до Венеции из далмацкого города Сенье, он был окружен венецианскими кораблями, капитаны которых в мирное затишье добывали себе хлеб насущный и торговлей, и пиратством; причем есть все основания предполагать, что второе занятие приносило

им больше дохода, чем первое. Теперь они хотели захватить Карла, чтобы потребовать за него от короля Яна выкуп. Капитаны, правда, до конца своих планов не раскрывали, но обмануть Карла не смогли. Он приказал капитану своего корабля вступить в переговоры с венецианцами, которым, кстати, полагалось быть союзниками Карла в борьбе против ломбардских синьорий, и сообщить им, что он готов встретиться с ними в ближайшем порту. Пусть, мол, приготовят там

достойную встречу ему. И пока капитаны уточняли детали, Карл, сговорившись с рыбаком, ловившим неподалеку рыбу, спустился в его лодку и велел завалить себя мешками и сетями. Рыбачье суденышко незаметно проскользнуло между венецианскими кораблями к берегу. Переодетый бродягой, Карл пешком добрался до Аквилеи, резиденции тамошнего патриарха. С ним были Ян из Липы и рыцарь Бартоломей, который еще в Далмации пристал к отряду Карла.

В Аквилее королевич открылся городским советникам, которые тотчас сообщили обо всем патриарху; тот немедленно выехал навстречу и под величественный звон колоколов торжественно ввел Карла и его друзей в свой дворец. Венецианцы захватили в плен только отряд Карла, но спустя месяц отпустили его, а Карлу

послали богатые дары в знак своего дружеского расположения.

Из Венеции Карл отправился в Тироль как покровитель брата Яна Йиндржиха и друг Венецианской республики, поддерживающий ее в борьбе против веронского синьора Мастино делла Скала и его союзников, своих давних неприятелей, с которыми он уже имел дело четыре года назад.

В Тироле Карла радостно встретил брат и неприятливо его жена Маргарита Мордастая. Карл сразу понял, в чем дело: придворные не таясь говорили о том, что супругов никогда не связывала особая симпатия, а сейчас они откровенно ненавидят друг друга. Ян Йиндржих с удовольствием проводил время в обществе старшего брата, подражал ему и даже упрашивал взять с собой в поход либо на север — против Людовика Бранденбургского, державшего на границе Австрии и Бранденбурга несколько гарнизонов, либо на юг — в Италию, где Карл, находясь на службе у венецианцев, покорял вражеские города.

Ян Йиндржих гордился тем, что его обожаемый старший брат принял его воином в свой отряд. Он гордо восседал в седле, с восторгом прислушиваясь к цокоту копыт боевого коня, с наслаждением без надобности вытаскивал меч и размахивал им над головой, иногда стрелял в курицу или козу, чтобы убедиться в точности своего прицела. Карл берег брата, не позволял ему вступать в опасные схватки и вообще надолго удаляться от него. С легкой печалью вспоминал Карл о своем пребывании в Италии, когда ему было столько же лет, как сейчас младшему брату. Увы, никого тогда не было рядом с ним, кто бы окружил его малой толикой такой заботы. Иным было бы отношение Карла к отцу, чувствуя он тогда с его стороны внимание, поддержку и участие!

Тот, кто шесть лет назад встречался с несовершеннолетним мальчиком и видел сейчас этого могучего рыцаря, с головы до ног закованного в латы, со звонким мечом на боку, решительно отдающего приказы своим отрядам, скачущего всегда в первом ряду по крутым горным склонам на приступ вражеского города, не поверил бы своим глазам. Неужели это он? В смелости Карл походил на отца. Он врывался в города под развевающимися чешскими и тирольскими

знаменами, пировал в роскошных, отделанных золотом залах Дворца дождей в Венеции, ночевал на каменистом иссохшем склоне, накрывшись военным плащом и положив под голову булыжник,— человек на редкость выносливый, крепкий, бесстрашный и энергичный.

Неожиданные повороты в европейской политике ускорили возвращение Карла из Тироля. Осенью он оставил опечаленного брата наедине с нелюбимой женой и поспешил в Моравию, к Бланке, потому что получил от отца письмо.

В письме король Ян сообщал, что Карлу следует вернуться домой, так как Яна ожидают неотложные дела во Франции. Карл охотно откликнулся на призыв отца, передал отряд под начало Яна из Липы и поспешил с приближенными на родину, на этот раз напрямик через Австрию.

Возвратившись, он узнал все обстоятельства срочного отъезда отца. В начале лета французский король направил ему с надежным послом записку, и она настолько взбудоражила Яна, что он тотчас тайно, без свиты покинул Прагу. Он мчался сквозь ночь, укутавшись в плащ, в полных доспехах. И не скажешь, что путник этот — один из самых влиятельных европейских королей. Меняя одного коня за другим, король Ян на четвертый день добрался до Франкфурта, где в это время находился император Людовик Баварский. Три дня велись с глазу на глаз переговоры двух монархов, и никто не знал содержания их бесед, но расстались они холодно и отчужденно — очевидно, согласия не достигли. Зато в Париже короля Яна торжественно встретил король Филипп — шурин Карла, сводный брат Бланки. Филипп повторил содержащуюся в записке просьбу о помощи в начавшейся войне с Англией.

За значительную сумму король Ян взялся помочь королю Филиппу, получил деньги и тут же их спустил. Людовик Баварский, наоборот, принял сторону английского короля, причем обещал направить ему отряд конников более многочисленный, чем тот, который выставит король Ян. Правда, в отличие от Яна, Людовик свои посулы никогда не считал обязательными и легко от них отступал.

И снова Карл оказался без отцовской опеки. А правление? Полномочия наместника король Ян передал не сыну, как четыре года назад, а Пертольду из Липы, принадлежавшему к влиятельному чешскому роду Роновцев. Карлу не оставалось ничего иного, как пребывать в Моравии, в своей резиденции в Брно, куда еще раньше перебралась Бланка с двухлетней дочерью Маргаритой.

Каждый раз, возвращаясь к супруге, Карл испытывал радостное чувство, будто видит ее впервые. В душе звучал голосок четырнадцатилетней Бланки: «Как же все-таки вас зовут? Как вас окрестили? Да и христиане ли они, если дают детям такие имена?»

Страна переживала смутное время. Ходили слухи, что некий рыцарь из Потштейна напал на купеческий обоз, возницам приказал выколоть глаза и отрезать языки, чтобы они не могли свидетельствовать против него в суде, все товары забрал, набил мошну серебром, повозки сжег, а лошадей увел с собой. Другой разбойник подстерегал у Кутной Горы телеги, груженные только что отчеканенными грошами, и захватывал их, сказочно богатея. Еще рассказывали, что купцы наняли наемников и напали на крепость в окрестностях Праги. Завязалось настоящее сражение, были убитые и раненые; взаимные нарекания, оскорбления и угрозы не знали предела. Паны из Рожемберка и Ландштейна из рода Витковцев отобрали у мелкопоместных дворян деревню, сожгли дома ее защитников, а их семьи, словно диких животных, выгнали в леса. Того же, кто пытался на них жаловаться, убивали, так что и жалоб вроде никаких не было; но даже если бы жалобщики и добрались до суда, все равно они проиграли бы дело, потому что суд вершил один из Витковцев.

Дворовые епископа устроили на Лабе плотины, чтобы промышлять рыбу для своего господина и подвести воду к мельнице, тоже принадлежащей епископу. Тогда деревенские жители срыли плотины, чтобы рыбе был ход в заводи, старицы, пруды, где они всегда ее ловили. Епископ в наказание приказал засыпать места лова — это привело к новым спорам и жалобам, дракам и убийствам, поскольку за деревенских обычно вступался их господин, разумеется блюдя собственные

интересы, ведь деревенские должны отдавать ему треть улова. Распри не прекращались, не слабели, наоборот, разрастались день ото дня.

Что не успели уничтожить разбойники, алчные горожане и рыцари, то довершили град, засуха, вредные насекомые или наводнения.

Карл объезжал страну в сопровождении небольшой свиты, требуя строгого соблюдения сроков выплаты пошлин, налогов и десятин. В деревнях его встречали хмурые взгляды крестьян, плач детей, древние старухи делали какие-то таинственные знаки, словно прогоняли костлявыми руками злого духа.

«Господин всегда враг своих вассалов,— сознавал Карл.— Даже тот, кто желает им пользы и хочет порядка и мира в стране. Мои же собственные наемники кормят лошадей краденым сеном, требуют даром еды и питья, а завидев что-нибудь ценное, грабят, и я — их повелитель — не в силах им помешать. А какой же я повелитель своих подданных? — мучительно допрашивал свою совесть Карл, размышляя, как защитить их от прозябания, нищеты и притеснений.— Их благоденствие — мои богатство и сила. Почему этого не хочет понять отец? А если понимает, почему бездействует?»

Карл старался умерить пыл наиболее наглых панов, но справиться со всеми беззакониями не успевал, да и не мог: не хватало войска, потому что не было денег на жалованье наемникам. Пожелай он иметь на эти цели больше денег, их придется добывать все у тех же подданных, а ведь он хочет их защищать. Тогда Карл обращался за ссудой к купцам и богачам, но те требовали взамен новых привилегий, означавших новые поборы. Заколдованный круг, который, казалось, нельзя разорвать. Впрочем, несколько замков особенно бесчинствовавших рыцарей Карл после возвращения из Тироля все-таки захватил и безжалостно сровнял с землей — вместе с хозяином, его семьей и челядью.

А король Ян опять бог знает где. Во Франции, в Люксембурге, в Авиньоне у папы, которого хочет склонить к своей цели, и цель эта ясна как божий день — свергнуть императора Людовика Баварского и отомстить ему за захват Каринтии. Иногда он навещает Тироль, чтобы подбодрить Яна Индржиха. Завернул король Ян и в Северную Италию, попугав своим

присутствием синьории, которым не может простить того, что шесть лет назад они изгнали его оттуда. И без конца устраивает рыцарские турниры, пиры, торжества, постоянно с кем-нибудь воюет. Недавно он участвовал в походе французов против англичан, которые, уклоняясь от сражения, переправились через пролив Ла-Манш и вернулись восвояси.

До Карла изредка доходят вести об отце, письма короля чаще адресованы пану Перхтольду, собирающему для него налоги и добывающему деньги, не слишком заботясь о выкупе заложённых королевских имений. Ему лишь бы не прогневать короля и удержаться на высоком посту.

Все горше становится Карлу сознание своей беспомощности, все тяжелее у него на душе. Он спешит домой в Брно, к Бланке и маленькой Маргарите, ему не до пиров, не до турниров, да и денег нет на такие развлечения. Только в кругу семьи Карл чувствует облегчение.

Иногда он заезжает в Прагу, навещает епископа в надежде получить добрый совет. И действительно, получает. Советы девяностолетнего старца, спокойного, строгого, деятельного и непокорного, всегда пронизаны отвращением к богатым немецким переселенцам.

— Очень уж они желают на нашей земле нами же и повелевать! У них, оказывается, есть на это право! Никто им такого права не давал! Говорят только по-немецки, это, видите ли, лучший в мире язык, хотя каждый чех знает, что он подобен карканью. Недавно я купил для епископства несколько деревень севернее Дечина, но, только узнал, что там живет много немцев-переселенцев, поменял их на южные земли. Помни, милый сын мой, их благо есть наше несчастье, и, если ты выгонишь их из королевства, ты сделаешь страну счастливой.

Карл внимательно слушал, не возражал, признавал правоту епископа, но, конечно, не во всем. Он хорошо знал немецкие земли и не мог не видеть, что и там есть бедный и страдающий люд, угнетаемый дворянами, рыцарями, церковниками и богатыми горожанами. В свое время чешские короли сдавали приезжающим немцам землю в аренду, желая пополнить тем самым казну.

«Выгнать я теперь их не могу,— рассуждал

Карл. — И налоги, и десятины, которые я от них получаю, пополняют состояние чешского короля. Мирного добрососедства чехов и немцев можно бы добиться, хотя, конечно, отцовское правление этому не способствует. Если же когда-нибудь эти переселенцы станут вредителями королевства, бог сам покарает их, коли сочтет нужным. Что бы мне посоветовал сейчас дядюшка Балдуин?»

Уж конечно, не то, что вырвалось у епископа Яна при прощании с Карлом:

— Сделай так, чтобы твой отец не приезжал сюда. Все равно он предпочитает Люксембург, развлечения, кутежи, пьянство и странствования. Пошли ему денег, и пусть пообещает остаться там, где находится. Быть может, это его удовлетворит, и тебя тоже. Но самая большая польза от этого будет стране: Чехия нуждается в мудром правлении и твердой руке правителя, кровно с ней связанного, милый сын мой!

Карл хорошо понимал, что еще не настал час воспользоваться советом епископа. Но король Ян, казалось, делал все, чтобы этот час быстро приблизился.

В дни пребывания в Авиньоне он убедился в том, что новый папа был бы рад прекращению его споров с императором Людовиком Баварским. Следовательно, надеяться на поддержку Святого отца не приходится. Французский король, союзник Яна, тоже не мог дать ему ни одного воина, ни одного ливра — у него на носу затаянная, изнурительная война с англичанами. Положиться на союз с венгерским и польским королями Ян не мог, еще меньше — на союз с Габсбургами, которые, появившись только малейшая возможность, тотчас нападут на Чехию.

Но самое страшное — после потери одного глаза стал слабеть и второй, и это повергало Яна в такое уныние, что он готов был заключить мир с императором Людовиком любой ценой. Однако в качестве условия для перемирия Людовик требовал, чтобы Ян признал Чешское королевство имперским леном. Тогда после смерти короля нового правителя назначал бы император, а не чешский сейм, хотя до сих пор римский король или император не имел права вмешиваться в выборы чешского правителя.

Ян решил такое предложение принять. Император уверял его, что все уладит с Карлом, который, мол, охотно согласится с таким решением. Принял король Ян и второе условие Людовика Баварского — вместе с Чехией признать самостоятельным имперским леном Моравию. Казалось, вот-вот осуществится то, чего не удалось достичь полтора века назад императору Фридриху Барбароссе, — разделение чешских земель на две части и постепенное их поглощение и уничтожение.

Ян свершил обряд принятия двух ленов — Чехии и Моравии, а также Люксембурга и Тироля. Эти два небольших графства он принял для младших сыновей — Яна Индржиха и Вацлава. Карл для него словно не существовал. И это стало той искрой, которая в душе королевича разожгла факел гнева.

«Теперь или никогда! Или я пресеку поползновения Людовика, даже ценой разрыва с отцом, или смирюсь, сдамся, и тогда конец всем моим планам, конец Чешскому королевству, конец заветам пржемысловских предков!»

Нет, это не соответствовало его боевому характеру. Не успел король Ян оглянуться, как в Мильтенберг, где происходили переговоры, прискакал Карл с вооруженным отрядом.

— Отец, соглашение с Людовиком — мошенничество. Он вас бессовестно обманул! Устранив меня, он пренебрег моими интересами. Я отвергаю ваши соглашения, ваш договор для меня — пустой звук, — так начал свои обвинения Карл, едва передав поводья шталмейстеру.

Окружение Карла мрачно молчало.

— Ни я, ни эти паны, — кивнул Карл на своих спутников, — не присоединим к договору свои печати, и он останется лишь куском пергамента, не имеющим никакой силы.

Король Ян был потрясен. Впервые в жизни сын позволил себе повысить на него голос, к тому же в присутствии стольких людей. И по поводу такого важного дела, как международное соглашение!

Карл тоже вдруг осознал происходящее, тут же успокоился, замолчал, хотя и не думал отступать ни на йоту от своих требований. Он видел отца растерянным, подавленным, загнанным в тупик. Ослабло его зрение, и он упал духом? Или понял наконец, что поступил

несправедливо по отношению к первородному сыну? Или сообразил, что Карл разгадал хитрый отцовский ход — передать королевскую власть в Чехии младшему сыну, Вацлаву, двухлетнему герцогу люксембургскому? Как бы то ни было, Карл понял: вот она, победа! И, слава богу, не потребовалось ни бунта, ни изгнания короля Яна из Чехии, ни междоусобицы, ни схватки.

Да, чаша весов склонилась в пользу королевича. И отец и сын понимали это.

Карл начинает действовать как истинный правитель

КАРЛ чувствовал себя отлично. Он почти сравнялся властью с отцом, к тому же пользовался гораздо большей поддержкой среди дворянства и в городах, которые тяжело страдали из-за непрекращающегося оттока денег за границу, всевозможных налогов, податей, поборов, беспрестанно вымогаемых королем Яном. Исход борьбы между отцом и сыном был предрешен...

В это время случилось событие, которое натолкнуло Карла на мысль, самую значительную из тех, кои обуревали его: как укрепить независимость и авторитет Чешского королевства.

В споре вроцлавских горожан с тамошним епископом король Ян встал на сторону горожан. И не удивительно: из них он мог выжимать налоги, из епископа — нет. Ян изгнал епископа из города и отобрал у него замок. Епископ предал короля анафеме, что мало смутило Яна — он принародно высмеял эти проклятия.

Но одна деталь в этой перебранке уколола Карла в самое сердце. Ни ругательства, ни упреки и проклятия не могли его возмутить так, как фраза, брошенная епископом в лицо королю Яну: «Вы не король, вы королик!»

Прозрачный намек на то обстоятельство, что Чешское королевство не имеет собственного архиепископства, а потому чешские короли принимают корону из рук мангеймского архиепископа, которому подчинены

чешские епископаты — пражский и оломоуцкий. Этот попрек разозлил Карла, тем более что он знал, кто основал гнезненское архиепископство для поляков и эстергомское для венгров. Это сделал чешский епископ Войтех три с половиной столетия назад. Увы, тот же Войтех всеми правдами и неправдами противился учреждению архиепископства в Праге. Он люто ненавидел Пржемысловичей, уничтоживших род Славниковцев, к которому принадлежал епископ.

Карл твердо решил как можно скорее устранить вопиющую несправедливость и добиться того, чтобы в церковном устройстве Чешское королевство сравнялось со своими соседями, а немецкие архиепископы не смели вмешиваться в чешские дела.

Во Вроцлаве отец с сыном распрощались. Король Ян направился во Францию, где война с англичанами вяло протекала в мелких стычках и внезапных набегах, а Карл вернулся на родину, на этот раз — с разрешения отца — в Прагу, куда перевел наконец свой двор из Брно вместе с Бланкой и маленькой Маргаритой.

Карл опять в чешской столице, как шесть лет назад... Опять наместником отца, правителем, потомком чешских королей, главой страны, снова беспокойной, растерзанной, недовольной, задыхающейся в сетях неумеренных налогов и податей. Опять, как и шесть лет назад, нет у него королевских имений, городов и замков — все заложено отцом. Но сейчас Карл несравненно решительнее, опытнее и целеустремленнее — его с восторгом встретили сторонники, и особенно епископ Ян. Снова, как и шесть лет назад, его единомышленники стали ему верной опорой, прежде всего моральной. И сейчас Карл первым делом направился на охраняемое крепостными башнями епископское подворье на берегу Влтавы. И сейчас, как и прежде, проводил долгие часы в епископской библиотеке с расписанными стенами, с деревянным потолком, узким окошком в цветных стеклах. Внимательно вчитывался Карл в тщательно выведенные строчки огромных кодексов, украшенных кожаными переплетами и серебряными коваными застежками, с трепетом листал страницы чешских хроник, писанных то латынью, то на родном языке, вникая в их глубокий смысл, отыскивая

в них разгадку своего монаршего предназначения. «Те, кто следуют заветам старинных сказаний, поступают мудро и правильно. Те же, кто ими пренебрегают, вредят своему народу».

Он читал стих за стихом на чешском языке, которым теперь владел в совершенстве, вдумывался, размышлял, взвешивал каждое слово. Хроники служат не только для занимательного чтения, не для праздного любопытства к стародавним историям, происшествиям, приключениям и сражениям. Это прежде всего наказ предков будущим поколениям — укреплять страну, хранить в памяти ее славную историю, отстаивать исконные права родного народа, бороться против бесправия, защищать старые обычаи от скоротечных нововведений. Более всего Карла поразило сообщение хрониста о том, насколько корона чешская древнее венгерской и польской. Ведь сначала она сияла на головах моравских властителей, а после разгрома Моравии вторгшимися венграми была перенесена в Прагу: «Здесь я вынужден немного в моравскую хронику заглянуть, чтобы достойно своими словами изложить, как случилось, что корона Моравию покинула, и рассказать, как земля эта к Чехии примкнула».

Вот где блестящий ответ на оскорбительные выпады вrocławского епископа! Но знает ли он об этом, если не читал эти хроники? Столь же сильна сокрытая правда, как правда явная, открытая?

Карл знал: правду нужно сделать гласной, чтобы она взяла верх над ложью. Древность чешской короны и акт ее перенесения из Моравии в Прагу необходимо отметить королевским указом, всенародно защитить чешские стародавности и обеспечить их авторитет на будущее. «И я сделаю это,— твердо решил Карл, листая страницу за страницей, откладывая один фолиант и тотчас принимаясь за другой, усердно выстраивая захлестывающие его, как половодье, мысли в стройный ряд, словно закованных в доспехи всадников перед сражением.— Да, мысли, идеи — это тоже войско, их нужно выстроить, найти для них бранное поле и использовать их со всей силой, на какую я способен. Только так я смогу победить!»

Что говорит хроника Далимила о моравском короле? *Король призвал правителя чешского и в присутствии императора передал ему свое королевство...*

Так свидетельствует хроника, и так было в действительности.

Не императоры пожаловали чешским правителям в Праге титул короля, они сами его унаследовали от моравских королей в результате брака дочери Борживоя со Святоплуком, и неважно, что их преемники впоследствии забыли об этом обстоятельстве. Но когда была в том необходимость и когда их родина и чешский народ чувствовали угрозу от высокомерных претензий императоров немецкого рода, они всегда находили в себе силу гордо воспротивиться произволу.

Император Лотар заявил более двух столетий назад чешскому правителю Собеславу:

Чешская земля, как нам известно от наших предшественников, с самого начала находилась под властью римского императора, в ней никогда не допускались выборы или возведение какого-нибудь князя, без того чтобы император милостью своего авторитета дал к тому повод, всю необходимую процедуру осуществлял и утверждал. Совершенно очевидно поэтому, что тот, кто осмелился бы сопротивляться такому установлению, бросил бы нам вызов.

С чувством гордости Карл читал смелый ответ своего далекого предшественника Собеслава:

Да будет известно милостивому императору, что избрание чешского князя, как мы узнали от наших предков, никогда не зависело от решения императора, а единственно от волеизъявления вождей чешской земли... Безосновательно пытаешься ты связать нас путями нового предписания. Знай же, мы никогда с ним не согласимся и предпочтем за справедливость погибнуть, нежели подчиниться несправедливому решению. Если же ты будешь настаивать на своем, то пусть, ради памяти будущих поколений, спор между нами чудодейственно решит суд всемогущего бога...

С восторгом Карл обнаружил в хронике описание славной битвы суровой зимой 1126 года, когда немцы вторглись в Чехию через Рудные горы и были столь основательно потрепаны чешскими войсками, что сам император угодил в позорный плен и вынужден был, в обмен за освобождение, публично признать независимость Чехии.

«Это право на независимость я скреплю на века,— давал себе зарок Карл.— Наперекор всем!»

Посещения епископской библиотеки и беседы с епископом Яном, бодрым девяностолетним старцем, укрепляли в нем решимость увенчать усилия пржемысловских предков, направленные на укрепление независимости страны и народа, актом, действие которого распространялось бы далеко в будущее.

В его памяти снова ожили почти уже забытые слова архиепископа Балдуина, произнесенные им когда-то вскользь, как вздох сожаления о неисполнимом. Сейчас они вдруг зазвучали очень ярко, как бы требуя достойного продолжения. Что иное могли означать те слова, как не лелеемые Балдуином мечты, которые могли бы со временем осуществиться: «Тогда ни Габсбургу, ни проклятому Виттельсбаху, сыну Людовика, не быть новым римским королем после смерти этого лжеимператора Людовика...»

«Это будет Люксембург?» — заблестели глаза у Карла.

Архиепископ ничего не ответил — либо не желал, либо не мог.

А теперь? Уклонился бы он от ответа теперь?

Карл не находил себе места. Казалось, только теперь он понял, что заставляет отца без устали разъезжать по соседним странам, днем и ночью куда-то спешить, вступать в сражения и турниры, в схватки за честь и славу. Карл велел оседлать коня, отдал приказ оруженосцам следовать за ним, передал управление страной пану Петру из Рожемберка и помчался к границе, а потом в Люксембург, куда в только что построенный роскошный замок Дюрбюи временами наезжает его отец Ян к своей второй супруге Беатрикс и младшему сыну Вацлаву.

На этот раз Карл застал короля Яна в родном Люксембурге. Но недолго король был дома. Едва появился старший сын и наследник трона, он, полуслепой, тут же вскочил на коня, поднял отряд, составленный из французов, немцев и люксембуржцев, и вместе с Карлом помчался во Францию — на помощь французскому королю, отражавшему очередной набег англичан.

Как только английское нападение было отбито, король Ян поспешил в Монпелье, к тамошнему знаме-

нитому врачу, в надежде вылечить второй глаз, которым худо-бедно еще продолжал видеть.

Карл между тем отослал своих воинов в город Монтобан готовиться к походу вместе с испанским королем против гранадских мавров. Его неотступно манили неизведанные дали, гул битв, звон мечей и ржанье коней, в нем снова заговорила жаркая рыцарская кровь, охватила страсть к беззаботным странствиям — вперед, вперед, куда глаза глядят...

По дороге он заехал в Монпелье попрощаться с отцом, и это решило дальнейшую судьбу Карла. Лечение Яна было безуспешным, он перестал видеть и вторым глазом. Король ослеп...

«Я не могу его теперь покинуть, — сказал себе Карл. — Такова воля провидения».

Король Ян тщательно скрывал свою слепоту, но окружающие прекрасно знали истинное положение дел. Во время рыцарского турнира он покрикивал то на одного, то на другого рыцаря, громко провозглашал здравицы в честь победителя и славил его родовой герб, предварительно расспросив у кого-нибудь, разумеется незаметно, о том и о другом. Над этими наивными уловками посмеивались даже королевские слуги.

В Монпелье король Ян и Карл пробыли недолго и вскоре отправились в Авиньон к папе, собираясь уговорить его отменить десятину за Силезию, поскольку Силезия ныне вошла в состав Чехии, а с Чешского королевства десятина никогда не взималась. Святой отец, однако, стоял на своем, и даже изворотливый король оказался беспомощен перед неумемной жадностью папы.

Впрочем, в этом визите самым важным оказался вовсе не спор о силезской десятине. Как нередко бывает, второстепенное событие затмило главное, а случайная встреча имела большее значение, нежели тщательно подготовленный договор.

В резиденции папы Карла приветствовал не кто иной, как бывший феканский аббат Пьер де Розьер. Его незабвенная речь на Пепельную среду в Сент-Шапель, где воспитывался тринадцатилетний чешский принц, и сейчас звучала в сердце Карла. Да, да, Пьер де Розьер теперь в Авиньоне, он давно уже не аббат, а член папской курии!

Пьер де Розьер не забыл молодого принца, сразу же узнал его в рослом, статном, закаленном во многих сражениях и искушенном в дипломатических хитростях маркграфе. Сердечно и радостно приветствовали они друг друга, уединившись в углу приемной, беседовали о, казалось бы, несущественных мелочах, но при этом внимательно изучали друг друга и прикидывали, какую роль будет играть собеседник через три, пять, десять лет.

Карл получил любезное приглашение посетить гос-

подина Пьера де Розьера в его собственном доме. Он понимал, что это не просто проявление симпатии; кардиналы и короли не приглашают даже самых лучших друзей только из дружеских чувств. Это будет экзамен, проверка сил, быть может, тайная договоренность. Карл принял приглашение.

Спустя несколько часов они прощались. Внешне беседа была ничем не примечательна, вспоминались какие-то не слишком значительные события прошедших десяти лет. Лишь в конце разговора Пьер де Розьер обронил слова, которые могли показаться невинной шуткой, но именно в них был весь смысл его встречи с Карлом:

— Придет время, и ты станешь королем римским.

Пытаясь не выдать своей давней мечты, зароненной еще дядюшкой Балдуином, и вместе с тем не оставить господина Пьера де Розьера без ответа, который бы

намекал на правильность его догадки и одновременно словно бы отрицал ее, Карл с улыбкой поклонился:

— А вы еще раньше станете папой!

Карл встает вровень с отцом

ПЕРЕМИРИЕ отца с сыном вовсе не означало примирения. Король Ян по-прежнему собирал налоги и подати, налагал штрафы и брал ссуды, легкомысленно закладывая последние королевские замки и города, раздавал привилегии, дававшие право на часть кутногорской чеканки и снижение налогов, не упускал ни единой возможности ухватить денег то там, то здесь. Карл был бессилен что-либо сделать, и гнев на отца снова и снова охватывал его.

Из Франции Карл отправился в Тироль к младшему брату. Ян Индржих встретил его как обычно: устроил пиршество с пылающим камином, с песнями бродячих певцов, с выступлениями шутов, канатоходцев, глотателей шпага и огня — их всегда предостаточно приходило из близкой Италии. А потом вдруг приказал приготовить оружие и седлать коней, чтобы проводить старшего брата с подобающей пышностью.

Карл посетил польского короля Казимира и в подтверждение своей дружбы несколько дней кутил с ним, участвовал в соколиной охоте и гоне на кабанов. Отведав польского гостеприимства, они отправились в Венгрию к Карлу Роберту и его сыну Людовику, с которым Карл обручил свою трехлетнюю дочь Маргариту.

В Венгрии принца нагнал гонец, скакавший по следам братьев от самого Тироля с вестью, которую Карл давно предчувствовал, но которая казалась немислимой. Против Яна Индржиха возник заговор, и возглавила его Маргарита Мордастая. Сын лжеимператора Людовика Баварского, сказал гонец, хочет добиться развода Маргариты и Яна Индржиха, с тем чтобы потом жениться на ней и таким образом завладеть Тиролем.

Карл не мог поспешить в Тироль в тот же день: еще

не завершились переговоры с венгерским королем. Поэтому туда не мешкая помчался Ян Индржих. Добравшись до тирольского замка, он убедился в достоверности полученной вести: Маргарита в самом деле вступила в сговор с несколькими дворянами, и не вернись он так быстро, не досчитаться ему замков.

Вскоре пришло подкрепление от старшего брата. А вот от отца помощи не было, и причина крылась не столько в слепоте короля Яна, сколько в его полном безразличии к случившемуся. С тех пор как Ян Индржих поддержал Карла в споре с отцом, король Ян перестал интересоваться делами Индржиха.

Зато Карл считал их своими. Сколько раз мчался он по этому гористому, суровому, безлюдному краю во главе рыцарей, оруженосцев и наемных солдат! Сколько раз за последние годы направлялся в Тироль либо по собственной воле, либо спасаясь от отцовского гнева! И снова с рассвета до тьмы он в седле, с мечом в руке, на голове шлем, забрало опущено, когда он во главе гудящего атакующего строя несется на вражеские ряды или на крепостные стены осаждаемого замка.

Чтобы узнать об истинных замыслах Маргариты Мордастой, Карл хитростью пленил одного из заговорщиков, приказал вздернуть его на дыбу, пытать каленым железом и «испанскими сапогами», пока тот не выдал мельчайшие подробности предательского плана.

Все оказалось правдой. Тогда Карл ворвался в тирольский замок и осыпал злыми, гневными упреками бесчестную Маргариту. Дотла разорив поместье главного предводителя заговорщиков, Карл разместил в герцогском замке стражу, приказав ей охранять Яна Индржиха и не спускать глаз с его супруги.

На этот раз он провел за пределами Чехии почти целый год. Перед Европой предстал не робкий пятнадцатилетний юноша, не кондотьер, зависящий от денежных взносов городов и синьорий, его нанявших. Тироль, Баварию и Северную Италию, столь хорошо ему знакомую, объезжал со своим отрядом и наемными солдатами соправитель Чехии, которому нет нужды добывать деньги службой другим. Необходимые средства ему посылала из дома Бланка, она взыскивала их с горожан и монастырей, настойчиво напоминая им об

их обязательствах по отношению к маркграфу и наместнику короля.

Казалось, Карл пойдет по стопам отца. То он сражался против венецианцев, своих бывших союзников, отбив у них крепость Мел, то захватил замок Пенедо над Гардским озером, выгнав оттуда миланского герцога, то добывал город Бельвицино, принадлежавший синьору Мастина делла Скала. Потом, вняв мольбам аквилейского патриарха, теснимого австрийцами, с большими трудностями перевалил через горный хребет Сервале и захватил неприятеля врасплох, да так, что тот позорно бежал.

Но ратные успехи, беспокойная и полная приключений жизнь не могли принести удовлетворения Карлу. Осаждая замок, чтобы предать его во владение аквилейскому патриарху, он невольно вспоминал о замках в своей стране, утраченных из-за легкомыслия отца. Своевольные и высокомерные синьоры так сходствовали с кичливыми панами, не желающими никому подчиняться, готовыми грабить всех без разбору. Год назад ему пришлось силой захватить замок Потштейн, владелец которого пан Микулаш пренебрег всеми законами и люто бесчинствовал в своих владениях. В конце концов он погиб под развалинами донжона, главной замковой башни, в которой укрылся, когда крепостные стены были взяты приступом и дворец сожжен. «Там мое место,— обращал Карл лицо на север,— там, за высокими горами, в стране, которая одна лишь среди всех владений есть верная опора моя и моего рода».

Временами приходили случайные вести об отце. Он жил теперь в Люксембурге с Беатрикс и маленьким Вацлавом, поблизости от дядюшки Балдуина, который наверняка что-то задумал, если пытается примирить короля Яна с Карлом, используя для этого даже свои связи с папской курией в Авиньоне.

Карл не находил себе места ни в Тироле, ни в Италии. Да и король Ян, пишут, отправился в Прагу, ожидаемый горожанами и купцами с растерянностью и опасениями, во что им этот приезд обойдется, церковниками — с мрачными предчувствиями, сколько деревень у них будет отобрано, панами — с надеждами, сколько привилегий они вытянут из короля, сколько выпросят замков, поместий, городов и земель.

Но как отнесется к этому его сын? Сомнений на этот

счет у них не было. Еще свежо в их памяти двухлетнее правление Карла в качестве наместника. Нетрудно предположить, что теперь, обладая бóльшим влиянием, он, конечно, будет еще тверже в своих начинаниях. Правда, не надо забывать о короле Яне, он не так уж стар, хотя из-за слепоты ни для кого не может представлять опасности. Но ставить сыну палки в колеса, как это частенько бывало раньше, он, пожалуй, сможет. Да и слепота вынуждает его прибегать к услугам всяких советчиков и наушников.

Весной 1341 года и король Ян и маркграф Карл вернулись наконец-то домой. Знаменательное возвращение! Взошли семена, посеянные Карлом два года назад в Мильтенберге, когда он решительно отверг договор короля Яна с императором Людовиком. Теперь с правителем приезжал соправитель, уверенный в себе более чем когда бы то ни было. В Пражском граде пребывала Бланка, а не Беатрикс, земли поделены между чешскими панями, а не чужеземцами, на голову Карла диадему возложит пражский епископ, а не мангеймский патриарх. Все предвещало большие перемены.

Собрался сейм, каких правление короля Яна еще не знало. В залах Пражского града можно было видеть предводителей Витковцев из рода Рожемберков, с гербом, изображающим розу с пятью лепестками, Ландштейнов, Градецких и других; соскакивали с коней на внутреннем дворе Града старшие и младшие члены рода Роновцев, семейные гербы которых отличались друг от друга лишь количеством суков на черной рогатине в золотом поле, самые влиятельные среди них — паны из Липы и Дубы; приехали Марквартицы, древний род со львом в гербе, и Бенешовцы, издавна известные своей эмблемой — завиток стрелы, называемой «вырви ус». Среди них когда-то выделялись паны из Бехине, теперь их опередили по влиянию Краваржовы, живущие в Моравии. Оттуда же прибыли и Пернштейны с гербом, изображающим голову зубра, и их соседи из Босковиц, у которых красное гербовое поле украшено серебряным гребнем. У многих приехавших сияла на щитах и плащах кабанья голова. Это могучие Бузовцы, вождь которых, Вилем Заяц из

Вальдека, погиб двадцать лет назад и отмечен в хрониках как верный сторонник королевы Элишки Пржемысловны в ее споре с королем Яном. Всех не перечислить! Конюшни были переполнены лошадьми, для которых приходилось ежедневно запасать сто возов сена, внутренний двор Града кишел конюхами, оруженосцами, писарями, слугами и торговцами. Давно уже Прага не видала такого нашествия!

Сейм был единодушен: первородный сын Яна Вацлав, именуемый от конфирмации Карлом, моравский маркграф, провозглашается преемником отца. В знак этого Карл будет коронован золотой королевской диадемой, которая возлагалась в таких случаях на его предков Пржемысловичей...

Торжественным гимном прозвучала для Карла древняя формула, выражающая согласие сейма. Троекратно грянувший мощный возглас «Приемлем! Приемлем! Приемлем!» вызвал в нем наплыв такой радости, что захолонуло сердце. Только чешский язык должен звучать под этими сводами! Но будет ли отец с уважением относиться к новому титулу сына? Или снова, нарушив согласие, станет вымогать подати, собирать налоги и пошлину, чтобы тратить их на свои путешествия, на разгульную жизнь в Люксембурге, на выплату бесконечных долгов?

Приближался день коронации.

Над древней короной Пржемысловичей, хранящейся в королевской сокровищнице за многими запорами, Карл проводил долгие часы. Она казалась ему простоватой, хотя была сделана с большим вкусом и из чистого золота. Ей не хватало того пышного великолепия, которое, несомненно, должно отличать драгоценнейшую регалию Чешского королевства. На предстоящей коронации Карлу хотелось бы надеть новую и более роскошную диадему. Пусть поразит она гостей из соседних королевств, герцогств, графств, епископств и аббатств и прочих земель Священной Римской империи. Каждый раз, пряча в сокровищницу стародавнюю корону своих предков и наблюдая за ритуалом запираania замков, Карл возвращался к великой мечте: добиться того, чтобы римскую корону могли получать только те, кто уже будут владельцем чешской короны. Пока это была лишь сокровенная, тайная мечта. Но кто знает... Разве дядюшка Балдуин не вкладывал глибо-

кий смысл во фразе о римском троне в бытность Карла в Люксембурге? Да, теперь этот смысл постиг и Карл. А больше никто, даже отец.

Неожиданные обстоятельства вынудили, однако, отложить коронацию на неопределенное время. В разгар осени пришла дурная весть из Тироля. И была она как гром среди ясного неба. В день поминовения усопших младший брат Карла Ян Йиндржих отправился на охоту, а когда вернулся, разводной мост у замка был поднят, ворота закрыты, чешские воины изгнаны за пределы крепости, а в окошке нижнего этажа дворца торчало насмешливое лицо Маргариты Мордастой. На крепостных стенах — лучники, у ворот — арбалетчики, на валу — бургграф, заявивший Яну Йиндржиху, что тот более не герцог Тироля и надлежит ему вернуться туда, откуда он явился: госпожа герцогиня решила взять себе другого супруга — императорского сына.

Яну Йиндржиху не оставалось ничего иного, как отправиться в соседний замок, но и оттуда его выгнали, потом из второго, третьего, пока после нескольких дней безуспешных поисков пристанища и ночевок в ноябрьской сырости, под открытым небом у него не осталось другого выхода, как явиться к аквилейскому патриарху. Тот сердечно его принял и тотчас же послал сообщение о случившемся в Прагу, а в Авиньон — жалобу папе.

Слыханное ли дело таким способом расторгать брак, заключенный перед алтарем и скрепленный монаршим договором!

*Папа
и королевич Карл
заклучают важное соглашение*

ТЕРПЕНИЕ Карла иссякало.

— Отец, — обратился он к королю Яну, — я знаю, сколь тяжким бременем является для тебя управление страной, и вижу, твои думы совсем в другом месте.

— Где же им быть, как не в собственном королевстве? — насторожился король Ян.

— В родном Люксембурге, отец. Рядом с твоей супругой и младшим сыном. Возвращайся туда со спокойным сердцем.

— Но Чехия в опасности,— возражал король Ян.— Разве я могу оставить тебя одного? А Людовик Баварский? Его союзники в любой момент готовы налететь, словно вороны.

— Ты же оставил когда-то меня одного в Италии. А здесь я не одинок. Если уж вспыхнет война, ты успеешь добраться сюда вовремя, чтобы возглавить военные действия. Но там, рядом с дядюшкой, ты будешь гораздо полезнее Чешскому королевству.— И, видя, что отец колеблется, хмурит лицо и ищет новые возражения, Карл решился на решающий, давно уже им обдуманый, аргумент: — Отец, я буду посылать тебе ежегодно пять тысяч серебряных гривен, если ты дашь слово не возвращаться в Чехию хотя бы в течение двух лет. Большой суммы тебе все равно не собрать. Соглашайся и уезжай!

Жестокий удар, но у Карла не было иного выбора. Ян долго не отвечал. Когда же ответил, словно камень свалился с души его сына и соправителя, дождавшегося наконец-то желанного часа.

Вскоре отец и сын распрощались, внешне сердечно, внутренне — друг другом недовольные. У Карла, впрочем, для этого было куда больше оснований.

Оставшись один, Карл тщательно прикинул все выгоды и недостатки своего положения. Для борьбы с Людовиком Баварским у него нет сил. Он должен был принять Яна Индржиха, который прибыл из Аквилеи в Прагу, расстроенный потерей Тироля и одновременно счастливый, что избавился от неуживчивой и свирепой супруги. В это же время пришла весть о замужестве Маргариты Мордастой. Не прошло и трех месяцев после изгнания Яна Индржиха, как она, вопреки всем церковным законам и нравственным устоям, вышла замуж за Людовика Бранденбургского, сына императора. Вскоре новый пражский епископ Арношт из Пардубиц получил послание от папской курии, что папа вторично предает проклятию лжеимператора Людовика Баварского за его очередной бесстыдный поступок — содействие мошенническому браку своего сына с Маргаритой Мордастой.

А чуть позже, едва весеннее небо заголубело над

холмами и горами вокруг Праги, из Авиньона пришло сообщение о смерти папы Бенедикта XII и об избрании нового — Климента VI.

Кто же был избран на престол Петра святым конклавом? Бывший феканский аббат Пьер де Розьер, проповеди которого на Пепельную среду до сих пор звучали в глубинах Карловой души, хотя это было бесконечно давно... Тот кардинал, у которого он останавливался вместе с отцом два года назад и который в доверительной беседе с Карлом сказал: «Придет время, и ты станешь королем римским». И которому Карл учтиво ответил: «А вы еще раньше станете папой».

Второе предсказание сбылось. А первое? Впрочем, предсказание ли это? Известно, что многим событиям задолго до того, как они предстанут перед миром в реальном подобии, на первый взгляд неожиданном, предшествуют замыслы, интриги и иные хитросплетения тайной дипломатии. Кое-что Карл знал, об еще большем догадывался, недаром первые уроки преподавал ему такой опытный человек, как дядюшка Балдуин.

Император Людовик Баварский был хорошо осведомлен о трудностях Чешского королевства и неприязненных отношениях между отцом и сыном, снова и снова дававших себя знать. И, не колеблясь, пытался это использовать. Он выслал послов к королю Яну в Люксембург с предложением женить шестилетнего Вацлава, любимого сына Яна, на своей совсем еще крошечной дочери. Тем самым он хотел углубить неприязнь отца к Карлу, надеясь, что вспыльчивый Ян лишит своего первенца титула соправителя и передаст право на престол младшему сыну. Чтобы подорвать преданность Яна Индржиха Карлу, Людовик пообещал королю Яну передать Яну Индржиху вместо утраченного Тироля Нижнюю Лужицу: он полагал, что, удовлетворив таким образом притязания Яна Индржиха, заставит его отказаться от поддержки Карла в споре с отцом.

Тут-то его, однако, поджидало жестокое разочарование. Восторженная преданность Яна Индржиха старшему брату не только не уменьшилась, а, наоборот, выросла; братья дружно и решительно протестовали против действий отца, упрекая его в тайных сделках с

Людвиком Баварским и пристрастии к младшему из братьев — Вацлаву.

Вскоре император Людвик предложил другую свою дочь в супруги Яну Йиндржиху. Расчет был прост — превратить противника в зятя и склонить на свою сторону. Однако Ян Йиндржих с помощью Карла избежал и этой западни баварского искусителя.

И все-таки оба они приняли предложение императора встретиться на будущий год на границе Чехии и Баварии для мирных переговоров; Карл приветствовал такой поворот событий: пока ведутся переговоры, нет угрозы войны.

Кроме того, ему требовалось время для осуществления своего давнего замысла — усилить авторитет чешского короля, превратив пражское епископство в архиепископство. Он посылал доверенных лиц в Авиньон, чтобы получить на этот счет совет нового папы, своего горячего блажелателя. Идею, долго им вынашиваемую, он хотел теперь безотлагательно осуществить; если Чешское королевство будет иметь самостоятельное архиепископство, во-первых, возрастет его престиж среди других королевств, во-вторых, мангеймские архиепископы, как правило немцы, будут лишены возможности вмешиваться в чешские дела.

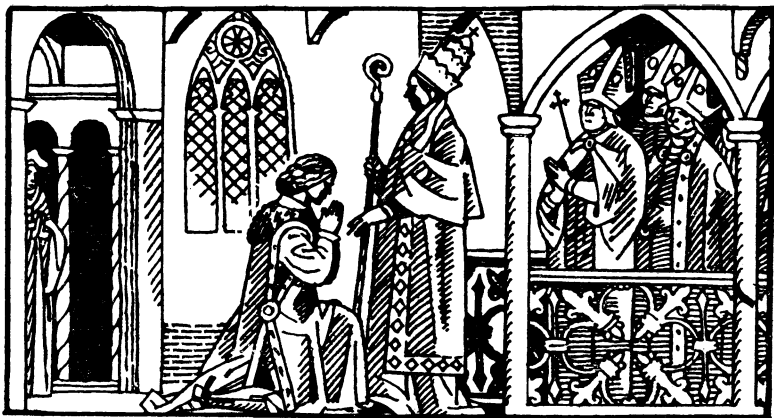
О своем намерении он никому не рассказывал, утаивал его от отца и брата и даже от Бланки. «Слово, однажды произнесенное, подобно птице. Неизвестно, куда оно залетит», — говаривал дядюшка Балдуин. «Сказать только часть задуманного, а об остальном умолчать — это не обман», — поучал четырнадцатилетнего Карла хитрый церковник. Отличную службу служили сейчас эти советы Карлу, и он не раз мысленно воздавал дядюшке благодарность. «Верь только себе, милый сын мой, а других вводи в заблуждение, только так тебе удастся взять над ними верх».

Карл сознавал, что это, пожалуй, не слишком благородно. Но как же тогда бороться с безнравственным противником? Карл мечтает добиться могущества родной страны, разве это не достойная цель?

Переговоры братьев с императором Людвиком были сорваны королем Яном: он прислал к сыновьям послов с просьбой отказаться от встречи с лжеимпе-

ратором. Карл и Ян Индржих уже находились в Домажлицах, а на другой стороне границы, в городе Кобурге, расположился Людовик Баварский. Король Ян заклинал Карла действовать сообща, поскольку он несколько месяцев назад был у папы в Авиньоне и тот приглашает его и Карла к себе, чтобы наконец-то свести счеты с Людовиком, проклятым церковью; настало время свергнуть его с императорского трона.

Только эта мольба заставила Карла уступить пожеланиям отца. Карл, однако, добился от него обеща-

ния впредь никогда и ни с кем не вступать в переговоры без старших сыновей — Карла и Яна Индржиха. Хочешь не хочешь, пришлось королю Яну такое обещание дать, и это была его новая уступка в борьбе за влияние в государстве и новый успех его сына и наследника.

И вот по прошествии двух лет после отъезда отца Карл отправился за пределы Чешского королевства, передав бразды правления двадцатилетнему брату. «В его годы,— раздумывал Карл,— за моими плечами уже были не только итальянские походы, но и двух-летнее пребывание наместником. Теперь пусть и он попробует, что это значит — править!»

Посещение папы в его авиньонской резиденции имело для каждого европейского правителя особый смысл. Ведь это он, глава христианства, дает согласие на избрание римского короля, это он из устных и пись-

менных донесений церковников знает обо всем, что происходит или готовится в каждой стране, а папские деньги могут заставить кого угодно начать войну с любым противником. И если папа Климент VI пожелал пригласить к себе обоих Люксембургов, это означало, что в ближайшие годы в Европе произойдут великие перемены.

Карл знал какие.

Уже небывалая пышность приема, им оказанного, подтверждала особое значение встречи в Авиньоне. Когда папе доложили, что кортеж чешского короля Яна и его сопровителя Карла виден с крепостных стен и вдали развеваются знамена с чешским белым двуххвостым львом в красном поле, с моравским орлом в красно-белую клетку в голубом поле и красным люксембургским львом на фоне продольных синих и белых полос, он выслал им навстречу всех своих кардиналов. Их пурпурные сутаны и черные головные уборы далеко виднелись под белоснежными и ярко-синими балдахинами, которые несли служки. Десятки больших и малых авиньонских колоколов отозвались мощным и веселым многоголосием. Приторный кафельный дым вознесся над пестрой, возбужденной толпой, в которой смешались дворяне, горожане, простолюдины, нищие, бродяги.

Переговоры превзошли все ожидания Карла. Сначала папа в долгой, проникновенной речи примирил отца с сыном. Он был хорошо осведомлен об их расприх со слов архиепископа Балдуина. Ему необходимо было их примирить: ведь он твердо решил, что на римском троне не место Людовику Баварскому, который пятнадцать лет назад, по-разбойничьи вторгшись в Рим, заставил силой возложить на себя императорскую корону и незаконно избрал антипапу. Это оскорбление нужно смыть и показать всему христианскому миру, кто является его истинной главой, кто возводит римских королей и императоров.

Слушая его речь, Карл испытывал такой же душевный подъем, как во время памятной проповеди на Пепельную среду. Но сейчас говорил не феканский аббат и слушал не тринадцатилетний мальчик — словам папы внимал тридцатилетний мужчина, сопровитель одного из самых могущественных европейских королевств, опытный воин, дипломат и мыслитель.

В эти же дни в Авиньон примчались послы императора Людовика Баварского, узнавшего о приглашении Люксембургов в Авиньон. Людовик, сообщили они, клянется в полном послушании Святому отцу, готовит богатые приношения церкви. Папа послов не прогнал, милостиво выслушал и еще милостивее объяснил, что с отпущением грехов придется подождать до той поры, пока Людовик Баварский действительно выполнит свои обещания.

Зато насколько любезнее был он к Люксембургам! Особенно к Карлу! В доверительной беседе, проходившей в личных покоях Святого отца, Климент VI известил Карла, что он намерен добиться его избрания римским королем и тем самым снова восстановить главенство церкви над светской властью.

Карл уже давно научился скрывать свои мысли. Молчал он и теперь, кивал головой, но в душе не соглашался с папой. Идея превосходства церковной власти над светской была чужда ему, сыну своей эпохи. Слишком глубокие корни пустили в его сознании идеи свободолюбивых сорбонских магистров, чьи лекции он посещал в Париже, да и повсюду Карл видел всеобщую неприязнь к владычеству церкви.

Папа был убежден в преданности Карла, а Карл был уверен в том, что папа будет наилучшим его помощником в достижении высшего светского титула в христианском мире.

Во время этого визита папа отметил Карла долго отказываемой привилегией: пообещал издать буллу о превращении пражского епископства в архиепископство с правом короновать чешских королей. Наконец-то чешское епископство избавлялось от подчинения мангеймскому епископству, а Чешское королевство — от вмешательства немецких церковников.

Пражским архиепископом стал епископ Арношт из Пардубиц, возведенный в этот сан год назад, после смерти Яна из Дражиц.

Теперь Карлу был открыт путь и ко второму королевскому титулу.

ЧАСТЬ III

Карла избирают римским королем

ПОСЛЕ авиньонской встречи с папой Карл твердо знал, что вопрос о возложении на него римской короны предрешен. Теперь нужно сделать все возможное, чтобы в день совершения этого высокочтимого акта его приветствовал весь мир.

Как раз в это время из Франции прибыл в Прагу знаменитый архитектор Матьё из Арраса. У себя на родине он возвел несколько прекрасных храмов и замков, украшенных стрельчатыми арками, узорчатыми переплетами окон, легкими колоннами, изящными нервюрами, высокими сводами хоров и храмовых нефов. Карла с детства восхищали парижский Лувр, Нотр-Дам, и он мечтал, чтобы и его родина могла гордиться подобными сооружениями — вместо массивных, похожих на крепостные бастионы костелов, монастырских зданий и замков.

В тот же день, когда были устроены торжества по случаю возведения Арношта из Пардубиц в сан архиепископа, в присутствии короля Яна, Яна Индржиха и нескольких князей, герцогов и епископов из соседних стран был заложен первый камень в основание нового величественного храма. Скоро здесь начнут возводить фундамент, будут расти башни, стены и опорные столбы, украшенные резьбой по камню, появятся инкрустированные самоцветами капеллы, пышно убранные серебром и золотом кафедры, галереи и хоры. Замысел Карла приобретал реальные очертания. Было ясно: Карл ни в коем случае не допустит, чтобы его грандиозные проекты сорвались.

С этого дня все громче звучали в Пражском граде удары кирок, молотков, раздавались распоряжения мастеров, слышался грохот высыпаемого щебня и песка, скрежет размешиваемого раствора.

Строительная суета, торжественные фанфары и звон колоколов, повседневные заботы не могли заслонить главных дел. Карл был прозорливее отца и видел, что приготовления к войне с Людовиком Баварским недостаточны. Тем более что Габсбурги отступились от предложений заключить союз с королем Яном и Карлом, а польский король Казимир и венгерский король Карл Роберт, легкомысленно поверив обещаниям Людовика, готовы были теперь поднять мечи против чехов. Несмотря на это король Ян беззаботно отправился вместе с немецкими рыцарями в Литву и заставил Карла принять участие в этом — опять неудачном — походе. На обратном пути, в довершение всех бед, Карл едва не попал в плен...

Случилось это в польском городе Калише. Король Казимир все еще таил свои враждебные намерения, свой сговор с императором Людовиком и вел себя словно союзник Карла, но когда Карл на пути из Литвы остановился в Калише, он вдруг заметил, что бургграф намеренно задерживает его у себя, то и дело откладывая день его отъезда. В ход шли самые различные объяснения: мол, опасны места, опустились туманы, как бы не увязнуть в болоте.

Возражения Карла бургграф бесцеремонно пропускать мимо ушей, не подпускал его к городским во-

ротам, а свите королевича запретил свободное передвижение по городу.

Что же предпринять? Не скрывая гнева, потребовать немедленного отъезда? Поляки поймут, что их планы разгаданы, и пленят его открыто. Нет, лучше продолжить эту игру, принять правила, установленные Казимиром, и обмануть его.

Войска у Карла не было, а отец уже спешил в Люксембург другой, южной дорогой.

Одного из своих приближенных — Казимир не рискнул отнять их у Карла, опасаясь выдать себя, — Карл тайно отправил из города, наказав ему мчаться во Вроцлав и привести оттуда вооруженный отряд.

И вот отряд под командованием верного рыцаря прибыл и спрятался в лесу. Был он малочисленным, едва три сотни человек. Один из них, конный оруженосец, державший в поводу второго могучего жеребца, не отходил от крепостных стен Калиша, подстерегая момент, когда Карлу удастся под удобным предлогом подойти к въездным воротам.

Все удалось на славу. Карл делал вид, будто беззаботно беседует со стражниками у ворот. Ведь он до сих пор ничем не выдал того, что раскусил умыслы Казимира, более того, уверял всех, как нравится ему в Калише и как он хотел бы остаться здесь еще на некоторое время. Но стоило оруженосцу с конем приблизиться, Карл ринулся к воротам, быстро вскочил в седло и поскакал к лесу, к своему отряду.

Нетрудно себе представить физиономию Казимира: со злости он объявил пленниками всю свиту Карла, желая получить за нее выкуп, но быстро одумался, узнав, что разъяренный король Ян, до которого весть об этом событии долетела в далекий Люксембург, поспешил в Прагу и собрал огромное конное войско, чтобы идти с ним на Польшу и отомстить за содеянное. Поэтому Казимир предпочел побыстрее освободить чешских пленников.

И все-таки это не спасло его от возмездия. Стоило королю Яну собрать войско, как его охватывал воинственный зуд — скорее найти ему применение. Поскольку подстрекателем Казимира в этой истории был его родственник, свидницкий князь из Силезии, король Ян вторгся в его владения, опустошил город Ландгут и так теснил этого незадачливого вельможу,

что тот в конце концов должен был искать срочно примирения с Яном и Карлом.

Лишь после этого войско Яна вернулось назад в Чехию и Моравию.

Все это, однако, было лишь увертюрой к дальнейшим событиям. Едва Ян с Карлом вернулись домой, от Людовика Баварского, от австрийских герцогов, от польского и венгерского королей, от свидницкого и мейсенского князей были получены послания с объявлением войны Чешскому королевству. Все послания были отправлены с таким расчетом, чтобы в Праге их получили в течение одной недели — для пущего утешения Яна.

Положение стало опасным, самым опасным за все годы правления короля Яна. Чешское королевство оказалось в плотном вражеском кольце. К резиденциям соседних правителей стекались пешие и конные отряды, открывались ворота городов и замков, выпуская дружины дворян, спешивших соединиться, чтобы сообща напасть на Чехию.

Впервые в жизни Карл видел отца озабоченным; король Ян сначала просто-напросто растерялся и не нашел ничего лучшего, как отправить к императору Людовику послов с просьбой о мире или о перемирии. Но когда послы, вернувшись домой, передали ему издевательский ответ Людовика Баварского, король Ян пришел в страшный гнев:

— Черт с ним! Чем больше врагов, тем больше трофеев! Клянусь, первого на меня напавшего я так отделаю, что остальные побелеют от страха!

Первым чешскую границу перешел Казимир. Вместе с венгерскими и литовскими отрядами он вторгся в Опавский край, которым владел герцог Микулаш. Микулаш послал к Яну гонца с просьбой о немедленной помощи: иначе ему не устоять, положение его весьма затруднительно. Яснее ясного, что помощь должна быть не только быстрой, но и существенной.

Король Ян в то время находился в Кутной Горе, где держал совет с панами, как противостоять превосходящим силам противника. Едва примчался гонец из Опавы, Ян призвал всех панов выступить сообща против Казимира. Паны, однако, возражали:

— По законам земского права мы обязаны выступить в поход, только если враг вступает в пределы страны, ваше величество!

Ян с негодованием обрушился на сейм:

— Разве Опава, так же как и Силезия, не принадлежит чешской короне? Разве это не чешская земля? То, о чем я вас прошу, не противоречит закону. Если же у вас от страха сердце ушло в пятки, я поеду один и хорошо запомню тех, кто, струсив, спрятался за мою спину!

Эти слова подействовали куда лучше всяких ссылок на юридические установления. Паны устыдились и, вида, что слепой король Ян на самом деле выехал со своей малочисленной свитой, быстро собрали боевые отряды и поспешили вслед за ним. Еще не добравшись до Опавы, Ян имел под знаменем вчетверо больше конных воинов, чем в начале похода.

Атака чехов на полки Казимира и венгерские отряды была столь стремительна, что противник вмиг рассеялся. А один чешский отряд, ведомый Ченеком из Липы, даже ворвался в Краков; правда, там, опустив железную решетку в воротах, его взяли в плен. Ян был рассержен оплошностью Ченека, а еще более тем, что ему самому не удалось взять Краков. Тогда он осадил город и так безжалостно опустошил его окрестности, что Казимиру пришлось поспешить с просьбой о перемирии. Он послал Яну лукавое предложение: «Король Ян! Не будем проливать понапрасну кровь, давай сойдемся с тобой один на один в пустом зале. Кто победит, того и войско победило».

Слепому Яну нетрудно было разгадать наглое коварство Казимира, обладавшего отличным зрением. С достоинством он ответил неприятелю: «Дабы условия схватки были одинаковыми, король Казимир, прикажи себя ослепить. Тогда будем на равных, и я с удовольствием сражусь с тобой».

Разумеется, Казимир не пошел на это. Он просил мира, обещая, что заключит его и от имени своих союзников — венгров, австрийцев, баварцев, мейсенцев и свидниковцев. Одновременно он пообещал простить Карлу его старый долг в десять тысяч серебряных гривен.

Казимир подписал мир, и его союзники, уstraшенные успешным чешским наступлением в Польше, не-

медля к нему присоединились. Лишь император Людовик оставался по-прежнему непримирим, однако на военные действия не отваживался.

Так решительность Яна отвратила опасность от чешских земель.

Амбиции Людовика Баварского еще больше возросли, едва ему удалось расширить свои родовые владения: по наследству к нему отошли некоторые нидерландские провинции.

Но и папа не сидел сложа руки, он хорошо знал, когда нужно нанести удар. И сделал это весьма продуманно и своевременно. Когда Ян предотвратил вражеское вторжение в Чешское королевство, папа снова пригласил обоих Люксембургов к себе в Авиньон.

Карл сразу же понял, что это значит. До сих пор в его ушах звучала фраза, произнесенная нынешним папой в бытность его еще кардиналом: «Придет время, и ты станешь королем римским»; и сегодня Карл мог до мельчайших деталей повторить все, что папа говорил ему два года назад во время переговоров о пражском архиепископстве. Да, день, которого Карл ждал с той минуты, когда дядюшка Балдуин заронил в него мысль о римской короне, приблизился вплотную...

Жребий брошен. Борьба, которая ожидает Карла, будет борьбой не на жизнь, а на смерть, ибо Людовик, конечно, будет защищаться изо всех сил. А большинство немецких городов Священной Римской империи его поддерживает.

Встреча в Авиньоне вышла менее торжественной, чем предыдущая, почти тайной. Когда Люксембурги соскочили с коней и приблизились к воротам папской резиденции, Ян перекрестился, словно перед сражением, а Карлу вдруг вспомнилось каждое слово, каждый оттенок голоса аббата Пьера де Розьера, его ангела-хранителя, взошедшего ныне на папский престол. И впервые с той далекой Пепельной среды его охватило такое же смятение духа. Окрест разносился звон колоколов авиньонских храмов, ярко голубело высокое небо, пурпурные ковры на лестницах приглушали шаги, посреди приемного зала восседал в сияющей золотом тиаре на голове папа...

Да, этот день наступил! Послания курфюрстам бы-

ли уже написаны. И условия, предлагаемые Карлу — от него требовалось полное повиновение церкви и Святому отцу, — были искусно сформулированы на блестящей латыни. Подготовлен список должностей и почестей, которые Карл обязан даровать после своего избрания. Разработан церемониал избрания римского короля. Высшим служителям церкви разосланы циркуляры о публичном низложении и предании анафеме Людовика Баварского.

Карл, однако, понимал, что перед ним стоит более трудная, чем перед папой, задача. Одно дело — объявить войну Людовику Баварскому из далекой папской резиденции, расположенной на охраняемой французским королем территории, и совсем другое дело — пойти походом в германские земли, свергнуть нынешнего римского императора и взойти вместо него на освобожденный трон. Каким бы подлым, хитрым, двуличным и вероломным ни был Людовик, за его спиной стояла страна и ряд городов, которым именно эти его качества были на руку; только при таком правителе городские богачи и надменные дворяне могли делать, что пожелают. Новый римский король, крепко держащий бразды правления и поддерживаемый папой, им был не нужен. Знал Карл и то, что рано или поздно его пути с папой разойдутся, ибо в своих притязаниях Святой отец заходит слишком далеко. Канули в Лету те времена, когда пред властью церкви смирялся даже Фридрих Барбаросса: все помнят, как этот могущественнейший из немецких императоров был вынужден публично целовать туфлю папы. Эти мысли Карл до поры таил глубоко в себе: не следует открывать карты раньше, чем их можно выложить на стол в выигрышной комбинации. Прими условия папы, посоветовал бы дядюшка Балдуин, а потом спокойно выброси их из головы. Главное, чтобы это было на пользу Чешскому королевству, ибо что полезно ему, полезно и тебе.

И вот выборы состоялись. В соответствии с обычаями, римский король избирался большинством из семи курфюрстов. На стороне Карла было пятеро, два приверженца Людовика Баварского в городок Рене не явились. Таким образом, избрание Карла было совершено законно, столь же законно Людовик был низложен.

После выборов король Ян послал письмо своему

французскому зятю, в котором заверил его в верности данному слову. В предстоящей борьбе с англичанами он будет твердо стоять на его стороне, как и Карл, который по примеру отца тоже в специальном послании подтвердил свою приверженность союзничеству в дни мира и войны.

Французам в то время дорога была любая помощь: на следующий день после избрания Карла римским королем многотысячное английское войско высадилось неожиданно в Нормандии и стало стремительно двигаться на Париж. Поэтому и думать было нечего о том, чтобы с помощью дядюшки Балдуина готовиться к римской коронации или же приступить к боевым действиям против Людовика Баварского. И Ян и Карл обязаны были, в соответствии с договором, двигаться на помощь французскому королю.

И вот Карл снова в седле. Стучат копыта, трепещут на ветру боевые знамена, на этот раз над головой Карла реет черный римский орел на белом поле, а над отрядами короля Яна — чешский лев. От триумфальных выборов до опасностей бранного поля оказался один шаг.

Объединенные отряды Яна и Карла достигли нормандского побережья и заняли позиции около города Абвиль.

Карл коронуется чешским королем

В БИТВЕ у Кресси французы допустили слишком много ошибок.

Англичане отступали от Парижа с такой поспешностью, что французы не могли их догнать. Превосходство французских войск было пятикратным. Пестрая, гордая, сияющая доспехами, разбитая на небольшие отряды, самоуверенная французская конница оказалась в поле зрения англичан только неподалеку от побережья пролива Ла-Манш.

Англичане отдыхали здесь уже второй день. У них было достаточно времени, чтобы прийти в себя, осмотреть поле предстоящей брани и выбрать наиболее вы-

годную позицию. Когда появившиеся в три часа полудни первые французские рыцари принялись высокомерно разглядывать противника, у англичан уже были тщательно выстроены три боевых порядка: десять тысяч пехотинцев из Уэльса, десять тысяч лучников из Шотландии и четыре тысячи английских всадников. Неподвижно, безмолвно стоявшие на склоне холма, напряженно всматривающиеся в пеструю французскую армаду, под развевающимися знаменами, с разноцветными щитами, плюмажами на шлемах, яркими чепраками, прикрывающими металлические пластины на спинах и боках коней, они казались французам смешны. Никто ни на мгновение не сомневался, что англичане будут разбиты единым натиском, потоптаны копытами коней.

Французы не пожелали прислушаться к совету короля, предлагавшего начать сражение на следующий день. Они равнодушно отмахнулись от предостережения генуэзских арбалетчиков, заявивших, что у них после только что прошедшего дождя намокли тетивы луков и дальность полета стрел сократилась более чем на половину. С презрительным видом подъезжали французы к англичанам, грозили мечами, выкрикивали ругательства, уверяли, что сегодня же тела англичан будут терзать волки и клевать вороны. Не дожидаясь сигнала к началу битвы, передние отряды даже стали ввязываться в стычки с англичанами и вскоре втянули в сражение полки, двигавшиеся в задних рядах. Трагедия началась.

Отдохнувшие и хорошо организованные англичане преподали французам жестокий урок. Их лучники, предусмотрительно укрывшие луки от дождя, засыпали атакующую конницу свистящим градом острых стрел, поражавших всадников и коней раньше, чем те успевали приблизиться к противнику и вступить в схватку. Передние шеренги французов дрогнули, отступая, а потом повернули вспять.

Король Ян предчувствовал возможность этой роковой ошибки, он предлагал начать сражение с англичанами еще третьего дня: едва увидев их на горизонте, он выстроил боевым порядком конницу, стараясь преградить англичанам отход к морю, ведь чешские и люксембургские отряды шли сюда иным путем, минуя Париж. Однако англичане уклонились от столкновения

с войском короля Яна и во время отлива переправились через реку Сомму. Начавшийся прилив не позволил Яну преследовать их на другом берегу.

Сейчас король Ян понял, что его опасения оправдались, но отступать он не станет: Ян принял решение сделать сейчас то, о чем неустанно думал уже несколько лет. По крайней мере, с той поры, когда окончательно осознал, что зрение к нему не вернется...

Король Ян знал, что идет на верную смерть, но ему уже и не хотелось жить. Зачем? Ради чего? С той минуты, как он потерял зрение, его снедала мысль об истинно рыцарском уходе из этого мира. Он не мог ни участвовать в турнирах, ни разъезжать по Европе от одного монаршего двора к другому, он перестал быть желанным гостем, украшавшим любое — мужское и женское — общество, не узнавал знакомых, попал в полную зависимость от подсказок придворных. Но всего тяжелее он переживал превосходство сына — и в титуле, и в популярности, и в личных достоинствах.

Король Ян не желал смерти от старости и дряхлости. Другое дело — гибель с мечом в руках, на коне, в боевой схватке, лицом к лицу с врагом. Он считал, что это единственно достойная рыцаря смерть, а кто же более, чем он, заслужил такую смерть, он, которого повсюду сопровождала поговорка: «Без бога и короля чешского не жди от сражения удачи...»

Король Ян ринулся в схватку, приказав приближенным вывести из сражения Карла. Карл оскорбился и бросился за отцом. Несмотря на ранение, он вытащил меч и, прищпорив коня, направил его прямо на шотландских лучников, но чьи-то руки — кто из чехов то был, сколько их? — крепко схватили за узду его коня и осадили назад. Карл закачался, схватился за гриву, с трудом удерживаясь в седле, в глазах потемнело, он потерял много крови...

Его вывели из сечи, сняли с коня и на руках перенесли в ближайший амбар. Он не имел права погибнуть. Сейчас, когда достиг столь долго преследуемой цели? Чешское королевство лишилось бы правителя, Священная Римская империя превратилась бы в вотчину жадного Виттельсбаха. Карл метался в горячке, а неподалеку на ратном поле завершился последний рыцарский поединок его отца — короля чешского и графа люксембургского. Главы рыцарства, как

часто называли Яна. Он пал в атаке, пронзенный шотландскими стрелами.

Ночью, осматривая поле боя, на него набрел принц Уэльский и, сняв в глубоком уважении шлем, приказал перенести короля Яна, еще дышащего, в свой походный шатер. Он позвал лекаря и вместе с ним провел бессонную ночь у умирающего.

Ян не дожид до утра. Принц Уэльский благоговейно отстегнул от его шлема вуалевый плюмаж и прикрепил к своему со словами: «Сегодня пала корона рыцарства».

На следующее утро, сотрясаемый жаром и ознобом, Карл вышел к делегации англичан, привезших тело короля Яна, чтобы Карл мог похоронить его с надлежащими почестями. Карл приказал отвезти тело отца на родину — в графство Люксембург и предать земле со всеми королевскими почестями. Сам же был вынужден несколько недель залечивать раны в монастыре в Уршампсе, прежде чем снова смог взобраться на коня и в сопровождении свиты, в битве весьма поредевшей, отправиться в Люксембург. Чешское королевство далеко, между ним и Люксембургом лежит враждебная территория, управляемая Людовиком Баварским; французский король принять Карла не может, а Прага ждет с нетерпением. Правда, до Праги нужно совершить коронацию римского короля, традиционно устраиваемую после избрания в старинном Ахене, где некогда короновался император Карл Великий. Об этом Карлу настойчиво напоминал епископ Балдуин, по-прежнему бодрый, энергичный и неутомимый поборник усиления дома Люксембургов. К моменту выздоровления Карла подготовка к его коронации шла полным ходом.

Дядюшка Балдуин пригласил принять в ней участие курфюрстов, избравших Карла, нескольких соседних князей, рыцарей и епископов и приказал изготовить запасную корону: подлинная все еще находилась у Людовика Баварского. Архиепископ сам избрал для коронационной церемонии город Бонн вместо Ахена, который, боясь мести Людовика Баварского, закрыл перед Карлом свои ворота. И Кельн над Рейном остался немым за крепостными стенами, на которые даже были вытащены орудия.

Увы, многого не хватало для полного триумфа, каким представлял его себе Карл. На коронации отсутствовали многие короли, князья, герцоги и рыцари; среди гостей явно преобладали церковники. Да и колокола, казалось, звучали слишком скромно, а здравницы горожан таили предательство. Богослужение, свершенное Балдуином, было великолепно, но и оно несло на себе печать неискренности, так что Карл не мог не отнестись ко всем этим торжествам как к еще

одной попытке укрепить его дух перед неизбежной схваткой со свергнутым императором.

Пока Карл не представлял себе, какой она примет характер. Кто окажется на чьей стороне? Кто против кого выступит? Кого можно купить деньгами и кто потребует предоставления ленов? Какие привилегии придется дать горожанам и какую сумму выплатить церкви? Где взять деньги на содержание войска и как вести его в такую даль? Людовик Баварский в англо-французском споре держит сторону победоносного английского короля, в Италии выборы римского короля никого не интересуют, а от венгерского и польского королей поддержки даже на словах ожидать не приходится.

«Я должен как можно скорее попасть домой, как можно быстрее и незаметнее проскочить чужие земли. Там, в Чехии, мое место, оттуда я смогу начать борьбу».

Но как же попасть туда сейчас — без войска, без денег, во враждебных отношениях со всеми родственниками Людовика? По морю — далеко, кружной путь через Францию и Италию вызвал бы лишние толки, Людовик выиграл бы слишком много времени...

На рождество 1346 года Карл наконец принял решение отправиться домой самым коротким и самым неожиданным путем, снова показав себя настоящим сыном своего отца. Путь, избранный им, был самым опасным и для римского короля, казалось бы, абсолютно неприемлемым. В рождественские дни он пустился в дорогу совершенно один, прямо через владения Людовика Баварского — Швабию, Баварию, Верхний Пфальц — к самой Чехии, никем не признанный, переодетый пажом, который ведет в поводу коня своего господина по зимнему, заснеженному краю, ночует в трактирах или же в стоге сена вместе с конем.

Рискованное путешествие удалось на славу. На крещенские праздники Карл неожиданно появился в Праге и был торжественно встречен чешским панством, пражскими горожанами и высшими служителями церкви. Встречен как истинный король, не только чешский, но и римский, впрочем, только в Чешском королевстве его и признавали как в первой, так и во второй ипостаси.

Дома его поджидало «поздравление» от Людовика Баварского — грубое письмо, полное угроз и проклятий, что, впрочем, нимало не смутило Карла. Куда неприятнее был памфлет, сочиненный Уильямом Окхэмом, некогда английским приором францисканцев, который прибил к двору отлученного от церкви лжеимператора. Сей ученый муж презрительно называл Карла «королем клириков», прозрачно намекая на то обстоятельство, что большинство курфюрстов были церковники, действовавшие по указанию папы. Но и это унижение стерпел Карл. Он знал, чего хочет, и эти цели занимали в его мыслях главное место, помогая спокойно и невозмутимо сносить оскорбления.

Ему было ясно, что Людовик начнет против него военные действия, как только сойдет снег и подсохнет земля, чтобы в походе могли участвовать тяжелые всадники и обозные повозки. Почти все немецкие княжества остались верны лжеимператору. Австрийские Габсбурги изъявляли дружеские чувства и Карлу, и

Людовику Баварскому. Венгерский король Карл Роберт ныне опять склонялся на сторону Людовика, хотя в войну быть втянутым не желал, предпочитая выжидать, как развернутся события дальше. Польский король Казимир, опасаясь вызвать недовольство папы, счел за лучшее оставаться в тени. Ну а французского короля Филиппа одолевали свои заботы — нужно было залечить раны, полученные в битве с англичанами. Как ни прикидывал Карл, выходило одно: он остался со своей Чехией в одиночестве.

Что же предпринять? Чем ошеломить сверженного Людовика? Как опередить его?

После краткого раздумья Карл отправился в марте на юг, в Тироль. Снова без войска и втайне от Людовика Баварского. По договоренности с Альбрехтом Габсбургом он проследовал через Австрию, переодевшись купцом. Альбрехт боялся мстительного Людовика и не мог допустить, чтобы Карл проехал по стране открыто, как римский и чешский король. Карла сопровождала свита из самых видных чешских панов, тоже переодетых купцами. С маскарадом было покончено, как только они пересекли границу Тироля и оказались в Северной Италии.

В Европе удивлялись. Чего надобно в этой стране новоявленному римскому и чешскому королю?

Папа Климент VI надеялся, что Карл соберет войско и двинется на юг, захватит Рим, а это позволит наконец перебраться туда его двору. Сейчас, после поражения французов, обстановка казалась папе благоприятной для того, чтобы наконец-то избавиться от их опеки.

Карл, однако, обманул надежды Святого отца. Но иначе поступить не мог. Вяжись он в войну с Италией, ему бы уже не выбраться из нее. У него недоставало ни денег, ни реальной власти. Людовик тем временем вторгся бы в Чехию, и Карл Роберт сразу бы присоединился к нему. Образовалось такое хитросплетение различных обстоятельств, которое бы уничтожило каждого, кто позволил бы затянуть себя в него, словно в паутину.

Карл мудро избежал этого ложного шага. Он предпочел осадить тирольский замок, чтобы еще раз по-

пытаться вернуть под свою власть Тироль. Людовик Баварский выслал против него своего сына, с которым Карл воевал с переменным успехом. Хотя в отместку Карл приказал послать в Баварию войско из Чехии, чтобы оно опустошало тылы низложенного императора, борьба слишком затягивалась, а этого Карл не мог себе позволить.

Возвратиться в Чехию? В который раз? Все попытки вернуть Тироль окончились неудачей. Карл в конце концов оставил их навсегда. Его место дома, а не в этих беспокойных североитальянских провинциях. Он должен быть готов к нападению Людовика, который, несомненно, двинется прямо в Чехию. Он должен вернуться, даже если это вызовет недовольство папы, который теперь понял, что молодой Люксембург не будет послушной марионеткой в его руках.

Там, в родном Чешском королевстве, Карла ждало самое торжественное событие за тридцать прожитых лет. На 2 сентября 1347 года была назначена коронация нового чешского короля...

Желанный день! Чешской короне Карл придавал огромное значение. Давно он пришел к мнению, что именно у чешского короля римская корона будет в самых надежных и крепких руках. Ведь в Священной Римской империи не было других королей, одни только маркграфы, графы и князья, самое большее — герцоги. Никто из них не владел такой могущественной и богатой страной, какой было Чешское королевство, вокруг которого можно объединить остальные земли Центральной Европы, как птенцов вокруг наседки. Надо ввести за правило, что впредь римским королем всегда избирался лишь тот, кто обладает чешской короной.

Карл сам тщательно составил распорядок коронационной церемонии, использовал некоторые предписания французского регламента, кое-что добавил из старинных обрядов чешских королей и князей. Всему миру должно быть ясно, что на чешский трон восходит потомок Пржемысловичей, самой древней правящей династии в Европе, основанной когда-то легендарным воеводой Пржемыслом Пахарем. И если римская корона является созданием Карла Великого, то покровитель чешской короны, по убеждению Карла, — его пре-

док из девятого столетия, князь Вацлав. И потому новую корону, богато украшенную драгоценными камнями, изготовленную из прежней пржемысловской, он назвал короной святовацлавской. И распорядился, чтобы корона хранилась в соборе святого Вита в Пражском граде, а попечителями ее были только чехи по происхождению как по отцовской, так и по материнской линии. После свершения обряда коронования корону следует еще до захода солнца положить на череп святого Вацлава, даже король не смеет задерживать ее у себя долее. В противном случае чешский сейм обязан объявить его нарушителем закона. Так Карл ставил препоны тем, кто в будущем пытался бы выкрасть корону, увезти ее и хранить в ином месте, нежели Карлом установлено.

Пышные торжества начались в старославном Вышеграде. Под звон колоколов, под стройные песнопения церковного хора, под резкие призывы фанфар в благоуханном кадильном дыме предстал перед глазами народа новый чешский король Карл со своей супругой Бланкой. Спешившись, они направились на внутренний двор Вышеграда и там преклонили колени перед древней святыней — сумой и лаптями Пржемысла Пахаря, в знак того, что чтут его как своего предка и предшественника и готовы хранить, защищать и приумножать его наследие. Оттуда длинная процессия из конных и пеших проследовала до самого Пражского града. Были в ней, кроме архиепископа и пяти епископов, также десять герцогов из соседних земель, множество князей и графов и почти все чешское дворянство из Чехии, Моравии и Силезии. Тысячи пражан и гостей со всего королевства сопровождали процессию, хотя, конечно, немногие смогли присутствовать на торжественном обряде в храме, впервые в истории совершенном пражским архиепископом, который возложил святовацлавскую корону на голову Карла; другая, меньшего размера, была возложена на головку Бланки.

Вспоминала ли новая королева, как в детстве поддразнивала своего супруга? «Как же все-таки вас зовут? Как вас окрестили в Чехии? А Чешское королевство? Разве есть такое?»

Бланка давно уже считала Чехию родным домом и столько раз за эти годы слышала имя Вацлав!

После обряда в строившемся соборе святого Вита

процессия опять двинулась в путь, кто пешком, кто верхом, вниз, в город, на площадь святого Гавела, чтобы принять участие в грандиозном пире, какого здесь не было видано со времен деда Карла — короля Вацлава II. На огромном деревянном помосте подавались яства: жаркое из кабана, жареные куропатки, олени окорока, фаршированные гуси, рыба, запеченная, заливная, под соусами, виноград, яблоки, сливы, свинина и говядина во всех видах, пироги творожные, с повидлом, с маком, пряники с медом, миндалем и изюмом. Из сосудов с белым и красным вином, привезенным из Испании и Италии, беспрестанно доливали в кувшины и кубки; над головами трепетали знамена с императорским орлом, с гербами всех гостей и чешских панов; самые знатные из них обслуживали праздничный стол, направляясь верхом на конях к поварам, готовящим кушанья на открытом воздухе, и возвращаясь то с запеченным на вертеле молочным поросенком, то с блюдом, на котором покоилась кабанья голова. Все напоминало богатый праздник пятидесятилетней давности, с которым пожилые участники невольно и с удовольствием сравнивали нынешний. Радовались и молодые горожане, и простолюдины, ожидая конца беспорядкам и хаосу, видя в коронации начало новой эпохи, возрождения славы Чешского королевства, мира и спокойствия.

«Будет ли так?» — думал Карл, глядя на восторженную праздничную толпу, слушая хвалебные речи гостей, знатных и знатнейших, на латыни, по-немецки, по-французски, по-чешски, любуясь каштановыми локонами Бланки, счастливой, что наконец-то настал день, когда все усилия Карла оправдались. Но Карл знал, что это не так, до этого далеко.

*Прага
становится столицей
Священной Римской империи*

КАРЛУ часто приходилось покидать трон и садиться в седло. Так было и на сей раз. Едва отзвучали торжественные мелодии и завершились веселые народные гулянья, пышные богослужения и

состоялось освящение нового костела панны Марии Снежной, как в воздухе запахло порохом. Предстояло во что бы то ни стало одолеть Людовика Баварского: покуда жив низложенный император, титул римского короля останется для Карла лишь малозначительной приставкой к его имени.

И снова, как уже не однажды, собирал Карл войско. Съезжались конные и пешие рыцари, кузнецы точили мечи и ковали щиты, оружейники чинили доспехи и украшали шлемы, герольды посылали окрест сигналы боевой готовности, гонцы спешили из края в край с обнаженным мечом в руке: «Король зовет на бой, откликнемся на его призыв, нас ждут жаркие схватки во славу родины, защитим ее независимость, а заодно добудем себе военные трофеи!»

Карл направился в Домажлице, где, по вековому обычаю, соединялись в единое войско отдельные чешские отряды. Домажлице — последний укрепленный город перед непроходимыми шумавскими лесами. За ними — Бавария, откуда только и жди внезапного набега, наглого вторжения.

На этот раз все будет наоборот. Карл осматривал отряды, прикидывал силу конницы, считал сулицы, арбалеты и копья пеших воинов. Достаточно ли всего, чтобы безбоязненно отправиться за эти дремучие леса, столкнуться с противником лицом к лицу, ударить в барабаны, дать знак трубачам, мановением руки бросить в атаку конницу и плотные пешие ряды? Можно ли отважиться на такой шаг, положиться на опытных чешских воинов, в крови которых издавна кипит боевой дух? Справедлива ли старая немецкая поговорка, вычитанная Карлом в библиотеке епископа Яна: «С чехами пусть воюет тот, кому не дорога жизнь». Так еще в древности высказался немецкий хронист, и с той поры немало его преемников убедились в истинности присловья.

Карл мог положиться на чешских воинов, мог. Ни на кого другого, только на этих воинов, из этой страны.

И вдруг случилось неожиданное, удивительное, невероятное. Снова в жизнь Карла вмешался случай. Или судьба? Внезапно пришла весть, что с соперником Карла, Людовиком Баварским, сделался удар во время медвежьей охоты, он упал с коня и вскоре скончался.

Карла охватило глубокое волнение, чувство огром-

ной, невыразимой благодарности судьбе за ниспосланную милость, вера в свое предназначение. Он вспоминал о спасении в августинском монастыре в Павии, когда он чудом избежал смерти от яда; о победе в битве у Сан-Феличе; о таинственном случае в реджийской часовне, когда во внезапно опустившейся темноте при раскатах грома ветер вырвал облатку из рук священника, намеревавшегося благословить заговор против Карла. А странная ночь в доме бургграфа с таинственными шагами и кубком, брошенным в стену зала, где ночевал Карл?

Он остался единственным носителем римской короны, пока, правда, только королевской, но кто и что еще ему может помешать отправиться в Рим и короноваться императором? «Может,— возразил внутренний голос.— Может, если на то будет божья воля, которая до сих пор хранила тебя. Могут подкупить курфюрстов и склонить против тебя германских князей, могут провести выборы, в которых один-единственный голос против тебя окажется решающим. Тем более что папа недоволен, что ты летом вернулся из Северной Италии, а не двинулся на Рим и в кровавых боях и ловких интригах не вернул ему «вечный город», хотя и понимает, что у тебя не было для этого сил».

И вошел чешский и римский король Карл в Баварию и принял почести в первом из крупных городов — Нюрнберге. Преклонили перед ним колени магистрат, бургомистр, бургграф, патриции, церковники и деревенские жители. Все приветствовали нового римского короля и подчеркнуто торжественно выражали ему свою покорность. Над головой его реяли знамена с черным орлом и гордым белым львом.

Карл въехал в Нюрнберг лишь с небольшим отрядом, заранее распустив главное войско, чтобы в немецких землях его считали не завоевателем, а миротворцем.

Вскоре он понял, что допустил ошибку. Уже в Нюрнберге ему не очень-то спешили открывать городские ворота, а чем дальше продвигался Карл в глубь немецкой территории — а он хотел добраться до Мангейма к дядюшке Балдуину,— тем больше убеждался в том, что здесь уважением пользуется нескрываемая

сила, а не благие миротворческие замыслы. За ошибку тут же пришлось расплачиваться.

Во время пребывания в Мангейме, где Карл держал совет с архиепископом Балдуином, он узнал то, чего справедливо опасался: сын Людовика Баварского, Людовик Бранденбургский, не желая мириться с переходом титула римского короля к Карлу, созвал нескольких имперских князей — из них, правда, только два имели право голоса, — чтобы те избрали нового римского короля в пику Карлу.

Результаты этих выборов не имели юридической силы. Но кто поручится, что они не станут действительными, если избранный антикороль окажется достаточно влиятельным и богатым, чтобы подкупить остальных курфюрстов? Вот они-то и объявят избрание Карла неправомочным. Все могло случиться, и ко всему он должен был быть готов. Тем более что римский трон в ходе этих инсценированных выборов был предложен английскому королю Эдуарду, против которого Карл вместе с отцом год назад сражался на стороне потерпевших поражение французов. Со стороны Людовика это был весьма коварный ход.

Прозорливый Балдуин посоветовал Карлу столь же продуманный и хитрый маневр: направить к королю Эдуарду послов с предложением дружбы и посредничества в мирных переговорах с Францией. В ожидании ответа Карл проводил дни в лихорадочных размышлениях. «Если английский король согласится принять римскую корону, мне придется отправиться в Париж, чтобы подтолкнуть короля Филиппа к военным действиям против Англии. Но я должен буду принять в них участие. Как мне удастся пройти через Баварию, Швабию и Рейнскую землю, не ввязываясь в непредвиденные схватки и затяжные осады?»

Ответ пришел спустя несколько месяцев и был благоприятным: английский король Эдуард шлет привет римскому и чешскому королю Карлу и принимает его предложения о мире и дружбе; о посредничестве же в мирных переговорах с Францией ни слова, ни малейшего намека на то, что таково решение парламента, сам-то Эдуард с радостью бы присоединил к английской короне римскую, он давно мечтал о ней. Это, впрочем, означало бы восстановить против себя не только могущественную Францию и воинственную

Шотландию, но и Священную Римскую империю, особенно папу; и тут рассудительным англичанам было над чем призадуматься.

Первая атака была отражена.

Карл снова в Праге и снова с головой ушел в решение важных государственных дел. Вернувшись в феврале от дядюшки Балдуина, он созвал сейм всех земель чешской короны, то есть Чехии, Моравии и Силезии. Карл давно все обдумал, ведь размышления о насущных делах родной земли не оставляли его все семь лет, что сейм признал его наследником короля Яна. Никогда, ни при каких обстоятельствах не покидала его мысль, как надежнее укрепить Чешское королевство, как обезопасить его от притязаний соседних правителей, в основном немецких, как поднять его авторитет в Европе и сделать центром мировой учености. Карл начал осуществлять свои намерения еще при жизни отца, когда, учредив пражское архиепископство, достиг церковной независимости Чехии, и продолжил их осенью прошлого года, основав в Праге монастырь Эмаузы. Он пригласил в него монахов из Хорватии, сохранивших славянский богослужебный язык Кирилла и Мефодия. Но кульминация этих его усилий прилась на весну 1348 года.

В торжественной обстановке размечал Карл границы Нового Города (Нове Места) пражского. Там не было пока ни единой постройки, а ему уже виделись целые кварталы самого крупного из вновь основанных городов Европы. 26 марта он выехал верхом на коне, в сопровождении самых влиятельных панов и архиепископа Арношта из Пардубиц, за крепостные стены Старе Места пражского, в то место, что издавна зовется «На мустку». Здесь его поджидали бургомистр, члены магистрата и цеховые мастера. Карл и его спутники спешили и отсюда разглядывали пространство, которое в скором времени будет застроено новыми домами. Писари охотно показывали гостям тщательно начерченные планы, мастера цеха каменщиков и плотников внимательно слушали Карла, пояснявшего, в какие сроки должно быть построено Нове Место, сколько денег получат мастера и какая плата будет определена рабочему люду. Все мастера шумных ремесел,

говорил Карл, должны переселиться из Старе Места пражского сюда, кроме тех, которые нужны для ремонтных работ в старых кварталах, и каждое ремесло здесь получит свою улицу. Крепостные валы, широко раскинувшиеся вокруг, обнимут отдельные дворы и слободы между нынешними укреплениями Праги и Вышеграда. Все улицы на этой местности будут устремлены к трем площадям: Скотному рынку, Сенному рынку и Конскому рынку. Главенствовать над Нове Местом будет построенный на высоком холме костел в честь Карла Великого, основателя Священной Римской империи. Остальные костелы образуют с ним, если смотреть сверху, большой крест. С появлением Нове Места Прага войдет в число крупнейших европейских городов и станет самым большим городом в Священной Римской империи после Рима, императорского коронационного города. Но зато Прага будет столицей империи.

Восторженному удивлению участников сейма не было границ. Но это было только начало. В течение месяца Карл представил сейму еще несколько законопроектов, писанных на пергаменте каллиграфическим почерком на латыни и снабженных печатями. На самых важных из них сверкали золотые печати. И каждый законопроект вызывал снова и снова радостные, приветственные крики присутствующих, их громогласное, одобрительное: «Приемлем! Приемлем! Приемлем!»

Особый восторг возбудила грамота с золотой печатью об основании в Праге университета, которыми до сих пор гордились только страны Южной Европы — Италия, Франция и Испания, а также островная Англия. В ней провозглашалось, что пражское высшее учебное заведение предназначено для чехов, дабы не было им надобности получать знания на чужбине, дабы овладевали они ими у себя на родине да и сами могли приглашать к себе тех, кто тянется к учености. В тот день исполнилась мечта деда Карла — короля Вацлава II, более полувека назад пытавшегося осуществить то, чего достиг ныне Карл. Сколько с той поры переменялось!

Радостными криками одобрения встречал сейм все новые и новые грамоты, торжественно зачитывавшиеся главными королевскими писарями.

Во время закладки Нове Места и на всех заседаниях сейма рядом с Карлом можно было видеть его молодую очаровательную супругу Бланку. Это уже не юная принцесса, которая так любила поддразнивать принца, а величаяя королева, мать двух дочурок, спокойная, приветливая и любимая народом госпожа. Она давно уже хорошо говорит по-чешски, часто в сопровождении свиты и стражников появляется на улицах города — посещает больных, раздает милостыню бедным, навещает в монастырь бенедиктинок, где когда-то жила Кунгута, двоюродная тетя Карла, любительница искусств и любимица народа Пржемысловна.

Бланка по праву гордилась супругом и в эти дни испытывала, как и он, чувство глубокого удовлетворения. Она пережила в Праге не одну горькую минуту и не одну обиду. Когда-то она была изгнана отсюда королем Яном, и ей пришлось отправиться в Брно с малочисленным двором и скудными средствами к существованию. Те годы позади, она привыкла к новой родине, хотя никогда не переставала вспоминать родную Францию, шумный, полный жизни Париж, французский королевский двор. Где вы, дни молодости, где ты, сестрица Изабелла, юные пажы и молоденькие виконтессы? Где ваши игры, шалости, проказы, розыгрыши, тайны? Все осталось далеко в прошлом, в туманной дымке того дня, когда процессия чешского принца после прощальной мессы аббата Пьера де Розьера в Сент-Шапель двинулась от королевского дворца мимо ветряной мельницы в направлении сен-денийского аббатства, и дальше к Реймсу, и еще дальше — к границам графства Люксембург. Краткое возвращение в Париж во время пребывания Карла в Италии только удлинило тягость печального прощания. «Увижу ли я когда-нибудь снова свой Париж? — думала Бланка. — Повидаю ли тех, кто были друзьями и подругами моих детских лет?»

Ее домом стала Прага, и ныне Бланка взирала на город рядом со своим супругом, гордая, счастливая. «Я уже не могу покинуть Прагу, — говорила она себе, — сердце мое раздвоилось. Но издавна жена следует за мужем, и, куда судьба направит его, Карла, шаги, туда направлюсь и я».

Торжественные заседания сейма завершились; едва чешская знать и гости из соседних стран разъехались,

Карл опять покинул Бланку, чтобы, пустив в ход международные связи, закрепить все, что ему удалось достичь. Сначала он отправился в Моравию.

Карл прибегает к хитрости в борьбе с врагами

В МОРАВИИ Карл встретился с габсбургским герцогом Альбрехтом, который — в зависимости от обстоятельств — то вступал с ним в дружеские отношения, то разрывал их. Ныне герцог Альбрехт публично признал Карла королем римским и, по старинному обычаю, воздал ему почести, опустившись на колени и давая присягу верности. Он пообещал также Карлу уговорить Людовика Бранденбургского последовать его примеру. И действительно, устроил встречу соперников в баварском городе Пассау. Однако спустя три дня Людовик и Карл, затаив гнев в душе, разошлись с холодной учтивостью, о причинах которой каждый из присутствовавших рыцарей мог строить любые догадки; в точности, однако, никто ничего не знал.

Карл снова убедился в том, что до победы еще далеко. У Людовика Бранденбургского достаточно друзей, по большей части бывших ленников его покойного отца-императора, и влияние в главнейших немецких городах. Несомненно, что он все еще подыскивает подходящего кандидата на роль римского короля вместо Карла и намерен устроить его избрание при помощи тайно завербованных или подкупленных курфюрстов.

С Карлом, однако, мало кто мог тягаться. Разящая сила его меча была хорошо известна, а его острого ума в Европе побаивались многие. Враждебно разойдясь с Людовиком Бранденбургским, поспешившим в Баварию плести тайные нити заговора, Карл в отместку предпринял такой неожиданный ход, который вошел в историю как один из самых хитроумных трюков средневековой дипломатии.

В Бранденбурге неожиданно появился человек, чрезвычайно похожий на бывшего маркграфа Вольдемара, умершего около тридцати лет назад. А надо сказать, что бранденбургское маркграфство для Карла имело

особое значение: его правитель обладал правом выбора римского короля. Поэтому появление Вольдемара сулило многое.

Говорили, что этот человек, выглядевший, разумеется, на тридцать лет старше умершего, помнил будто бы множество деталей времен своей молодости. Он называл некоторых рыцарей, графов и князей по имени, напоминал им о том, когда и при каких обстоятельствах они встречались. Все это было настолько правдоподобно, что многие признали незнакомца и были готовы подтвердить под присягой, что он не кто иной, как маркграф Вольдемар, и, стало быть, тридцать лет назад он вовсе не умер, а отправился паломником в Святую землю, чтобы предаться покаянию за грехи.

Карла позвали в Бранденбург в качестве третейского судьи. Прибыв туда, он сейчас же заставил рыцарей, графов и князей, «узнавших» Вольдемара, принести присягу в подтверждение того, что этот человек и есть настоящий маркграф бранденбургский и, стало быть, они признают его своим ленным господином. Такую присягу дали почти все. Вольдемар с согласия Карла вступил во владение частью Бранденбурга. Разумеется, не даром, а уступив Карлу Нижнюю Лужицу, сразу же присоединенную к чешской короне.

Какую роль в этой истории играл Карл? Обвинить его в том, что он сам нашел подходящего человека и заставил стать его Лжевольдемаром, никто не отважился. Но был ли это в самом деле бывший маркграф? Карлу, вероятно, это было безразлично. Он просто воспользовался удобным случаем нанести Людовику Бранденбургскому сокрушительный удар, поставив под сомнение правомочность его правления в Бранденбурге, куда его назначил отец, покойный император Людовик Баварский. Людовик оказался почти в одиночестве, потому что из семи курфюрстов его теперь поддерживал только один — собственный дядя, рейнский пфальцграф Рудольф.

Вольдемар — был ли, не был он настоящим герцогом — обладал всеми манерами богатого феодала: умел хорошо одеваться, любил веселые пирушки, щедро раздавал привилегии, подарки и обещания. Он поселился в своем — или же присвоенном им — замке и под покровительством Карла вел жизнь настоящего владыки.

Карл пребывал то в Бранденбурге, то в Лужице, то в Баварии, стараясь осадой сломить сопротивление города Котбуса, который не желал признавать его королем, принимая почести от жителей Нюрнберга и ведя переговоры с саксонскими герцогами, чтобы отвратить их от союзничества с Людовиком Бранденбургским. И тут пришла страшная весть из Праги.

Его юная супруга, чешская королева Бланка, подруга его детских лет, проведенных в Париже, и мать двух его дочерей, Маргариты и Катерины, скончалась...

В это невозможно было поверить. Весной, перед отъездом Карла в Моравию и в Германию, она выглядела такой счастливой, беззаботной, полной радужных надежд на будущее. Что же случилось, что стало причиной нежданного несчастья? Трагический случай? Или же «черная смерть»?

Карл в тот день не ел, не пил, ни с кем не говорил, не сомкнул ночью глаз. Все его детство было связано с ней. Как любил он беседовать с Бланкой, слушать ее пение, шутливо препираться! Сколько раз шагали они рука об руку еще детьми-супругами за французской королевской четой, возвращающейся с богослужения или отправляющейся на придворный бал. Она была его партнершей на уроках танцев, он обходил ее мелкими шагами, держа ее ручку в своей, а она поглядывала на него, зная, что она — супруга этого чешского принца и однажды отправится вместе с ним далеко-далеко, в незнакомую, лежащую за тридевять земель страну, откуда происходят могучие рыцари и где, говорят, подолгу тянутся темные, суровые зимы. Словно наяву видит он ее в тот день, когда она села в золоченую карету рядом с графиней д'Орей, чтобы последовать за Карлом в Люксембург. До сих пор слышит он ее голос, слова, которые ему открыли впервые в жизни, что он связан с ней глубже и интимнее, чем он до сих пор предполагал: «Если рядом нет тебя, я чувствую себя совсем одинокой, будь у меня хоть десять свит и танцы каждый день». Боже мой, что же с ней случилось?

С весны по всей Европе распространилось страшное моровое поветрие, получившее грозное имя «черной смерти». Она выползла из южных портов — говорят, ее завезли из Азии венецианские купцы — и пошла шагать по Неаполю и Марселю, Риму и Венеции, Са-

войе, Бургундии и Северной Италии, оттуда торговыми путями зараза перекинулась в Тироль, Баварию, Швейцарию, Австрию, Венгрию, Рейнскую землю и Брабант и дальше, дальше на север, к границам Чешского королевства. Карлу приходилось проезжать через вымершие деревни с тоскливо воющими тощими собаками и голодным скотом, лишившимся хозяев. Распахнутые ворота свидетельствовали об ужасе тех, кто, бросив дом, бежал в тщетной надежде спасти самое драгоценное — жизнь. Недалек был их путь — тела валялись в придорожных канавах, неподалеку от кладбищенских стен, скрюченные, почерневшие, безобразно вздутые, смрадные. На площадях горели костры, дымом которых люди хотели отогнать заразу. Гудели колокола, если в селении еще были живы звонари. Какие-то сумасшедшие брели по пустынному краю вдоль заброшенных полей. Они пели печальные песни и стегали до крови друг друга плетками с острыми крючками на конце — смывали вину и грехи, за которые бог наказал людей. Некому было хоронить мертвецов: и врачи, и сердобольные монахи и монашки лежали среди тех, кто ждал от них помощи и спасения. Были случаи, когда обезумевшие от голода несчастные резали собственных детей. Не было ни еды, ни людей, которые бы собрали зерно, испекли хлеб, привезли фрукты и овощи.

Несколько чешских студентов в страхе ринулись из Болоньи на родину. Они ночевали в лесу и в поле, добывали еду в покинутых домах, пили воду из заброшенных колодцев, заваленных листвой, затянутых паутиной. Дня не проходило, чтобы кто-либо не умер; оставшиеся в живых в страхе бежали дальше, а «черная смерть» шла за ними по пятам. Домой добрался один-единственный, чтобы рассказать, предупредить, напугать...

Улицы Нюрнберга, где в это время находился Карл, оглашались заунывными песнопениями бичующихся; люди, подстрекаемые ложными слухами, бросались на торговцев, чьи караваны якобы занесли мор. Двери домов были забиты досками и завалены бревнами, никто не отваживался заглянуть к соседу или принять гостя.

Вести с родины были более благоприятными — по крайней мере, мор не свирепствовал там с такой же

силой, как в Италии, Франции, в немецких землях и в Испании. Возможно ли, что его жертвой стала именно Бланка?

Карл не мог вернуться на родину, чтобы принять участие в похоронах. Путь слишком долг, а откладывать похороны нельзя. К тому же нужно было пресечь последнюю и самую опасную попытку Людовика Бранденбургского, решившего пренебречь моровой язвой и призвать к себе верных, хотя и не правомочных курфюрстов, чтобы избрать в пику Карлу нового римского короля. Людовик не нашел никого, кто бы согласился играть такую неблагоприятную роль, кроме весьма странного рыцаря, скорее, наемника и авантюриста Гюнтера фон Шварцбурга. На редкость бесстрашный, этот человек владел лишь несколькими деревнями да кучкой головорезов, с которыми он за деньги поступал на службу то к одному, то к другому воюющему дворянину. Сомнительное предложение Людовика рыцарь охотно принял, потому что терять ему было нечего.

Карлу же было что терять. Он знал, что большинство немецких дворян готовы поддержать кого угодно до той поры, пока не найдется другой, кто предложит большую сумму. А поскольку свои владения они сохраняют либо расширяют, прибегая то и дело к судебным тяжбам, сомнительным наследственным комбинациям и откровенному насилию, им, конечно же, не по вкусу сильный монарх, желающий ввести твердые правовые нормы и пресечь грабежи. Карл — они хорошо знали это — именно такой правитель.

Если Карлу не удастся быстро и решительно разделаться с этим антикоролем, начнутся закулисные интриги. Зачастая к нему князья, герцоги и рыцари и будут вымогать деньги в награду за поддержку, требовать привилегий, которые волей-неволей им придется выдавать, хотя это и подрывает могущество Карла. В противном случае они обратятся к Гюнтеру фон Шварцбургу, а тот сразу же представит им любые льготы.

Карлу пришлось воспользоваться наемниками, употребив деньги, присланные из Чехии, так, как когда-то делал его отец. Гюнтер тоже нанял войско, почти

столь же многочисленное, получив ссуду от Людовика Бранденбургского и его союзников, и разбил лагерь в Рейнской земле, против лагеря Карла.

Противостояние враждующих сторон длилось несколько дней. Гюнтер не отваживался начать сражение, хорошо зная воинские доблести Карла. Карл же колебался, поскольку перевес его не настолько велик, чтобы быть уверенным в победе, по крайней мере, в столь убедительной, которая уже не позволила бы Гюнтеру оправиться.

Однажды ночью в лагере противника поднялся шум, а наутро Карл обнаружил, что Гюнтер со своим войском исчез. Опытный вояка понял, что у него нет шансов на успех, и укрылся в городе Эльтвилле — под защитой крепостных укреплений он решил измотать Карла длительным сопротивлением и потом выскользнуть из окружения, понимая, что Карл не решится на затяжную осаду, иначе все его деньги уйдут на оплату наемников и появятся новые недруги, которые сразу сообразят, что у Карла нет достаточной военной силы, раз он так долго возится с Эльтвиллем.

Карл читал мысли Гюнтера, как свои собственные, и поневоле вынужден был предпринять какой-то шаг, чтобы закончить борьбу. Он решился прибегнуть к хитрости, нелегко ему было пойти на это. Голос совести отговаривал от задуманного, воскрешая в памяти сновидение в Таренцо, предостерегавшее его от бесчестных поступков. И благородное воспитание, и желание быть верным данному слову, и опасение запятнать себя в глазах людей — все противилось этому намерению. Да и с папой следует считаться, нельзя отталкивать его: и так уже возникло немало недоразумений. И все-таки иного выхода не оставалось, иначе бы Карл проиграл. Проиграл бы схватку, а значит, всю свою жизнь. Быть может, ему вспомнилась судьба его предка — несчастного, преданного панами «железного» и «золотого» короля Пржемысла Отакара II? Как тут не вспомнить о нем! Карл стоял на роковом распутье, нужно было решаться.

Неожиданно для всех Карл заключил перемирие со своим главным соперником — Людовиком Бранденбургским. Тот пообещал признать Карла римским королем,

а Карл взамен возвратил ему ту часть Бранденбурга, которая была отторгнута в пользу Лжевольдемара. Так оба предали своих подопечных: Людовик — Гюнтера, Карл — Вольдемара. Далее последовал еще более предосудительный маневр. Карл поспешил к мангеймскому архиепископу, ярому противнику любых уступок Людовику Бранденбургскому, с клятвенным уверением в том, что никакого соглашения не было и в помине.

С обеих сторон предательство следовало за предательством, но Карл взял верх. Его победа вдобавок была как бы подтверждена последовавшей вскоре смертью Гюнтера фон Шварцбурга; в немецких землях империи не оставалось теперь никого, кто бы противостоял Карлу. Но чтобы это не повторилось впредь, Карл предпринял еще один, совершенно неожиданный шаг, не менее удивительный и возмутительный, чем стговор с Людовиком Бранденбургским. После весьма кратких приготовлений он женился на дочери Рудольфа Пфальцского, того самого, который единственный из курфюрстов поддерживал Людовика Бранденбургского в его поисках подходящего антикороля.

Теперь на стороне Карла оказались все курфюрсты и не было никого в Священной Римской империи, кто бы мог с ним соперничать. Наконец-то! Свою победу Карл отпраздновал с небывалым размахом. Хотя римским королем он был коронован в Бонне два года назад, полного удовлетворения у него не было, потому что церемония возведения в достоинство римского короля с незапамятных времен происходила в Ахене, где когда-то был коронован Карл Великий.

Карл считал необходимым устроить эти торжества там. И снова, как в Бонне, корона римского короля была возложена на Карла архиепископом Балдуином.

Коронация в Ахене была коронацией истинного римского короля, признанного всеми правителями Священной Римской империи. В ней приняли участие даже недавние враги; Людовик Бранденбургский при этом спорил с графом Вильгельмом Юлихским за право нести во время обряда символ монаршей власти — скипетр Карла. Карл принял мудрое решение: при церемонии в храме скипетр нес Людовик, при публичном воздавании почестей дворянством, духовенством и богатыми горожанами — Вильгельм Юлихский.

Карл с грустью вспоминал о Бланке, которая должна была бы сидеть на троне рядом с ним. На ее голову должна была быть возложена корона римских королей, так же как год назад диадема чешских правительниц. Карл искоса посматривал на девичью головку рядом — увы, другая прелестная молодая женщина, не Бланка...

Пожалуй, впервые в жизни он с такой силой осознал скоротечность бытия, стремительность бега беспокойных лет, странную неудовлетворенность исполнившимися замыслами, превратности человеческой судьбы. Он достиг высшей власти, такого положения, о каком мало кто из смертных осмеливался мечтать, — он на вершине пирамиды европейского христианского мира, он одержал верх над всеми соперниками, он молод, здоров, богат. Казалось, он мог быть счастлив.

Но счастлив он не был. На каждом шагу Карл чувствовал, что его положение ничуть не менее шатко, чем до триумфа. С папой отношения стали едва ли не враждебными; вместо того чтобы помочь ему свергнуть и вырвать с корнем род Людовика Баварского, Карл заключил мир с его сыном и взял в супруги его двоюродную сестру, хотя папское проклятие распространялось на все семейство Людовика. Карл не исполнил ни одного из обещаний, данных папе во время встречи в Авиньоне три года назад, когда было решено избрать Карла в противовес Людовику Баварскому. Он и не мог выполнить эти требования папы — подчинить светскую власть курии, ибо восстановил бы против себя самых влиятельных правителей и самые богатые города, давно уже недовольные папской политикой, особенно непрерывно увеличивающимися размерами церковной десятины, назначением высших служителей церкви единолично папой в странах, в которых он не правил, обусловленными этим правом папскими притязаниями на подати. Нет, если бы Карл пошел навстречу пожеланиям папы, он подрубил бы сук, на котором сидел.

К счастью, европейские владыки, светские и церковные, не могли заглянуть в его сокровенные мысли. Они видели только гордый взлет и парение орла, блеск королевства и маркграфства, расцвет чешской земли,

которая заслугами и тщанием Карла выдвинулась на первое место среди государств Священной Римской империи. О, если бы так было всегда!

Карл возвращается в родную Прагу

В НЕМЕЦКИХ землях Священной Римской империи Карлу было не по себе, он мечтал об отчем доме, о родной Праге, о Чешском королевстве, которое любил больше любой другой страны. В нем находил он благодатное поле для своей государственной деятельности. Еще не были выкуплены все королевские имения и замки, еще нужно было взыскать с кутногорских рудокопов и монетчиков старые долги — казна требовала новых поступлений. Без твердых позиций в крепком Чешском государстве его власть римского короля была бы одним миражем.

Сначала Карл торжественно, в присутствии видных чешских панов и заграничных гостей, короновал новую супругу чешской королевой. Он добился от ее отца, Рудольфа Пфальцского, передачи под свое начало земель, принадлежавших ей в качестве наследства, и присоединил их к Чехии. И хотя на этих землях обитали немцы, Карл посадил там чешских управляющих, полагая, что так будет куда надежнее. Тот же аргумент Карл изложил папе в просьбе о разрешении направить туда и чешских духовников.

Не прошло и года, как Анна родила сына, в честь Карла нареченного Вацлавом. И в честь давнего предка, имя которого носила чешская корона и Пражский град и о котором была написана не одна легенда, сохранившаяся в книгах библиотеки епископа Яна.

Карл частично искупил свой обман, к которому ему пришлось прибегнуть в борьбе против Гюнтера фон Шварцбурга, вернув Людовику Бранденбургскому бранденбургское маркграфство и признав за ним право курфюрста. Он запретил мстить Вольдемару и дал ему во владение небольшой замок и приличный доход, так что этот странный человек смог провести остаток своих дней в полном благополучии.

Брату Яну Йиндржиху Карл возместил потерю Тироля, от притязаний на который он окончательно отказался по соглашению с Людовиком Бранденбургским. Он выделил Моравию в качестве лена и назначил брата моравским маркграфом; вскоре Ян Йиндржих снова женился, на этот раз, видимо, счастливо.

Была еще одна причина, лишавшая Карла полного удовлетворения от завоеванного титула римского короля. По давней традиции коронационные регалии, некогда принадлежавшие Карлу Великому, хранились в замке, которым владел вновь избранный римский король или император. Регалии и другие драгоценности и священные предметы все еще находились в руках Людовика Бранденбургского. Решись этот вероломный человек на предательство и новые интриги, он мог бы использовать престиж королевских регалий для привлечения на свою сторону курфюрстов; кто знает, какую роль они могли бы сыграть в той или иной ситуации. Римского короля, не владеющего коронационными регалиями, можно объявить незаконно коронованным. Ведь и в Бонне, и в Ахене Карла короновали дубликатами подлинных, сделанными на скорую руку специально для этого события.

Получив во владение Бранденбург, Людовик, правда, торжественно обязался прислать священные регалии в Прагу. Так на самом деле и произошло. Карл сразу же потребовал выполнить обещание, пока Людовик не пошел на попятный, пока не успел придумать нового коварства, пока его опять не восстановили против Карла. Разгневанный папа мог бы снять проклятие с виттельсбаховского рода и призвать к избранию нового римского короля. Кто знает?

Что же поведал хронист об этом событии, столь важном не только для Карла, но и для Чешского королевства, и особенно для столицы Праги?

Его величество король, призвав сына Людовика Баварского в Прагу, в присутствии князей договорился с ним о том, что священные императорские регалии будут доставлены ему в Чехию. Потом его величество направил торжественное посольство в Баварию, в Мюнхен, за этими священными предметами, и, когда они были доставлены, его величество король на вербное воскресенье с господином архиепископом, с князьями и дворянами, равно как и со всем духовенством, в со-

провождении огромных толп народа, пешком вышел навстречу святым драгоценностям в Вышеград, исполненный великой славы и набожности. И были эти драгоценности после проповеди показаны всему народу в Нове Месте, а потом процессия двинулась в Пражский град. Священные императорские предметы суть следующие: большой кусок деревянного святого креста, копье, которым был пронзен на этом кресте бок господень, гвоздь, которым господь был прибит к этому кресту, императорская корона святого Карла и меч, который был ниспослан ему с небес через ангела для борьбы с неверными, мощи святой Анны и многие другие предметы, которыми владели императоры.

Вскоре Карл добился разрешения папы на особый церковный праздник, во время которого императорские регалии будут выставляться для всеобщего обозрения, а паломникам со всех концов света по этому случаю будут раздаваться индульгенции об отпущении грехов. Это была огромная привилегия, и очень доходная: десятки тысяч паломников приходили в Прагу поклониться священным предметам и, стало быть, платили большие деньги за жилье, еду и прочие услуги, необходимые путешествующим.

Для постоянного хранения императорских регалий и чешских королевских грамот два года назад стали возводить особый замок, названный Карлштейн. Первый камень, заложенный в фундамент, освятил архиепископ Арношт. Карл был тогда на чужбине — готовился к решающему сражению со своими недругами. Карлштейн строили в долине реки Бероунки, на высокой скале. Окруженный мощными, неприступными оборонительными стенами, замок отличался необычным, единственным в своем роде соединением зданий. Самое приземистое из них предназначалось для жилья и обороны, среднее заключало торжественные залы для приемов и королевские покои, третье, самое высокое, часовню Святого Креста, подлинную жемчужину среди всех европейских часовен, на сводах которой было изображено небесное царство с мириадами звезд, солнцем и луной. Художественная мастерская знаменитого живописца Теодорика получила заказ изготовить множество портретов светских и духовных владык и святых, другая не менее известная мастерская работала над украшением фресками галерей и залов; золотых

дел мастера готовили искусные подсвечники, сосуды; алтарные двери и драгоценные ковчеги для хранения святых мощей. Как только замок будет окончательно завершен, ничто в христианском мире не сможет соперничать с ним красотой и превзойти его мощью. Так задумал Карл, ни на минуту не выпуская из поля зрения строительство своего уникального детища.

Теперь Карлу не хватало только одного: торжественной поездки в Рим, в легендарную столицу античной империи, город, поныне считающийся единственным местом, где на голову римского короля может быть возложена императорская корона. Ведь не каждый законно избранный римский король становится императором, а лишь тот, кто отправится в Рим и будет там коронован либо самим папой, либо одним из кардиналов, назначенным для этой миссии Святым отцом.

Но как осуществить такую поездку, если до сих пор кредиторы его отца удерживают в качестве залога некоторые королевские замки и города, а часть отчеканенных серебряных грошей посылается тем, кто Яну, да и самому Карлу ссудил деньги на затяжную борьбу в империи, на дорогостоящее строительство и содержание двора? Карл понимал, что двигаться в Италию с малочисленной армией нельзя, он слишком хорошо знал нравы этой страны, денег же на большое войско у него не было. Но пуще всего он боялся разгневать папу, своего бывшего покровителя Климента VI, который не желает коронации Карла императором потому, что тот не стал послушным орудием в утверждении папского господства над всей светской властью.

С другой стороны, Карл отлично понимал, что Святой отец не выступит против него сейчас. Кроме Карла, нет у папы во всей Священной Римской империи никого, кто хотя бы немного заботился о мирном сосуществовании светской власти с церковной — без взаимных угроз, клеветы и проклятий. И потому между обоими установилось негласное примирение, пусть шаткое, напряженное, — оба выжидали, как события будут разворачиваться дальше.

Между тем моровая язва отступала. После снежной зимы пришла влажная, теплая весна. Поля дружно

зазеленели всходами, а над лугами целыми днями заливались жаворонки. Тучи бабочек кружились над садами, из рощ доносилось кукование кукушек, весело журчали ручьи, реки несли свои чистые воды, год обещал быть урожайным, спокойным и мирным.

Государственные заботы, великие и малые, обуревали монарха. Чтобы обеспечить стране надежный мир и пресечь грабежи, которые до сих пор нет-нет да омрачали покой, многообещающе воцарившийся над соломенными крышами деревень и зубчатыми стенами

городов и замков, Карл вынужден был время от времени выступать в поход со своим отрядом, чтобы наказать нарушителя земских законов. Или же созывал земский суд и решал, как устранить несправедливость. Но главное, он поручил ученым мужам, в большинстве церковникам, составить, используя древние грамоты и кодексы, новый свод законов.

Карл распорядился, чтобы писари изготовили для него копии исторических хроник, хранившихся в монастырских библиотеках, затребовал кодексы из епископской резиденции и углубился в их изучение; повелел Франтишеку Пражскому внимательно их прочитать и отныне тщательно фиксировать все знаменательные события вплоть до сегодняшнего дня.

В свободные вечера Карл брался за гусиное перо, требовал принести чернила и хорошо выделанный пергамент. Задумчиво смотрел на чистые листы, прежде

чем тщательно вывести заглавную букву, написать первую фразу, а затем быстро принимался заполнять страницу за страницей. Карл записывал на латыни историю своей жизни, желая оставить потомкам руководство, как жить честно, во славу бога и людей, как преодолевать искушения и открывать путь справедливости, как править мудро и законно, как стать гордостью своего народа и достичь воздаяния на небесах.

Но еще долго судьба не позволяла ему завершить задуманное. Весной 1350 года в Прагу из Италии прибыл необычный гость.

Пражский аптекарь, родом из Флоренции, потому и прозванный Флорентийцем, владелец большого сада с разнообразными, с великим тщанием выращенными лекарственными растениями, попросил однажды аудиенции у Карла.

Визит был кратким. Флорентиец хлопотал о покровительстве и приюте для весьма удивительного человека — Кола ди Риенцо. Это имя было знакомо Карлу, три года назад оно гремело по всей Европе. Римский нотариус, знаток античной литературы, защитник бедных, блестящий оратор и страстный сторонник возрождения древнеримской империи со столицей Римом, Кола ди Риенцо грезил о славе античности, восторгался древними поэтами и философами, величием Древнего Рима и сам мечтал стать властителем мира, как Цезарь полтора тысячелетия назад. Ему удалось поднять на восстание пополанов, беднейших жителей Рима, и на несколько месяцев овладеть «вечным городом». Возгордившийся, в пурпурной тоге, разъезжал он на белоснежном коне по улицам Рима и искренне верил, что возрождение Древнего Рима уже состоялось. Он даже направил Людовику Баварскому и Карлу послание с требованием явиться в Рим и объяснить, почему они без его разрешения присваивают себе титулы римского короля и императора. Разумеется, ни император Людовик, ни король Карл не сочли нужным отвечать на послания; впрочем, они были заняты взаимным выяснением отношений.

Кола ди Риенцо, однако, допустил много промахов. Поскольку он обещал римскому народу мир, он приказал сдать оружие в наивной надежде, что его примеру

последуют противники его правления и тоже отложат оружие в сторону. Но не тут-то было. Враги осадили Рим, прервали снабжение города продовольствием, и в Риме начались волнения. Осыпаемый упреками, гордый Кола ди Риенцо отказался от титула трибуна и ушел в Аbruцские горы на покаяние. Там он повстречал некоего безумного, называвшего себя ясно-видцем и ангелом, и поддался его уверениям о скором конце царства дьявола и начале царства божьего во главе с просвещенным, мудрым и сильным правителем. Кому же быть этим правителем, как не божьей милостью королю римскому, королю чешскому Карлу, слава о котором уже разлетелась по всей Европе?!

В сердце отчаянного реформатора опять зажглась надежда. Кола ди Риенцо покинул горные пещеры и направился в Прагу, чтобы уговорить Карла двинуться в Италию, установить власть над «вечным городом» и встать во главе империи, которая бы продолжила традиции Древнего Рима.

Особого желания принимать в Праге этого фанатика у Карла не было, тем более что три года назад папа предал Кола анафеме: нельзя оказывать помощь такому человеку. Несмотря на это Карл все-таки дал приют итальянцу, рассчитывая вынудить Святого отца к уступчивости. «Я выдам ему Кола ди Риенцо, — рассуждал Карл, — и потребую взамен разрешения короноваться в Риме императором».

Чтобы избежать папских проклятий за сокрытие отлученного от церкви, Карл послал письмо Клименту VI, в котором сообщал, что Кола в его руках, но что он дал слово рыцаря защищать его. Тем самым Карл предохранил себя от гнева Святого отца, теперь его не упрекнешь в тайном сокрытии еретика, и одновременно избавился от необходимости отправлять итальянца к папе, где того ожидала неминуемая смерть на костре.

Вскоре в Прагу прибыли папские легаты с прежним требованием — выдать Кола. И снова Карл направил своих послов с объяснением, что не может нарушить данное обещание; он стремился затянуть дело и вырвать у папы согласие на римскую коронацию.

Карл разрешил Кола выступить перед собранием высших служителей церкви, надеясь, что этот блестящий оратор, прекрасно владеющий латинским языком, сумеет увлечь их своими суждениями. Кола в самом

деле поразил церковников превосходной латынью, перемежаемой множеством цитат из античных авторов, но не смог убедить их ни в особой, предначертанной самим Небом миссии Карла, ни в приближении конца церкви и начале нового миропорядка.

Вывод этого собрания под председательством архиепископа Арношта гласил: Кола ди Риенцо еретик и должен быть заключен в тюрьму.

Карлу такое решение было весьма на руку. Уж теперь-то папе не обвинить его в том, что он не хочет выдать еретика для заточения в церковную тюрьму. Это Карл мог сделать и сам. Тюрьма, в которую заключили Кола ди Риенцо, даже отдаленно не напоминала ту, которая ожидала бы его в Авиньоне. Там он без всякого снисхождения был бы закован в цепи, брошен в темницу, мучим голодом, по щиколотку в воде, среди полчищ крыс, пока однажды не пришли бы за ним надсмотрщики, чтобы вывести на дневной свет, привязать к поленнице дров и сжечь. В Праге его узилище ничем не отличалось от обычного жилья, он мог читать, переписываться с друзьями в Италии, принимать гостей, сочинять проекты об устройстве мира.

Папа снова и снова требовал выдать Кола, а Карл с тем же постоянством отвечал, что Кола находится в тюрьме и потому церкви не опасен.

До открытого конфликта с папой не дошло: Карла опять выручила судьба — правда, на этот раз в виде жестокого возмездия за прегрешения, каковыми, несомненно, были его предательские переговоры с Людовиком Бранденбургским и коварные интриги, связанные с мнимым герцогом Вольдемаром. Осенью 1350 года он опасно заболел.

*Четыре года
Карл не покидает
Чешское королевство*

ДАЛИ знать себя старые раны, полученные в итальянских и тирольских сражениях, многочисленные ночевки на сырой земле во время походов, когда одеялом служил боевой плащ, а подушкой — шлем; сказались последствия перенесенных на ногах

частых простуд и лихорадки, подхваченной Карлом в болотах Литвы; не обошлось даром и долгое пребывание в замке, в залах которого сыро и холодно даже в самые жаркие летние дни. Все это, вместе взятое, в конце концов одолело закаленный, выносливый организм воина.

Однажды осенним утром Карл проснулся от жестоких болей, в жару, бессильный встать с постели, сотрясаемый судорогами и лихорадкой.

Тотчас был призван к его ложу врач, чтобы пустить кровь и облегчить страдания, наложить на поясницу повязку с горчичным семенем, а на лоб — мокрый компресс, прописать различные зелья и мази. Аптекарь Флорентиец немедленно поставил двору самые дорогие лекарства. Это были редкие травы, собранные в майское полнолуние ровно в полночь (сборщик обязательно должен быть обращен лицом на восток); корни, выкопанные в первое предрождественское воскресенье, высушенные в безветренную погоду в тени и хранившиеся в белом вине нынешнего урожая; семена пяти растений, цветущих в разгар лета; высушенные незрелые маковые головки.

Архиепископ Арношт приказал днем и ночью служить молебен в святовацлавской часовне незавершенного огромного собора, возглавил шествие к святым мощам, сделал вклад в десять серебряных гривен збраславскому монастырю на богослужения во имя выздоровления короля. Несколько дней он не покидал королевский дворец, чтобы быть готовым приобщить и соборовать Карла, если приблизится его последний час.

Сумрачно было осенью в Пражском граде. Печально плыл колокольный звон над Малой Страной, над Старе Местом, над Нове Местом пражским. Весть о болезни короля разлетелась по всей стране и наполнила печалью и сомнениями простой люд. Правление Карла уже давало себя знать сокращением различных злоупотреблений и насилий. Мало кто осмеливался нападать на купеческие обозы с товарами, реже стали случаи своевольного сведения счетов между панями в ущерб подданным, не так-то легко стало облагать необоснованными налогами и пошлинами городскую бедноту, как это было при короле Яне. Если умрет Карл, кто станет его преемником? Малолетний Вацлав?

Или опять наступит панский произвол? Вспыхнет борьба за чешский трон, настанут нищета и голод?

Карл впал в забытие, но, даже приходя в себя, не различал лиц находившихся рядом. Часто бредил. Ему казалось, что он сидит в седле боевого коня, а вокруг — вражеские знамена. Из мрака вдруг проступали чьи-то физиономии, и чужие, искривленные злобой губы шептали угрозы. Он слышал голоса ангелов и калялся в своих прегрешениях. Являлся ему покойник отец с предупреждением: «Не верь снам!» Издалека звучал голос, певший по-чешски колыбельную, которую пела ему мать и которую он напрочь забыл. Он видел Бланку четырнадцатилетней, приготовившейся к дальней дороге, прощающейся с Изабеллой на крепостном рву парижского королевского дворца. Дядюшка Балдуин в роскошном облачении архиепископа наставлял Карла торжественным, проникновенным голосом: «Ты едешь, милый сын мой, чтобы вступить в борьбу. В борьбу кровавую и бескровную, и будет она длиться всю твою жизнь...»

Карл пытался встать, схватить меч и, размахнувшись им, разогнать призраки. Он хотел что-то сказать, но тут же забыл, что именно. Его снова уложили, дали целебное питье, положили компресс, пустили кровь. Долго не приходило исцеление, несколько недель находился король между жизнью и смертью, и только когда зима пошла на убыль, врач мог наконец-то с облегчением сообщить королеве Анне и архиепископу Арношту, всему двору и высшей знати, что смертельная опасность миновала и жизнь римского и чешского короля Карла волею providения сохранена на благо Чешского королевства и Священной Римской империи.

Радостная весть! Масленицу встречали уже без опасений за здоровье короля, наступившая весна вливала новые силы в его тело, яснее становилась мысль, его распоряжения и приказы снова звучали во дворце, и снова под его руководством вершились государственные дела. Правда, не так, как год, два, три назад. Лишь изредка Карл появлялся на людях, шел, опираясь на костыль, каждый шаг сопровождался болью. И все-таки все свидетельствовало о том, что король скоро снова возьмет бразды правления в свои руки, чтобы судить и решать, казнить и миловать.

Еще одного удара судьбы не смог он избежать,

удара тем более болезненного, что им была перечеркнута надежда на продолжение рода по мужской линии: маленький, не достигший двухлетнего возраста сын Вацлав неожиданно умер от высокой температуры и удушья.

«Жестоко караешь меня, всемогущий», — хотелось крикнуть Карлу, но покорно согнулся он, ушел в себя — не приличествует смертному возносить к небесной тверди богохульные речи.

Королева Анна с той поры тихо угасала рядом с медленно выздоравливающим мужем. Она так и не смогла оправиться после потери столь желанного своего ребенка.

К государственным заботам, к которым Карл постепенно возвращался, добавились будоражащие письма от Франческо Петрарки. Имя славного поэта, давно увенчанного лаврами, было, конечно, знакомо Карлу, равно как имя Карла — Петрарке. Но ни тот ни другой не подозревали, что судьбы их в будущем соприкоснутся. Первая искусно сочиненная, пространная и настойчивая эпистола прибыла в Прагу зимой, когда Карл только-только начинал оправляться от жестокой болезни.

Поэт был уверен, что в ответ на его призыв Карл двинется во главе могучего войска в Италию, захватит Рим, объявит себя главой всех стран, входивших некогда в состав древнеримской империи, и тем самым обновит ее былую славу.

Италия никогда не ожидала с такой радостью прихода иностранного государя. Безграничной притягательностью — знаешь ли ты об этом? — пользуется у нас твоя величавость... Благодаря неисповедимой благосклонности божьей ныне впервые после стольких столетий в твоей особе возвращен нам наш Август. Я знаю, что тебе по душе действия, достойные императора, и ты по праву император. Тебя единственного призываем, зреть твой небесный облик желаем.

Письмо Петрарки было столь лестно, что Карлу пришлось взять себя в руки, чтобы подавить вспыхнувшее тщеславие. Опыт, полученный в Италии, предостерегал его. Если бы он не знал, что скрывается за этими призывами, может быть, он и допустил бы безрассудную ошибку, как некогда его дед, император Генрих, и двинулся бы в поход на Рим, и тогда рас-

транжирил бы все свои деньги, вызвал бы всеобщее недовольство и восстание, обострил вражду между гибеллинами и гвельфами, ввязался в войну с неаполитанским королевством, навлек на свою голову папское проклятие и в результате потерял бы свое собственное королевство. «Нет, фимиам на меня не действует, знаю я сладкие речи, зачастую скрывающие тайный яд!»

Он ответил Петрарке не столь возвышенно и — отрицательно, объясняя, что современная Италия не имеет ничего общего с могущественным Древним Римом, мир с тех пор давно изменился, и всякий шаг, любое действие должно тщательно взвешивать, чтобы не оказаться в таких обстоятельствах, которые могли бы ему многого стоить, даже жизни.

Петрарка продолжал слать письмо за письмом, и все они были продиктованы одной и той же целью: Петрарка был ближайшим другом Кола ди Риенцо, их объединяла общая мечта о возрождении древнеримской империи. Поэт знал о пражском заточении Кола из переписки с ним, и его обнадеживало отрицательное отношение Карла к требованию папской курии о выдаче узника.

Карл не хотел отказать Петрарке слишком резко. Намеки, казавшиеся обещанием, помогали держать в напряжении папу, который опасался императорской власти над Римом. С другой стороны, слишком явно посулить что-то Петрарке было неразумно — это наверняка станет известно всей Европе и принесет Карлу одни неприятности. Поход на Рим вряд ли мог вызвать сочувствие в немецких землях, поскольку потребовал бы много денег и Карлу пришлось бы заглянуть в кошельки немецкого дворянства. Кроме того, не ясно было, как повел бы себя в такой ситуации французский король, никогда не желавший иметь по соседству мощную империю.

У Карла было слишком много забот дома, в собственном наследном королевстве Чешском, чтобы тратить силы на химерические затеи. По-прежнему не выкуплены многие замки, не выплачены долги, не ликвидированы многочисленные откупы, по которым частные лица собирали государственные налоги, пошлины и подати. Все еще существовали лютые панские распри, и многие паны отваживались на разбойничьи захваты окрестных земель. Еще до конца не оправившись от бо-

лезни, Карл был вынужден выезжать верхом во главе вооруженных отрядов, чтобы наказать мятежника, сровнять с землей его замок, вынести приговор предателю. Многие рыцари, жившие в пограничных районах, становились откровенными грабителями, переходили через границу в Саксонию или в Баварию к тамошним рыцарям-разбойникам и нападали то на купеческий обоз, то на город, то на деревню, деля добычу и предоставляя друг другу убежище в случае опасности.

Но наибольшие злоупотребления допускали самые влиятельные паны.

Когда один из Витковцев, пан Вилем из Ландштейна, возвратил, наконец, Карлу замок Глубока с окрестными лесами, полями и селениями, которые были отданы ему королем Яном за денежную ссуду, это настолько рассердило его родственников — Рожемберков и панов из Градца, что они выступили против Вилема с оружием в руках. В Южной Чехии началась настоящая война, она перебросилась в Моравию и даже в Австрию, где обитал влиятельный род Кюнрингов, с которыми некоторые Витковцы были породнены давними браками.

Витковцы поднимались однажды против Пржемысловичей, это случилось в прошлом столетии. Один из них, пан Завиш из Фалькенштейна, когда-то предал «железного» и «золотого» Пржемысла Отокара, которому из-за этого удара в спину пришлось покориться Рудольфу Габсбургскому. Впоследствии чешский король погиб в сражении с превосходящими силами немцев, причем командиром резервного полка, в решающий момент не вступившего в бой, был тоже Витковец — Милота из Дедиц. Опыта по части предательства, как видно, этому роду не занимать!

Карл не мог допустить, чтобы в его королевстве велись междоусобные войны, да еще с участием чужеземцев. Он отправился в Южную Чехию и разгромил рожемберкские отряды и их союзников — панов из Градца. Стране это приносило дополнительные тяготы, деревни разорялись, за панские распри расплачивались, как всегда, простые люди. С большим трудом удалось Карлу заставить Витковцев прийти к взаимному согласию.

...Эти трудные годы отняли много сил, к тому же Карл все еще ощущал последствия перенесенной болезни. По-прежнему его мучали внезапные боли и ломота в суставах; целые дни, особенно осенью, проводил он в постели подавленный, удрученный. А ведь надо было принимать и отправлять послов, чтобы примирить поссорившиеся города в Швабии и рассудить споры между саксонскими графами, одарять привилегиями пражских купцов, распорядиться, чтобы краковские купцы не смели заезжать во Вроцлав, потому что польский король Казимир препятствует вроцлавским торговать на востоке. Карл повелел издать указ, чтобы в Бεροуне из двенадцати членов магистрата было шесть дворян и шесть цеховых мастеров, ибо дворянство не желало допустить цеховых мастеров к управлению городом. Карл приказал следить за соблюдением мер и весов, а также чтобы чужеземные торговцы, перейдя границу, направлялись прежде всего в Прагу и здесь предлагали свои товары по строго установленным ценам. Из Бургундии по повелению короля доставили виноградные лозы и высадили их вокруг Праги. Карл учредил строгий контроль над кутногорским монетным двором, поскольку часто доходили до него жалобы, что монетчики увеличивают число монет, отчеканенных из одной гривны, добавляя в серебро меди выше установленной нормы и тем самым обесценивают чешский грош. Нескольких фальшивомонетчиков Карл приказал бросить в тюрьму. Некоторым городам король разрешил торговать дорогами нидерландскими сукнами, поставляемыми из-за границы. По его распоряжению были выкопаны пруды и запущен в них карп, сравнительно недавно завезенный в Центральную Европу. Но по-прежнему самым любимым занятием короля в часы досуга оставалось чтение старых выцветших пергаментов на латинском и немецком языках, древних чешских летописей и судебных земских книг, где сообщалось о минувших событиях, моровой язве, неурожаях и войнах.

Снова сживал чешский король при трепетном свете свечей в своих покоях осенними и зимними вечерами, искусно вел отточенное гусиное перо по пергаменту, нанизывая букву к букве, строку к строке; исправлял, дополнял, переписывал свое жизнеописание, находя радость в воскрешении прожитых событий, в их обду-

мывании, оценке. В эти годы Карл начал понемногу описывать жизнь своего пржемысловского предка Вацлава, провозглашенного святым. Для этого пришлось прочесть все легенды, сложенные об этом великом муже за четыре столетия. Карл изображал его жизнь такой, какой хотел ее видеть, чтобы она могла служить образцом жизни христианина и государя для будущих поколений. Такой же пример он хотел явить и своей жизнью, и этой цели были подчинены все его деяния и писания. Он усердно направлял работу сановников по составлению свода законов, который он предложит чешскому сейму, когда для этого созреет час.

Но прежде он должен окончательно укрепить свое положение в Священной Римской империи, а для этого нужно короноваться в Риме императором.

Ослабленный болезнью и всецело занятый беспрестанными панскими распрями, Карл понимал, что пока это сделать нельзя. «Папа Климент, бывший феканский аббат Пьер де Розьер, прежний мой друг, не допустит этого. Я обманул его надежды, но ведь и он разочаровал меня. Кому, как не ему, понять, что в человеческих силах и что свыше их. Неограниченная власть папы над христианским миром канула в Лету вместе с минувшими столетиями. Императорское величие и прежде было весьма относительным, ныне же оно просто призрачно. От этого титула остался лишь внешний блеск, он дает только внутреннее удовлетворение тому, кому удалось овладеть римской короной. Ничего более. Нет, в Рим я папу не приведу и Священную Римскую империю к его ногам не брошу. Хотя бы потому, что в реальности никакой Священной Римской империи не существует. Она превратилась в некое объединение стран, у которых, кроме римского короля, нет ничего общего».

И Карл еще больше внимания и сил уделял своему престольному городу. Часто появлялся он верхом на коне, сопровождаемый придворными и архиепископом Арноштом, на улицах и улочках растущего Нове Места пражского. И хмурился, если видел, что какое-либо новое строение вылезало за красную линию, или видел яму, вырытую под фундамент и заброшенную строителями. Он тут же требовал позвать владельца дома или посылал за бургомистром и сердито бранил их, приказывая разобрать выступающую часть строения, а на

строительной площадке немедленно начать работы. В другом месте, наоборот, хвалил красиво возведенные дома, двух- и трехэтажные, с каменными цоколями и высокими узкими фронтонами, с рублеными эркерами, с верандами вокруг второго этажа, с мостиками, перекинутыми над улицей, с фасадами, украшенными домовым или цеховым знаком.

С особым удовольствием останавливался король у быстро растущих ввысь стен нового костела, восторгался искусно выполненными чертежами и мысленно представлял себе уже завершенным необычный свод, смело парящий над восьмигранным помещением. «Ничего похожего в мире нет. Только в Праге будет такая постройка, она приведет в восторг каждого, кто ее увидит. Костел станет достойным партнером возвышающегося на противоположном берегу Влтавы собора святого Вита, над которым бдит опытное око французского мастера Матьё из Арраса». Отсюда Карлу были видны и растущие башни Эмауз, и недавно построенная ратуша Нове Места, и готовые крепостные стены с воротами и бойницами, стерегущие Прагу, и — неподалеку — древний гордый Вышеград.

Иногда Карл посещал в Старе Месте пражском тынскую школу, в которой после учреждения университета собираются студенты медицины, или просторный актовый зал монастыря святого Климента — здесь слушают ученые лекции будущие теологи. И снова утверждался в мысли, что мало учредить университет, нужно обеспечить его материально, чтобы было чем платить преподавателям, содержать быстро разрастающуюся библиотеку и жилища студентов. И дарил высшему учебному заведению в придачу к имеющимся деревням новые поместья, приобретенные отчасти на деньги, собранные в монастырях с помощью архиепископа Арношта; эти новые имения располагались в окрестностях Праги и Литомнержиц — в Залезлях и Веселой Лготе, в Броцне, Худолезах и в Боровой Лготе.

Самыми приятными были те послеполуденные часы, когда Карл в сопровождении свиты гнал галопом коня в лесистую долину Бороунки, над которой гордо высился мощный Карлштейн — замок, носящий его имя. Уже возведены крепкие стены и обширные дворцовые постройки. Над самой высокой из них трудится замечательный живописец Теодорик. Здесь будет серд-

це империи, центр мира, в этой капелле Святого Креста, украшенной золотом и венецианским стеклом, изображениями солнца, луны и звезд. Здесь будет место хранения коронационных и других императорских драгоценностей, место раздумий и решений, размышлений и отдыха. Непрístupная крепость, символ государственной мощи, ее опора и свидетель будущих великолепных монарших деяний.

Карл возвращался в Прагу, укрепленный духом, просветленный, успокоенный и гордый. Его безвыездное четырехлетнее пребывание в Чешском королевстве в конце концов пошло ему на пользу, Карл год от года убеждался в этом. Когда осенью 1354 года он наконец решился на поездку в Рим, он имел за собой силу, на которую мог опереться.

Приближается день коронации в Риме

КАРЛ обменялся еще несколькими письмами с Петrarкой, поэт по-прежнему призывал его к поездке в Италию и к коронации в Риме. По дороге из Авиньона в Прагу проследовало еще несколько посольств с требованием о выдаче папе бывшего римского трибуна Кола ди Риенцо как еретика, подлежащего церковному суду. Карл в Рим не спешил, чтобы не раздражать попусту Святого отца, поскольку надежд заполучить Италию не было, а выдать Кола ди Риенцо не желал, чтобы сохранить возможность принуждать папу к уступчивости.

Климент VI разгадал маневры Карла и послал пражскому архиепископу Арношту приказ публично предать анафеме Кола ди Риенцо в храме святого Вита. То же самое по велению Святого отца будет сделано во всех архиепископствах.

В тот день, когда явился папский легат, архиепископ Арношт попросил у Карла аудиенцию. Архиепископ был удручен, он знал об игре, которую Карл вел с папой, и теперь должен был сообщить ему неприятную весть о папском решении. Отлучение от церкви не может опротестовать даже римский король. Карл ни-

когда не забывал, что произошло с его предшественником Людовиком Баварским, которого он потому и сменил на римском троне, что тот воспротивился папскому проклятию.

— Я весьма опечален, ваше величество, сообщением, о котором обязан поставить вас в известность,— сказал архиепископ.— Святой отец предал вашего узника Кола ди Риенцо анафеме, и я не могу послушаться папы, милостью которого я возведен в мой высокий сан. Я не хочу вызвать и ваш гнев, который был бы справедлив, провозгласи я проклятие, не известив вас об этом заранее.

Карла, однако, эта весть не застигла врасплох. Воспрепятствовать отлучению Кола от церкви он не мог, но он был обязан спасти его от верной смерти на костре, ведь итальянец явился к нему добровольно. С первого дня пребывания Кола в Праге Карл раздумывал, что ему следует предпринять, если произойдет то, о чем ему сейчас сообщил архиепископ Арношт.

— Когда мы должны послать Кола ди Риенцо в Авиньон?

— Немедленно. Послы Святого отца тайно прибыли в Прагу. Прежде чем попросить аудиенции у вас, они посетили меня.

— Скажите им,— ответил Карл, все хорошо взвесив,— что они могут взять узника с собой. Но пусть твердо усвоят себе, что это наш узник и мы дали слово рыцаря защищать его. Жизнь Кола принадлежит нам. Пусть передадут это папе, а мы пошлем ему сегодня письмо.

Так Карл и сделал. Посол Карла поспешил в Авиньон, опережая на несколько дней папских легатов, везших Кола ди Риенцо не как преступника, а как человека благородного происхождения, хотя и в кандалах. Спустя несколько недель Карл убедился в том, что его расчет верен: папа приказал заточить Кола ди Риенцо в башне папского дворца с цепью на ноге, но, памятуя послание Карла, не решился бросить итальянца в подземную темницу, в которой осужденные ждут либо сожжения, либо медленной смерти, не менее страшной: в собственных нечистотах, в зловонной гнилой воде, истязаемые обезумевшими от голода крысами.

Теперь Карл твердо был убежден в том, что Святой

отец, бывший его покровитель, бессилен против него. Три года в руках Карла императорские регалии, он в дружбе с французским королем, он заключил договор с Англией. Благоденствует мудрый дядюшка Балдуин. Богатая, раздробленная, терзаемая волнениями Италия не может снова стать местопребыванием папы без помощи римского короля либо императора. Единственное, в чем папа теперь еще мог препятствовать Карлу и в чем действительно препятствовал, это коронация в Риме. И опять в дело вмешалась судьба.

Вскоре после того, как Кола ди Риенцо был отправлен в Авиньон, папа Климент VI скоропостижно скончался. О причине смерти в Авиньоне говорили разное. Внезапная остановка сердца, лихорадка, после которой отнимаются конечности и портится кровь, апоплексический удар, закупорка вен? Все это, вместе взятое, может быть вызвано и одной-единственной каплей бесцветной жидкости в кубке с вином. А на такое способны самые высокопоставленные члены курии. Как бы то ни было, Карл вздохнул с облегчением, узнав о смерти папы: путь к высшему светскому титулу свободен. А завистники? А враждебная Италия, где Карлу противодействует миланский архиепископ Висконти, родственник Аццо Висконти, который боролся против Яна и Карла двадцать лет назад? А неаполитанский и венгерский короли? А Людовик Бранденбургский, который никак не может забыть поражение, нанесенное ему Карлом и перечеркнувшее его намерения овладеть империей? Против Карла флорентийцы: им не по душе ни папа, ни император. А дома нет-нет да вспыхнет вражда между Витковцами, из-за которой страдает вся Южная Чехия и Моравия. К тому же болеет королева Анна, так и не оправившаяся после смерти маленького Вацлава.

Анне уже не суждено было выздороветь. К невздам, перенесенным Карлом в последние годы, прибавилась смерть второй супруги. И снова, как в 1348 году, когда умерла Бланка, пражские колокола выводили свою печальную мелодию, скорбно звучащую в стенах недостроенного кафедрального собора. Но на этот раз в процессии, сопровождавшей гроб чешской королевы, шагал и ее супруг, божьей милостью римский король преаугустейший и король чешский Карл; проститься со своей первой супругой ему, увы, не довелось...

И снова наступило одиночество, как тогда, когда семнадцатилетним юношей он прибыл из Италии на родину после долгих одиннадцати лет разлуки и не нашел ни матери, ни отца, ни брата, ни сестер. Брат Ян Йиндржих сейчас моравский маркграф, старшая сестра, Маргарита, умерла в четырнадцатилетнем возрасте, младшая, Катерина, воспитывается при габсбургском дворе, со временем она станет австрийской герцогиней. Нет уже на свете дяди Яна Волека, нет епископа Яна из Дражиц, нет многих из тех, кто когда-то поддерживал его, прямого потомка чешских королей, в спорах с отцом. Словно предстояло все начать сначала...

— Женитесь, ваше величество,— настойчиво повторял архиепископ Арношт,— и поскорее. У вас нет сына, который бы унаследовал после вас королевство вместе с римской короной. А ведь по соседству живет герцогская дочь. Пусть не принадлежит она к королевскому дому, но зато подходит по возрасту, а еще более — своими родственными связями. Вы, конечно, знаете, о ком я говорю.

Карл знал. Это Анна, четырнадцатилетняя дочь свидницкого герцога. Брак с ней мог принести не только немалое приданое, но и навсегда положить конец притязаниям польских королей на силезские герцогства. Более того, этот брак был бы залогом мирных отношений с Венгрией; тем самым предотвращалась опасность как с польской, так и с венгерской стороны. Да, эта девушка, почти еще дитя,— самая подходящая невеста.

— Мы подумаем, господин архиепископ,— ответил Карл, внутренне уже приняв решение,— но необходимо разузнать мнение короля Казимира. Что касается венгерского правителя, то здесь сомнений нет.

Архиепископ Арношт знал, как действовать. Он направил послов к архиепископу гнезненскому, чтобы окольными путями выяснить намерения польского и венгерского королей. Вести, вскоре пришедшие из этих краев, были благожелательные. Хотя возраст Анны и Карла весьма разнился, и польский, и венгерский короли сочли за высокую честь предложение Карла. Согласия молоденькой герцогини, разумеется, никто не спрашивал. Ведь точно так же выдавали замуж своих дочерей и Карл, и его отец Ян, короли и князья любой другой страны.

Карл выслал посольство с богатыми дарами, солидным приданым и пышным двором, который составляли знатные дамы старинных чешских родов.

Свадьба состоялась в венгерском городе Буде, где воспитывалась Анна. Третья свадьба в жизни Карла... Была она не менее великолепной, чем предыдущие, даже более торжественной, ведь женился самый могущественный монарх Европы, властитель богатой, цветущей страны, будущий император. После смерти папы никто в Европе не сомневался, что коронационная поездка в Рим вот-вот состоится. Да, состоится.

Как только Карл узнал о том, что новый папа Иннокентий VI, нимало не надеясь на помощь Карла, отправил из Авиньона свои войска на завоевание Рима, чтобы наконец-то избавиться от опеки французских королей и перенести папский престол снова в Италию, он понял, что пробил его час.

В это время Карл вел важные переговоры в графстве Люксембург. В начале года умер архиепископ Балдуин, которому столь многим были обязаны и отец Карла Ян, и даже дед Генрих. И теперь Карл улаживал в Трире наследственные дела, обеспечивая младшему брату Вацлаву родовое графство. Потом он отправился в Южную Германию, где встречался с швабскими горожанами, разбирая их тяжбу с соседними дворянами, взыскивал налоги, раздавал и подтверждал привилегии, председательствовал на судебных разбирательствах.

И пристально следил за событиями в Италии. В тамошней аквилейской епархии владыкой был член люксембургского рода, сводный брат Карла — Николай, и тот старательно сообщал ему самые свежие новости. От него Карл узнал о походе папского войска, с которым в Рим прибыл прежний еретик Кола ди Риенцо, ныне верный прислужник папы. Ему была поручена миссия папского представителя, пока Святой отец лично не переберется из Авиньона в «вечный город».

Потому-то Иннокентий VI снова и снова откладывал свое благословение на поездку Карла в Рим для коронования императором. Впрочем, и у папы положение было не из легких. Против него выступали

миланские Висконти, которые уже четверть века были заклятыми врагами Карла. Теперь их возглавлял Джованни, миланский архиепископ, который сам стремился к господству в Италии и, конечно, не благоволил ни к Карлу, ни к Святому отцу. Против него, как и раньше, были венецианцы, требующие у Карла безотлагательной помощи. Карл, однако, блюдя свои интересы, не хотел раздражать папу и не спешил с обещанной помощью, насколько это было возможно.

Когда разгорелась ожесточенная морская война между Генуей и Венецией, Карл неожиданно отправился прямо с немецкого юга на итальянский север. В середине октября 1354 года он был в городе Удине, где аквилейский патриарх Николай встретил его сообщением, что главный противник Карла Джованни Висконти несколько дней назад внезапно умер. Еще одно поразительное вмешательство рока на жизненном пути Карла...

До заветной цели оставалось рукой подать. В Удине Карл не задержался. Пробыв там несколько дней, он отправился в путь, проследовал через Падую и добрался до Мантуи. Здесь он почти два месяца был гостем семейства Гонзага.

Разве можно забыть эти города, снежные вершины Альп над Падуанской долиной, походы и сражения, итальянские планы короля Яна, все те хитрости, подвохи и коварства, которые довелось пережить здесь Карлу? Как далеки те времена, когда он, пятнадцатилетний королевич, достиг Павии и лишь по счастливой случайности остался жив! Куда канули весны и лета, осени и зимы молодости? По-прежнему возносится к небу замок Сан-Феличе, свидетель его первого рыцарского сражения в день святой Кaterины. До сих пор возвышаются над тосканским городком со звучащим по-славянски названием Лукка ослепительно белые стены крепости, носящей его имя — Монте-Карло. А где же мраморные колонны пармского дворца, сады с фонтанами и беседками, широкие белоснежные лестницы и большой зал, в котором, кажется, до сих пор звучит музыка и кружится в танце девушка с повязкой, охватывающей темные, расчесанные на пробор волосы над медовыми глазами? Жива ли еще Джулия? Кто она теперь? Степенная мать взрослых детей? Зажиточная матрона? Благородная дама? Или всего лишь

ворчливая стареющая женщина? Да было ли это в самом деле или пригрезилось? А Изабелла, плачущая на оборонительном валу парижского королевского дворца? Неужели и вся жизнь — только полусон, прошлое в настоящем и скрытом, но уже давно predetermined будущем?

Из Мантуи Карл направлял послов в Венецию и в Милан, во Флоренцию и в Авиньон, требуя от папы немедленно прислать облаченного полномочиями кардинала в Рим, пытаясь найти общий язык с миланскими Висконти, чтобы обезопасить себе тыл, призывая флорентийцев признать его суверенную власть и обещая им императорские милости, укрепляя венецианцев, оказывая им знаки своей приязни и благосклонности. За щедро раздаваемые титулы и привилегии Карл получал деньги. Даже враждебно настроенные флорентийцы прислали целых сто тысяч золотых — долг за невыплаченные императорские налоги, сумму воистину баснословную. Она пригодится, ведь каждому солдату во время похода на Рим нужно ежедневно платить, а дворянину в десятикратном размере.

В Мантую Карл пригласил Франческо Петрарку, воодушевленного тем, что Карл наконец-то решился приехать в Италию и отсюда править миром, как полтора тысячелетия назад древние цезари.

Карл ничем не подтверждал предположения поэта, но и не разуверял его: иначе как успокоить миланских Висконти, при дворе которых Петрарка жил! И Карлу это удалось. Разослав послов и письма в Чешское королевство и герцогам, князьям и маркграфам немецких земель с призывом прибыть со своими вооруженными конными отрядами в город Пизу, он направился с кратким визитом в Милан. Здесь в начале января на него была торжественно возложена железная ломбардская корона, которой в Италии придавалось огромное значение. Вскоре он распрощался с Висконти, тремя племянниками умершего архиепископа Джованни, присвоив им за большое денежное вознаграждение титулы представителей римского короля в Италии.

В Пизе, вдали от миланских Висконти, у Карла было достаточно времени, чтобы спокойно подготовиться к въезду в заветный Рим.

В Пизе Карл дождался прихода празднично экипированного войска из Чехии и Моравии и из немецких

земель. Во главе чешских отрядов прибыл архиепископ пан Арношт из Пардубиц. Окруженная почетным эскортом, ехала пятнадцатилетняя чешская и римская королева, третья супруга Карла — Анна.

Рядом со знаменами с изображением чешского белого двухвостого льва на красном поле, красно-белого клетчатого моравского орла и черного силезского орла гордо сияли витковицкая роза с пятью лепестками и черная рогатина Роновцев, скрученная стрела Бенешовцев, дивишовский зубр, марквартицкий лев и бузовский кабан. Присутствовали все знатные чешские роды, все, кто был в состоянии взобраться на коня и удержать меч в руке.

Из немецких земель империи тоже прибыли крупнейшие дворяне, а участие видных итальянских синьоров и делегаций многих итальянских городов придавало процессии короля Карла еще большую величественность.

Прибыл посланный папой кардинал Петр, и вся эта торжественная, многочисленная, пестрая, веселая армада закованных в доспехи всадников двинулась по весенней, благоухающей, свежезеленой, ласковой, теплой итальянской равнине на юг, где ее ожидал древний, гордый «вечный город» — Рим.

Безмерная радость обычно отнимает дар речи. Но не прервет ли она дыхание? Ибо я, столь многословный в своих бесчисленных обращениях к тебе, в минуту поздравления сверхкраток...

Так начиналось письмо Петрарки, которое хранится в походном сундуке писаря Штепана из Тетина.

И я желаю себе, пусть у меня достанет сил воспринять такое огромное счастье и пережить такую великую радость. Для меня ты уже король не Чехии, но всего мира, римский император, настоящий цезарь... — продолжал поэт.

Но и сейчас Карл не позволил ввести себя в заблуждение: «Петрарке до меня нет дела. Погибни я, угоди в западню, запутайся в паутине лживой лести, ему все равно, лишь бы я победил его врагов и помог установить над объединенной Италией единую власть, хотя бы тех же Висконти. Нет, милый поэт, меня на этом не поймает! Для меня ведь главное — мое королевство, я не намерен поддаваться эгоистическим устремлениям итальянских враждующих партий, ко-

торым нет дела до объединения Италии и господства Рима. Они превыше всего ставят личную выгоду и роскошь, обретенную корыстными путями. Я не позволю сбить себя с толку сомнительными проектами, угодливыми посулами. Лучше достичь возможного, чем мечтать о невозможном».

В начале апреля 1355 года Карл, за которым пристально следил весь христианский мир, появился пред вратами Рима.

Императорская корона возложена на голову Карла

ПЕРЕД Карлом простирался «вечный город»... Кто бы не вспомнил сейчас «Метаморфозы» Овидия, у кого бы не воскресла в памяти «История Рима» Тацита? Свыше двух тысячелетий стоит Рим здесь, на берегу Тибра, гордый, грешный, могущественный и беспомощный; кажется, прежняя слава притаилась среди развалин Колизея и властно взывает к потомкам не забывать величия далеких предков. Какие мысли проносились в голове Карла, когда он остановил свою насчитывающую четыре тысячи вооруженных всадников процессию в виду городских ворот? Быть может, в памяти ожила череда имен «отцов церкви», королей и императоров или он вспомнил о сражении под Карфагеном галлов и германцев, об убийстве Цезаря, зверствах Нерона, восстании рабов под предводительством Спартака, вспомнил речи Катилины и сочинения Петрония?

Сейчас перед Карлом открылось необозримое море крыш, над которыми возвышались купола храмов, колокольни, статуи и кресты; вот узкие улочки, грубо мощенные либо не мощенные вовсе, небольшие площади, тихие уголки, домики бедноты, грязный, ленивый Тибр с заболоченными берегами, на которых безмятежно валяются свиньи; козы, пасущиеся у монастырской стены; вот пастух гонит овец через площадь, где когда-то заседал римский сенат; вдали — полуразрушенный водопровод; античные колонны что-то хотят поведать новым поколениям; слышатся крики

продавцов арбузов, перца, овощей, фиников, орехов, полотна, кож, посеребренных крестов, четок, иконок, мешочков с сушеными травами от всех болезней; толчея паломников, здоровых и увечных, воров и бродяг; группки монахов и монашек, стайки детворы; процессия богатого римлянина, который зажимает нос, чтобы избежать смрада нечистот; веревки с бельем над улицами, — все это Рим, но далеко не весь Рим.

Долго, сидя на коне, Карл рассматривал открывшееся перед ним великолепное зрелище, и чувства, охватившие его, нельзя выразить словами. Он у цели своего путешествия. Через три дня этот город откроет ворота, за крепостные стены устремится торжественная процессия, Карла будут приветствовать толпы людей, зазвучат колокола. Непобедимый Рим! К тебе приходит цезарь, покорись! И Рим покорится, как уже многократно покорялся, пусть лишь с кажущимся смирением, и возложит императорскую корону еще на одну голову, чтобы тут же забыть о ней и снова погрузиться в свой тысячелетний сон, в это забытьё под южным итальянским солнцем, заливающим расцветшую весеннюю землю своим светом и теплом.

Карл приказал разбить лагерь. Вскоре здесь уже толкались тысячи римлян, от глубоких стариков до малолетних ребятишек, с любопытством наблюдавших, как растет палаточный городок всех цветов радуги, как трепещут на ветру пестрые знамена, распрягаются массивные военные кони, сверкают на солнце щиты, доспехи, оружие. Такое можно увидеть лишь несколько раз в столетие, в нынешнем, четырнадцатом веке это только третий случай. Первый был в 1312 году — во время римской поездки деда Карла, Генриха VII, второй — двадцать семь лет назад, во время вторжения Людовика Баварского. Но армада Карла превосходит всех и численностью, и богатством экипировки. К тому же впервые такая поездка носит мирный характер: ни гибеллины, ни гвельфы не оказали Карлу сопротивления. Въезд в Рим будет бескровным, город уже более года находится во власти кардинала Альборнозе, с которым прибыл в качестве папского посла несчастный Кола ди Риенцо...

Карл как сейчас видит перед собой его горящие, пронзительные глаза, слышит страстные речи, настойчиво призывающие к захвату власти в Риме, к миро-

вому господству. Этот «трибун народа», превратившийся в игрушку в руках папы, которого он когда-то объявил антихристом, стал после возвращения в Рим предателем в глазах народа; и это настолько его угнетало, что он отдался кутежам и попойкам, а через некоторое время его растерзала взбунтовавшаяся толпа. Эта трагедия случилась прошлой осенью; в то время Карл как раз перешел Альпы и пустился в путь, кончившийся ныне у ворот Рима.

Когда был разбит лагерь, расположившийся вокруг королевской палатки с императорским и чешским знаменами по обеим сторонам входа, Карл вдруг исчез. В течение трех дней никто не видел его лица, обрамленного седеющей бородой, не слышал его голоса. Его просто не было в лагере. Уже раньше он получил от папы тайное разрешение войти в Рим до установленного дня, но инкогнито, обычным странником, ведь вступление римского короля в Рим до дня официального коронования рассматривалось как насильственное вторжение. Карл хотел избежать кровавых столкновений любой ценой: ему тоже было бы неприятно, если бы кто-то из иностранных государей пришел под стены Праги и без его приглашения ворвался внутрь. И в этом он хотел служить примером своим потомкам.

О ночлеге Карл позаботился загодя: его тайно приютит некий церковник из Ватикана.

Так и бродил Карл все три дня по городу, никем не узнанный. Все, что юным принцем при французском дворе мечтал он увидеть, было теперь перед его глазами. С благоговением шел он от храма к храму, от часовни к часовне, от монастыря к монастырю, от одной святыни к другой, терялся в процессии паломников из близких и дальних стран, покрытый пылью, залитый потом, мучимый голодом и жаждой, совершенно, казалось, забыв об отряде, пришедшем с ним к воротам «вечного города», о римском и чешском троне, о неурядицах в Чешском королевстве и других землях империи, отрешившись от всего, пребывая в некоем иллюзорном мире, растворившись в толпе, никому не известный и не обращающий на себя внимание. Впервые в жизни его затопило чувство одиночества и особое, чарующее ощущение свободы и опрощения.

Миражи этих неповторимых дней, однако, растаяли, как тает, уходя в небытие, все, что мы пережи-

ваем. Спустя четыре дня Карл снова был в лагере, снова обрел вид, достойный монарха, снова облачился в дорогие одежды, готовый сесть на разубранного коня. Рядом — его юная супруга, которая сегодня вечером станет императрицей.

И вот наступили волнующие минуты! Четыре тысячи всадников на равнине перед воротами Рима были встречены громкими, восторженными приветствиями огромных толп жителей и гостей города. К войску Карла присоединились знатные римские горожане, выехавшие из крепостных ворот. Застучали копыта, поднялась пыль, запели горны и трубы, город огласился непрерывным звоном больших и малых колоколов. Над толпами возносился дым камильниц, в переполненных храмах пелись хоралы в честь Карла. Перед городскими воротами Карл в знак посвящения в рыцари повелел надеть нескольким сотням отпрысков римских дворянских семей рыцарские пояса и, наконец, под звуки органа и пения псалмов пешком направился в храм святого Петра. Здесь кардинал Петр торжественно возложил на его голову императорскую корону, предварительно совершив обряд помазания. Была помазана и коронована и юная супруга Карла Анна Свидницкая; потом оба приняли участие в мессе, которую служил кардинал.

С той минуты Карл изменил свой прежний титул «божьей милостью римский король преавгустейший и король чешский» на новый, принятый у императоров: «Карл IV, по великому божьему милосердию император римский преавгустейший и король Чехии». Лишь теперь он мог присоединять к своему конфирмационному и монаршему имени цифру, чтобы было видно, что среди императоров он четвертый, носящий такое имя. До сих пор он этой цифры не употреблял. Это был воистину его звездный час!

После коронационной церемонии Карл вместе с супругой в окружении чешских, немецких и итальянских князей, дворян, баронов, графов, кардиналов и епископов, а также сотен знатных римских горожан следовал по улицам города. Он миновал мост через Тибр около замка святого Ангела и спешил к у приготовленного на несколько сотен гостей огромного стола

перед храмом Сан-Джiovанни в Латеране. И снова, как восемь лет назад, во время чешской коронации, Карлу и его гостям прислуживали чешские, немецкие и итальянские дворяне верхом на конях, и было это зрелище для римлян необычным и впечатляющим.

Пир, однако, до наступления вечера нужно было завершить. Еще раньше Карл пообещал папе, что покинет город в день коронации, и теперь не хотел нарушать данное слово. Он хорошо понимал опасения Святого отца, ведь его противники могут решиться на захват Рима под предлогом, что здесь находится римский император. Нашлось бы немало бывших приверженцев Кола ди Риенцо и гибеллинов, которые бы охотно предприняли такую попытку.

Карл возвращался домой, обманув надежды тех, кто желал установить императорскую власть над Италией и итальянскую — над всей Европой. Пойти на такое Карл не мог, он давно это понял.

Обратный путь Карла был не столь триумфален, как восхождение в Рим. Покончив с неотложными делами, выдав несколько десятков жалованных грамот, выплатив наемникам жалованье и одарив итальянских синьоров почетными титулами, он пустился в путь лишь с небольшим отрядом. Остальные войска распустил, приказав возвращаться удобными для них маршрутами.

Так посоветовал Карлу видный пизанский дворянин Франческо де Гамбакорта, как-то незаметно в последние недели втершийся к нему в доверие.

— Ваше императорское величество, зачем тратить столько золота, если в войнах уже нет нужды? Деньги никогда не бывают лишними, даже у императорской казны есть дно. Ведь вы наш самый дорогой гость! Снова ждем вас в Пизе, вас примут с почестями, достойными вашего высокого титула!

Карл колебался: на поездку в Италию действительно затрачена огромная сумма. Сколько можно было бы сделать на эти деньги в родном королевстве! С другой стороны, он слишком хорошо знал Италию: слова здесь никто не ставит ни в грош — ни чужие, ни свои. И все-таки решил довериться фортуне, положиться на благосклонность провидения, всегда чудесным образом

избавлявшего его от несчастий. Большую часть войска Карл приказал распустить по домам, оставив только чешские дружины и несколько отрядов из немецких земель.

В городе Сиене к нему опять явились представители гибеллинов — сторонники императорской власти в Италии и противники папы:

— Останьтесь в Италии, ваше императорское величество, здесь всегда пребывали ваши давние предшественники! Не на севере, по ту сторону Альп, а здесь находится сердце Священной Римской империи, так было изначально.

Карл, не имея уже возможности опереться на достаточную вооруженную силу, тем не менее твердо отверг их требования:

— Вы, словно ангелы-искусители, призываете нас играть роль, которую мы с достоинством исполнить не можем. Могущество и слава римских императоров давно минули, от них остались одни пышные титулы, пользующиеся, впрочем, некоторым почетом. Но если вы говорите о них как о средстве, которое снова сделало бы Италию центром мира, то вводите в заблуждение не только себя, но и нас. Не об объединении вы мечтаете, а о богатстве и высоких постах, которые жаждете приобрести под сенью императорского правления.

Разочарованные гибеллины ушли, затаив в сердцах гнев, а в мыслях — вероломство. Петрарка послал Карлу сердитое письмо. Он понял истинные намерения Карла и откровенно выразил их на бумаге: *О, владыка Священной Римской империи! Ты ни о чем ином не думаешь, как только о Чехии.* «Да,— мысленно соглашался Карл.— Без Чехии я не был бы римским императором, а без Рима я все равно оставался бы королем Чехии».

Вероломство гибеллинов не заставило себя ждать. Карл был торжественно встречен в Пизе, где останавливался на несколько недель перед поездкой в Рим, когда поджидал вооруженные отряды из чешских земель и Германии, и где ему были переданы собранные итальянскими городами налоги и подати. Теперь в этом городе ему пришлось пережить то, чего он с самого начала опасался.

Через две недели после приезда в Пизу он был внезапно разбужен шумом, громкими криками и бря-

цаньем оружия. Дворец, в котором он расположился, был охвачен пламенем. Горели крыша, лестницы, деревянные перегородки между залами, двери и мебель; кто же с такой тщательностью устроил пожар?

Не время было заниматься разгадкой этой тайны. Полураздетому Карлу вместе с супругой пришлось быстро спуститься по еще не охваченной огнем лестнице в сад, а оттуда по колоннаде в соседний двор, благо там жил его добрый знакомый. Малочисленной чешской охране тоже удалось чудом спастись.

Казалось, эта история послужит Карлу предостережением. И все-таки на следующий день он поверил объяснениям синьора Франческо де Гамбакорта, того самого, который убедил его отправить войска по домам.

— Это несчастный случай, дело рук каких-то негодяев, а вовсе не покушение на вашу жизнь, ваше императорское величество!

Карл даже не усилил стражу вокруг своего дома и оставил чешский отряд по-прежнему стоять лагерем за мостом, на другом берегу реки.

День спустя братья де Гамбакорта, вчерашние сторонники Карла, подняли бунт, заявив, что Карл хочет отнять у Пизы Лукку и отдать ее флорентийцам. Толпа охотно поверила этим подстрекательствам, надеясь в суматохе захватить резиденцию Карла и разграбить ее. Дом Карла оказался в настоящей осаде, завязалась кровавая резня, бунтовщики пошли на штурм дома. Литомышльский епископ Ян на скорую руку собрал своих оруженосцев и послал гонца за реку, к пану Индржиху из Градца. С боевыми кликами, перемежающимися звоном мечей, ржаньем коней, треском горящего дерева, чешские воины с большим трудом пробились по захваченному мосту и бросились на выручку к своему королю и императору; не один рыцарь здесь распростился с жизнью, пронзенный стрелой, рассеченный мечом, проколотый копьем. Но и пизанцам долго пришлось считать потери, когда в конце концов они были разбиты и в городе воцарилось спокойствие.

Это был скорбный эпизод на обратном пути из Рима, на пути с императорской коронации.

На другой день состоялся суд. Карл судил строго. Франческо де Гамбакорта, два его брата и четыре других предводителя были схвачены и преданы пыт-

кам; им ломали на дыбе кости, прижигали бока каленым железом и били по ступням, пока они не признались в умысле убить Карла, а его сопровождающих уничтожить. Они получили воздаяние, которого заслуживали: были казнены публично на площади, их тела в течение нескольких дней висели в назидание прочим мятежникам на крепостных валах.

«Вот она, изнанка ваших соблазнительных речей и угодливых обещаний,— горько думал Карл.— Я правильно поступил, отвергнув предложения захватить власть в Италии! На кого бы я смог опереться, если бы на самом деле поселился в Риме? Чешского войска рядом со мной не было бы, в немецких землях империи еще достаточно сторонников Людовика Баварского, от которых ждать помощи не приходится. А итальянцы? Гвельфы науськивали бы на меня папу, принуждая меня стать его слугой. Гибеллины клянчили бы новые привилегии, мешая мне исполнять императорские обязанности. И в конце концов я кончил бы свою жизнь так, как они того желали уже во время моего первого приезда в Италию, четверть столетия назад, на пасху в августинском монастыре в Павии. И много раз потом. Нет,— все более утверждался он в своем решении,— я знаю, чего хочу, и мой выбор правилен».

В Пизе Карл решил не задерживаться. Наложив на город огромный штраф в золоте и получив его, он поспешил на север, остановившись на несколько дней только в городе Пьетро Санто, чтобы послать некоторым городам напоминания о выплате долгов по имперским налогам и раздать верным сторонникам привилегии и титулы; и вот уже больше ничто в Италии его не удерживало, не привлекало, не интересовало...

Через два месяца после этих событий его встречала Прага. Он добрался до нее через Цюрих, Нюрнберг и Регенсбург и только тут вздохнул спокойно, только тут, дома, окруженный почетом и искренней радостью, почувствовал себя в безопасности. Великолепный прием, устроенный ему дворянством, духовенством, горожанами и простолюдинами, ничуть не уступал тому шквалу восторгов, каким сопровождался его въезд в Рим. Возвращался римский император...

Целый год — как долго! — Карл не был дома. Но о его путешествии, деяниях и славе сюда непрерывно стекались вести. Равно как и свидетельства его заботы

о Праге. Постоянно прибывали посольства, которые он посылал то из Пизы, то из Милана, то из самого Рима с благоприобретенными либо полученными в дар святыми мощами в золотых или серебряных ковчегах, украшенных жемчугом, драгоценными камнями и искусной вышивкой. Давно уже Карл мечтал, чтобы Прага стала вторым после Рима центром мира, а для этого нужно было, чтобы ее посещали паломники, которых привлекали бы сюда церковные реликвии. Их-то и надо собрать как можно больше...

Так завершилось римское путешествие Карла. Он стоял ныне на вершине своего могущества и славы. Что ждет его в последующие годы и десятилетия? Какие испытания уготовит ему судьба? Какие дела доведется завершить, а на какие не достанет сил? Сколько энергии еще должно приложить, чтобы передать потомкам в целостности то, что накопил он в трудах и заботах, благодаря своим государственным деяниям и счастливой игре обстоятельств?

Карл издает закон о независимости чешской короны

В СКОРЕ после возвращения из «вечного города» Карл с горечью должен был признать, что даже высший светский титул не делает человека всемогущим.

Почти столь же широко, как четверть века назад, после его первого приезда из Италии, в Чешском королевстве процветали беззаконие, бесправие, грабежи. В некоторых краях, особенно в Литомержицком и Градецком, бесчинствовали рыцари-разбойники со своими бандами. На торговых путях они устраивали засады на купцов и грабили их обозы. Не брезговали они и пленением именитых дворян, получая за их освобождение огромные выкупы, а то врывались в деревни и угоняли у бедняков скот: забьют его и начинают пьянствовать и обжираться.

Лихими разбоями особенно прославился рыцарь Ян Панцирж из Жампаха, который будто бы не снимал с себя доспехи даже ночью. Поговаривали, что когда-то

его за отвагу наградила сам Карл, повесив ему на шею золотую цепь. Теперь Карлу, чтобы унять грабителя, пришлось сесть на коня и во главе вооруженного отряда осадить замок Панциржа. Король приказал бросать за крепостные стены зажженные связки хвороста, смоченные смолой, пробивать ворота тяжелыми бревнами и метать ядра. Когда замок был взят, а Панцирж пленен, Карл велел привести его к судейскому столу и сказал:

— У меня не много золотых цепей, поэтому на этот раз я дарю тебе пеньковую!

И в гневе набросил на шею Панциржу петлю для повешения. Приговор был тут же приведен в исполнение.

Пришло время разработать и ввести новый Судебник, который бы четко и твердо установил, что есть право и что есть нарушение этого права, что есть преступление и какое положено за него наказание, кому подсудны вассалы и господа. Существовавшие правовые нормы весьма вольно трактовались властью имущими. Потому и росло в стране число безносых и безухих людей, что любой пан, священник и рыцарь легко прибегал к жестокому наказанию за одно-единственное слово возражения или за неисполнение приказа.

Панская спесь и нищета простолюдинов были слишком очевидны. Карл видел, что ни первое, ни второе не на пользу его стране. Поэтому он велел принести пергаментные свитки, в которые уже несколько лет по его приказу вписывались отдельные статьи нового свода законов. Сколько грамот, земских книг, распоряжений, указов, судебных решений и хроник прочли писари, чтобы определить, что полезно и что вредно! Сейчас перед Карлом лежал завершенный труд. Снова и снова перечитывал он его, вносил исправления, отдавал переписать начисто ровной, четкой, строка к строке, абзац к абзацу скорописью и опять искал новые, еще более веские, убедительные слова.

Завершив окончательно работу над Судебником, Карл созвал на конец сентября 1355 года сейм.

Сейм был куда более бурным, чем он того ожидал. Едва король дал знак писарю Штепану из Тетина торжественно прочесть проект Судебника, воцарилась тишина, которая, однако, вскоре была прервана вы-

криками. Голоса множились, и чтение пришлось прервать. Карл наказал нарушителей спокойствия, но буквально каждая статья Судебника вызывала в сейме неудовольствие. Наиболее энергичный отпор получили те из них, что пусть даже в минимальной степени ограничивали привилегии дворянства.

Карл был разгневан, разочарован и обеспокоен. Снова и снова призывал он к порядку и спокойному обсуждению Судебника, говорил, что любой и каждый сейчас волен выступить и высказать свою точку зрения. Но тишины добиться не удалось, чтение приходилось несколько раз переносить со дня на день. Эти перерывы Карл использовал для того, чтобы пригласить недовольных в королевскую резиденцию и поговорить с ними. Он пытался убедить их в своей правоте. Но напрасны были все его усилия.

Самой долгой была беседа с архиепископом Арноштом, ближайшим другом Карла.

— Пан Арношт,— зывал рассерженный король,— какие недостатки вы находите в проекте Судебника? Скажите мне правду. Ведь вы сами принимали участие в его подготовке. И не малое.

— Да, участвовал, ваше императорское величество, в искренней вере, что внесу свою скромную лепту в устранение беззаконий. Ныне же я прихожу к выводу, что время для такого свода еще не пришло, нельзя приближать будущее там, где еще не созрело настоящее.

— В чем же вы усматриваете незрелость настоящего? — продолжал Карл, все еще разгневанный.

— Я думал об этом, ваше императорское величество, и очень серьезно, как только раздались протестующие голоса в сейме. Мы должны были выслушать их заранее.

— И никогда не завершили бы эту работу!

— Мы все равно ее не завершим, ваше императорское величество. Судебник написан, как и полагается, на латыни. Кто понимает латынь? В сейме издавна говорят по-чешски. И в судах не допускался никакой иной язык, кроме нашего родного, славянского языка. Как только судьям и защитникам, истцам и ответчикам придется говорить на латыни, верх возьмут те, кто знает этот язык и римское право. Это уничтожит право публично судить и выносить решения. Судебные про-

цессы превратятся в состязания хитроумных законников, которых никто бы не понимал. Сейчас в земский суд может обратиться любой человек, знатный либо простолюдин, и потребовать слова. Сейчас наставления черпаются из старых судебных книг, а если ввести новый Судебник, все старое придется отменить, и воцарится чуждая, непонятная чехам казуистика. Нет, ваше императорское величество, не настало время для таких изменений.

— Но вы же знаете, пан Арношт, что существующее право потворствует тем, кто имеет доступ к старым судебным книгам, у кого родственники в суде, кто располагает временем торчать в суде и следить за всеми перипетиями дела. А разве мало дается взятков? Вам ли этого не знать! Вы только что запретили священникам проводить «божьи» суды, которые были по существу кощунством. И в конце концов,— Карл понизил голос, словно боялся, что его кто-то услышит,— моя главная забота — чешская земля. Я хочу, чтобы королевское имущество не разворовывали, чтобы границы страны не урезались и чтобы никто не мог искать против короля опору за рубежом. Это для меня главное. А также полное и вовеки нерушимое единство Моравии и Чехии и с ними соединенной Силезии и обеих Лужиц. И наследственное право моего рода. Это тоже преждевременное требование?

— Нет, ваше императорское величество, разумеется, нет. Но если мне позволено будет дать вам совет, не ссорьтесь теперь с панами, это бы нанесло вред королевству. Скажите им, что Судебник сгорел или исчез каким-то другим образом. А наиболее важные для вас статьи предложите одобрить и вписать в старые судебные книги. Вот они и станут законом. Единство земель чешской короны обеспечивайте вне, а не внутри страны. Созовите имперский сейм и там добейтесь утверждения этого принципа. Это положит конец и попыткам его нарушения внутри королевства. Таков мой совет, ваше императорское величество.

Карл отпустил архиепископа и долго ходил взад-вперед по кабинету. Наконец успокоился, погладил седеющую бороду и решительно покинул дворцовые покои.

Все произошло точно так, как советовал архиепископ Арношт. Когда Карл шестого октября представил

сейму грамоту, сообщавшую о том, что проект Судебника сгорел и более нет нужды обсуждать его, недовольные были весьма удовлетворены. Вскоре несколько новых статей было внесено в старые судебные книги. Таким образом им была придана сила закона.

Главное свое намерение — обеспечить неделимость земель чешской короны — Карл решил осуществить на сейме Священной Римской империи, который вскоре был созван в Нюрнберге, а в конце года его заседание продолжилось в городе Мец.

Сначала казалось, что на имперском сейме повторится та же картина, что и на чешском сейме. Вовсю разгорелись споры между теми родами, представители которых по вековой традиции были курфюрстами. Одни роды разрослись, породнились с другими, иные, наоборот, вымерли, и наследство их было разделено. Сейм только тем и занимался, что выяснял споры, кто же имеет и кто утратил избирательное право. Дело в том, что трех курфюрстов духовного звания назначает папа. У чешского короля право выборщика не зависело от решений императора. Чешские земли никогда не делились между наследниками даже после угасания королевского рода. На три же остальных голоса была целая куча претендентов. Поэтому Карл прежде всего твердо установил, что законным курфюрстом является только тот маркграф бранденбургский, герцог саксонский и пфальцграф рейнский, который в своей земле обладает действительной и полной властью. Это вызвало негодование тех членов родов, которые обладали только отдельными правами, например собирали налоги, или владели какими-то городами, тогда как верховным правителем был другой член их рода.

Чтобы склонить на свою сторону курфюрстов, Карл установил: поскольку их земли неделимы, жители не имеют права обращаться в имперский суд, высшим судом для них является суд курфюршества.

Такими правами до сего времени владело только Чешское королевство. Предоставляя их теперь остальным курфюршествам, Карл добился внесения давних чешских привилегий в постановление сейма в качестве имперских законов. Так пресек он на будущее любые

поползновения императоров немецкого происхождения оспаривать эти привилегии у Чешского королевства. Он не забыл также предложить сейму одобрить предложение, согласно которому чешского короля после угасания царствующего дома избирает исключительно чешский сейм. Снова была подтверждена самостоятельность родного королевства Карла, самостоятельность, какой не обладали прочие курфюршества, оставшиеся и впредь имперскими ленами, которые римский король после смерти правящего герцога, пфальцграфа или маркграфа мог передавать по своему усмотрению в новые руки. С Чешским королевством он так поступить не мог.

Наконец-то приобрело силу закона то, что было завоевано предшественниками Карла с оружием в руках и что всегда ставилось под сомнение римскими королями и императорами: чешский король обладал наибольшими правами среди всех курфюрстов в Священной Римской империи; вмешиваться же во внутренние дела его королевства римский король и император не смел.

Все тридцать статей, обсуждавшихся на сейме в Нюрнберге и в Меце, были внесены в грамоту, скрепленную золотой императорской печатью — буллой. С той поры эта грамота получила название «Золотая булла Карла» и на многие столетия стала основным законом о выборности императора Священной Римской империи.

Заседание сейма в Меце, принявшего в 1356 году Золотую буллу, считается одним из самых знаменитых событий в средневековой истории. Давайте заглянем в хронику, писанную очевидцем и королевским летописцем Бенешем Крабицем из Вейтмиле.

В ноябре месяце того же года прибыл он в большой и достославный город Мец, который, как говорили, уже три столетия не посещал коронованный император, и был 17 ноября князьями, дворянами и горожанами встречен с превеликой торжественностью. Потом, в канун праздника рождества господня, явились на имперский съезд посланцы его святейства папы: кардинал тетрагорский и аббат из Ключи, а также два сына французского короля, племянники его императорского величества, архиепископы трирский, кельнский и мангеймский, герцог люксембургский, представляющий

особу чешского короля и являющийся главным дворецким; герцог саксонский, эрцмаршал; маркграф бранденбургский, эрцкамердинер и маркграф мейсенский, эрцстольник, прочая высшая знать Священной Римской империи.

На праздник рождества господня, во время утреннего богослужения, читал его величество император, облаченный во все императорские регалии, перед указанными князьями Евангелие, а его преосвященство кардинал служил начальную мессу, и из его рук принял его величество император смиренно и набожно святое причастие. Потом служил главную мессу этого дня архиепископ кельнский, и после торжественного ее завершения все архиепископы, епископы и прелаты, равно как и светская знать, препроводили их величества императора и императрицу, облаченных в императорские одеяния и регалии, к пиршественному павильону, возведенному посередине городской площади и очень красиво убранному, где было поставлено много столов для приглашенных.

И когда его величество император занял свое место у стола на возвышении, приступила высшая имперская знать к исполнению своих обязанностей, как велит обычай. И первыми были поименованные архиепископы, хранящие у себя императорские печати, ибо являются они канцлерами, каждый в своей округе. Потом подъехал к столу эрцмаршал на мощном коне с мерой овса для императорских коней и усадил каждого из знатных мужей за стол, на место, для него приготовленное. После него подъехал на могучем коне эрцкамердинер, маркграф бранденбургский, с золотым сосудом с водой и красивыми полотенцами и подал их сидящему на троне императору. После него подъехал пфальцграф рейнский, держа в руках золотые миски с деликатесами, и, предварительно отведав их, предложил императору. Потом подъехал Вацлав, герцог люксембургский, брат императора, который представлял особу чешского короля; он держал в золотых сосудах вино и, предварительно пригубив его, дал вкушать его императору. Наконец подъехали маркграф мейсенский и граф из Шварцбурга — с огромной сворой охотничьих собак — и под пронзительный рев рогов с чрезвычайным проворством поставили на императорский стол зажаренного оленя и кабана. И был в тот день устроен превеликий пир, по-

добного которому никто не помнит. А когда он окончился, раздал его величество император всем князьям дорогие подарки, и каждый с радостью вернулся домой.

Сеймом в Меце Карл утвердил свое положение, которого он добился коронацией в Риме. Это была вершина его жизненной стези. Большого уже нельзя было желать. Ныне ему оставалось лишь оберегать и укреплять то, что удалось осуществить в предыдущие годы.

Что же ждало его в будущем? В любом случае не безмятежный покой — ни в королевстве, ни в империи, ни за ее пределами. Нельзя было рассчитывать ни на покорное повиновение чешских панов, ни на сдержанность соседних правителей. Он понимал, что и церковь никогда не простит ему того, что он отстранил Святого отца от участия в избрании римского короля. Слишком хорошо были известны ему и поползновения Людовика Бранденбургского, чтобы поверить в то, что он откажется от надежд снова завоевать римскую корону для своего рода. Не мог Карл доверять и Габсбургам, представитель которых герцог Рудольф хотя и был его зятем, но отнюдь не был другом. Польский король Казимир и венгерский король Людовик хоть и заключили с Карлом мирные договоры, но так и подстерегали момент, чтобы снова потягаться с ним. В этом беспокойном море европейской политики Карл должен был укрепить чешский трон и сделать его необходимой предварительной ступенькой на пути к достижению трона римского.

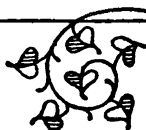
«Сколько же у меня завистников!» Карл сознавал, что предстоящие годы будут не менее трудными, чем те, что остались позади. Но встречал их не восемнадцатилетний молодой человек, который когда-то пришел в эту страну и не нашел здесь ни отца, ни матери, ни брата, ни сестер, вообще ни одного знакомого. Их готовился встретить муж в полном расцвете сил, выдающийся государственный деятель, которому принадлежал высший титул этого мира. И чтобы не только удержать его в своих руках, но и сохранить его для своих потомков, ему предстоит вступать в новые сражения и схватки, прибегать к новым политическим и дипломатическим ходам.

Вот что сулят будущие годы и десятилетия.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

ДВАДЦАТЬ с лишним лет канули в реку забвения. Двадцать лет, наполненных разнообразными событиями, свершениями, переживаниями; кажутся они теперь необозримым, уходящим в туманную даль плоскогорьем, над которым возвышаются лишь самые важные из них, словно башни над городом или деревья-великаны над лесом.

Ныне, когда жизнь стала клониться к концу, самое время перевести дух и привести в порядок накопившиеся мысли, вспомнить с удовлетворением добрые дела и повиниться перед самим собой в неудаче или проступке.

Сейчас, в начале зимы 1377 года, у императора римского и короля чешского Карла есть возможность пристальнее посмотреть на эти «деревья-великаны над лесом» и «башни над городом»; они оживают в его памяти, обращенной не только к последнему двадцатилетию, но и ко всей долгой жизни.

Время для этого есть. Наперекор физическому недугу, вызванному тяжелой, затяжной болезнью, Карл отправился во Францию, чтобы там вместе с племянником — французским королем Карлом V обсудить общие заботы и договориться о совместных действиях в европейской политике.

В небольшом городке Камбре, лежащем в пределах Священной Римской империи, Карл остановился на несколько дней, чтобы спокойно отдохнуть и встретить рождество как подобает императору. На французской территории это было бы уже неуместно, ибо означало, что он считает себя суверенным повелителем Франции, а это не входило в его намерения.

В Камбре прибыла блестящая процессия, посланная французским королем навстречу высокочтимому дяде, триста всадников на конях, покрытых чепраками всех цветов радуги, с великим множеством вышитых гербов, принадлежащих высокородным господам и их герольдам, оруженосцам, конюшим, камергерам.

Позади у Карла дальний путь по заснеженным просторам, лежащим между Прагой, Люксембургом и Камбре, впереди — Сенлис, Муссон, Реймс, Шато-Тьерри и Гардель. А потом он увидит башни сен-деннского аббатства, за ним вращающиеся крылья ветряной мельницы и... Париж!

«Я еду по собственным следам, только в обратном направлении. Все теперь выглядит иначе. И эта зимняя пора так не похожа на тогдашнюю цветущую весну с восторженными трелями жаворонка над вспаханymi полями, с бурным разливом прозрачных речушек, с белесыми сережками на ветках ив. Зима — это конец года, а старость — это конец жизни».

В дни этой мучительной поездки, когда, не отпуская, ноют воспаленные суставы, Карл может наконец-то предъявить счет самому себе.

Что начиналось тогда — по дороге из Парижа в Люксембург? Начиналась молодость.

«Где ты, графство Люксембург, твои речные долины с пологими склонами, на севере переходящими в неприветливую, бесплодную, холмистую равнину, а на юге сливающимися с солнечными виноградниками? Там и поныне высятся мрачные замки, башни которых свято хранят былую славу рыцарства, по-прежнему правит этой землей род моего отца и деда. Там, наверное, еще и сейчас звучит тонкий девичий голос:

«Если рядом нет тебя, я чувствую себя совсем одинокой, будь у меня хоть десять свит и танцы каждый день».

Где ты, солнечная Италия? С дворцами из белого известняка, с мраморными колоннами, пышными садами, в которых растут пальмы, акации, пинии, магнолии, фишашки и прячутся потаенные беседки?

Где медоокая Джулия с расчесанными на пробор волосами и печалью в глазах, отражающих свет свечей?

Где вероломные синьоры и тот вещий сон в Таренцо?

Где покинутая крепость Монте-Карло, звуки лютни и боевые клики сражений, роскошные пиры и позорные сговоры?

Куда исчезла сумрачная, осенняя Прага того далекого дня, когда ее ворота впервые растворились, чтобы принять возвращающегося сына последней Пржемысловны?

Куда канули те первые годы, наполненные верой в устранение пороков отцова правления? Растаяли в небытии битвы в Тироле и безрезультатные походы в Литву, ссоры и схватки с императором Людовиком и соседними герцогами и королями, встречи с папой и упорная борьба за обладание обеими коронами, чешской и римской...

Кому на пользу мои усилия? Кому придется по вкусу их плоды, если окажутся они сладкими? Кому предстоит отведать их горечь, если окажутся незрелыми?

Более всего любил я свое наследственное королевство Чешское, этот зеленый сад, усладу моих очей и брэнного тела, величественнейшее среди прочих земель Священной Римской империи.

Что я сделал для него, чтобы сыновья и дочери его будущих поколений вспоминали меня добром, чтобы не погиб их язык, чтобы не утратили они власть в собственном доме, чтобы образованность распространилась среди богатых и бедных? Я сделал все, что было в моих силах», — утешал себя император римский и король чешский Карл, следуя по дороге в Париж в окружении сотен нарядных всадников, сопровождаемый весельем и шутками, восторгом и фанфарами, приветствуемый королевской фамилией, князьями, горожанами, священниками и простолюдинами.

Вместе с ним принимал эту славу и несовершеннолетний сын Вацлав, младенцем коронованный чешским королем, а в отроческие годы — королем римским.

«Понимает ли мой сын, что представляет собой наследство, передаваемое мной в его руки? Отстоит ли он независимость и целостность родного королевства? Уразумел ли, что взирает на живописную столбашенную золотую Прагу из гордой резиденции, которая в год моего прихода в Чехию лежала в развалинах? Что все

храмы, возносящие к небу свои шпили, выросли в годы моего правления? Что тут не было ни каменного моста, ни двух золоченых башен над Градом, ни университета, ни архиепископства, ни славянского монастыря Эмаузы? Многого тогда здесь не было.

Будет ли помнить сын о том, что за годы моего правления чужеземные войска ни разу не пересекали границы страны? Что он тоже обязан строго карать богатых за дурные поступки и распутство и облегчать бремя жизни бедным? И что достичь этого он может, только тщательно оберегая королевскую власть от высокомерных притязаний панов и бдительно охраняя каждую пядь своего королевства перед лицом внешних узурпаторов?

Сколь же их было даже после того, как в Риме на мою голову была возложена императорская корона!

Сколько раз пытался отнять ее у меня, прибегая к низкому коварству, Рудольф Габсбургский! Сколько раз сговаривались друг с другом короли Венгрии и Польши и сыновья императора Людовика Баварского в надежде использовать против меня папскую неприязнь и недовольство немецкого дворянства! Будет ли сын способен терпеливо, рассудительно, настойчиво и неустанно беречь это наследие?»

Сколько же в прошлом этих «башен над городом» и «деревьев-великанов над лесом»!

Герольд приложил к губам горн, и резкая мелодия пронизала воздух. К герольду присоединилась дюжина императорских и такое же число французских трубачей, выводя мелодию с опозданием в несколько тактов. С левой стороны к Карлу приблизился младший брат французского короля, герцог беррийский и бургундский, а за ним кавалькада разодетых дворян и священнослужителей.

Все почти так же, как в тот раз, только нет аббата Пьера де Розьера, нет короля Филиппа, не осталось, конечно же, и следа от кареты с золочеными коваными украшениями, в которую укладывался багаж принцессы Маргариты, именуемой Бланкой. Давно уже нет на свете Бланки...

Карл вдруг почувствовал, что не в состоянии двинуться дальше. Хоть бы на мгновение задержаться здесь, на этом месте, пока в душе не дозвенит до конца трель невидимого жаворонка, пока четырнадцатилет-

ний чешский принц не простится с двоюродной сестрой Бланки — Изабеллой, горько плачущей поодаль на крепостном валу.

Не слышны трели жаворонка, нет ни четырнадцатилетнего принца, ни плачущей Изабеллы. Холодный зимний день. Старый, немощный человек с усталым лицом и седой бородой молча сидит на коне, вперив в пространство недвижный взгляд.

Никто не заметил, как увлажнились глаза короля, как незаметно стер он их рукавом, делая вид, что отгоняет мух. Впрочем, какие мухи зимой? А кто из компании пажей и молоденьких придворных дам пел тогда шутивную старинную песенку о короле Дагобере? Кажется, юный проказник Гийом, виконт из Нормандии?

...плоха была бы шутка в самом деле,
когда бы был героем Дагобер...

Но вот Карл дал знак рукой шталмейстеру, тот — всей свите. Путь из Камбре в сен-денийское аббатство не так долог, как до самого Парижа. В аббатстве Карл отдохнет, а уж потом будут королевские почести, богатые дары, торжественные речи, народное ликование, пение труб и звон колоколов, процессия во главе с кардиналом и сыновьями и братьями короля.

Очевидцам не забыть великолепия одежд, роскоши убранства коней и карет, яркого соцветья пышных гербов знати.

Оставим на долю летописцев описание приема, устроенного императору римскому и королю чешскому Карлу его племянником, французским королем, который выслал навстречу больному дяде носилки, чтобы облегчить его страдания.

Не будем живописать торжественный обед и богослужение, осмотр святых мощей, посещение Сент-Шапель и университета, прогулку на корабле по сумрачной Сене от Сите до крепостных укреплений.

Нам не обязательно вдаваться в детали переговоров между обоими монархами, обеспокоенными недавним расколом в церкви, приведшим к избранию двух пап, и спорящими о том, кому быть наследником венгерского короля.

Но не пройдем мимо события, внешне неприметного, для государственных дел ничтожного, но очень значительного для мысленного путешествия Карла к годам безвозвратно минувшей молодости! Таким событием стала нежданная встреча с герцогиней бурбонской, матерью королевы, которая во время торжественного приема стояла скромно в углу залы, надеясь, что высокий гость не обратит на нее внимания.

— Это вы, Изабелла?

Да, то была Изабелла, двоюродная сестра и подруга Бланки. Но у нее же должно быть совсем детское лицо?! Плача, она должна махать рукой с крепостного вала, прощаясь с Карлом и Бланкой, со своим собственным детством...

Да, это она и одновременно не она, давно уже не она. А разве у старого, больного Карла есть что-нибудь общее с мальчиком, который по приказу отца направлялся в Люксембург?

Так, спустя многие-многие годы, они встретились лицом к лицу. Пожилой мужчина и немолодая женщина.

Карл не мог сдержать своих чувств, не сумела этого сделать и Изабелла. Молча стояли они, словно лишившись дара речи. Ни звука не сорвалось с их уст. Карл только беспомощно протягивал руку — будто утопающий тянется к ненадежной тростинке в поисках спасения.

Может, где-то там, в неведомом далеке, он хотел еще раз остановить мгновения своей навеки исчезнувшей молодости? Молодости, в которой были и Изабелла, и Бланка. Бланки давно нет на белом свете, а Изабелла напоминает себя прежнюю, на крепостном валу, только именем, ничем более. Но и чешского принца уже почти невозможно себе представить.

Нет, не могли сдержать своих чувств ни он, ни она. Плакали Карл и Изабелла.

Окруженные людьми, с удивлением вззирающими на их слезы, не понимающими их страданий.

Но эти два пожилых плачущих человека не обращали внимания на напыщенное величие, которое они должны были сохранять — и не смогли, на предписания церемониала, которые должны были соблюдать — и не имели на это сил.

Разлука всегда печальна, но печальнее всего, если она — навсегда.

Теперь это было действительно навсегда. Нет нужды говорить о том, что Карл и Изабелла встретились снова в тот же день, пополудни, потом виделись на королевском пиру. Что Карл еще несколько раз встречался для переговоров с французским королем, посетил несколько храмов и принял новые дары. Что пробыл он во Франции до середины января и потом, невзирая на мороз,

поспешил домой, мучимый болями, верхом на коне, во главе свиты, заезжая во все крупные города, лежавшие на его пути.

И все-таки остановимся вместе с ним еще на несколько мгновений на дороге, ведущей к сен-деннскому аббатству, и оглянемся назад, пока виден Париж и ветряная мельница. Середина января 1378 года. Карл знает, что видит этот город в последний раз.

Он сидит на коне и смотрит назад. Но видит он не крылья ветряной мельницы, не далекие парижские башни, а самого себя, свою жизнь, все те годы, которые отделяют старика от мальчика, неистовые надежды от смирения, силу от дряхлости.

Сейчас у него нет будущего, нет замыслов, которые

можно бы еще осуществить, нет жажды почестей, ибо у него их столько, сколько нет ни у одного из современников.

Хотел бы он вернуться на полстолетия назад? Кто знает... Пожалуй, не знает этого и сам Карл, ибо такие возвращения невозможны, а он уже давно научился стоять обеими ногами на твердой земле...

Карл склонил голову, кто-то впереди тронул коня, приняв это за знак перейти на рысь, кони застучали копытами по схваченной морозцем глинистой дороге, вьющейся по зимнему полю. Император Священной Римской империи и король чешский возвращается домой из последней поездки. Домой — в Чехию.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

И. Поп. Вступ л е н и е 3

Расставание 13

Часть I

Король Ян вверяет сына дядюшке Балдуину 21

Король Ян призывает Карла в Италию 31

Король Ян оставляет пятнадцатилетнего Карла
в Италии 38

Карл обнажает меч 45

Карл побеждает в своем первом сражении 52

Возвращение короля Яна усиливает его разногла-
сия с сыном 60

Король Ян наконец-то уступает сыну 67

Королевич Карл возвращается в Чехию 73

Часть II

Карл становится моравским маркграфом 76

Карл призывает из Франции свою супругу 84

Заграничные поездки короля Яна не приносят
пользы королевству 92

Король Ян опять вмешивается в чужие
дела 100

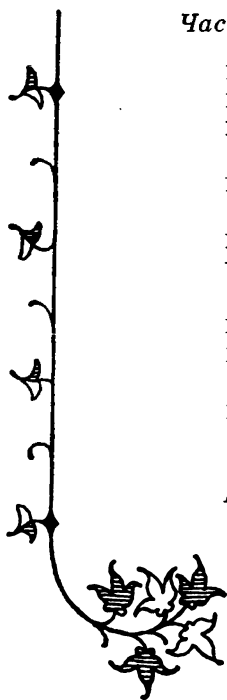
Карл начинает действовать как истинный прави-
тель 109

Карл встает вровень с отцом 116

Папа и королевич Карл заключают важное согла-
шение 121

Часть III

- Карла избирают римским королем 128
Карл коронуется чешским королем 135
Прага становится столицей Священной Римской империи 144
Карл прибегает к хитрости в борьбе с врагами 151
Карл возвращается в родную Прагу 159
Четыре года Карл не покидает Чешское королевство 166
Приближается день коронации в Риме 175
Императорская корона возложена на голову Карла 183
Карл издает закон о независимости чешской короны 191
- Возвращение 199*

Литературно-художественное издание

ДЛЯ СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ПЛУДЕК Алексей

ПОВЕСТЬ О КАРЛЕ IV

Ответственный редактор *Т. П. Владимирская*

Художественный редактор *В. А. Горячева*

Технический редактор *В. К. Егорова*

Корректоры *И. Н. Мокина, Л. А. Рогова*

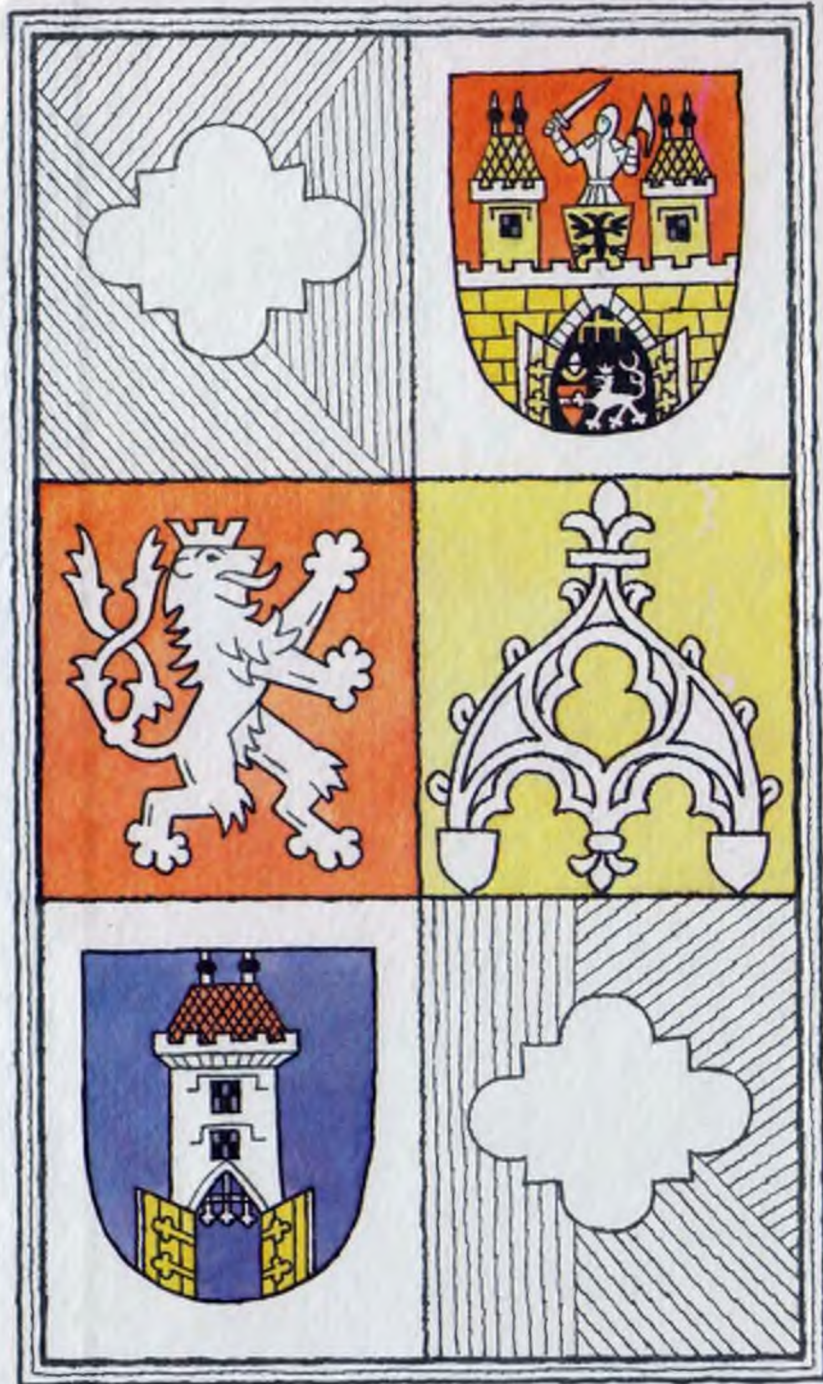
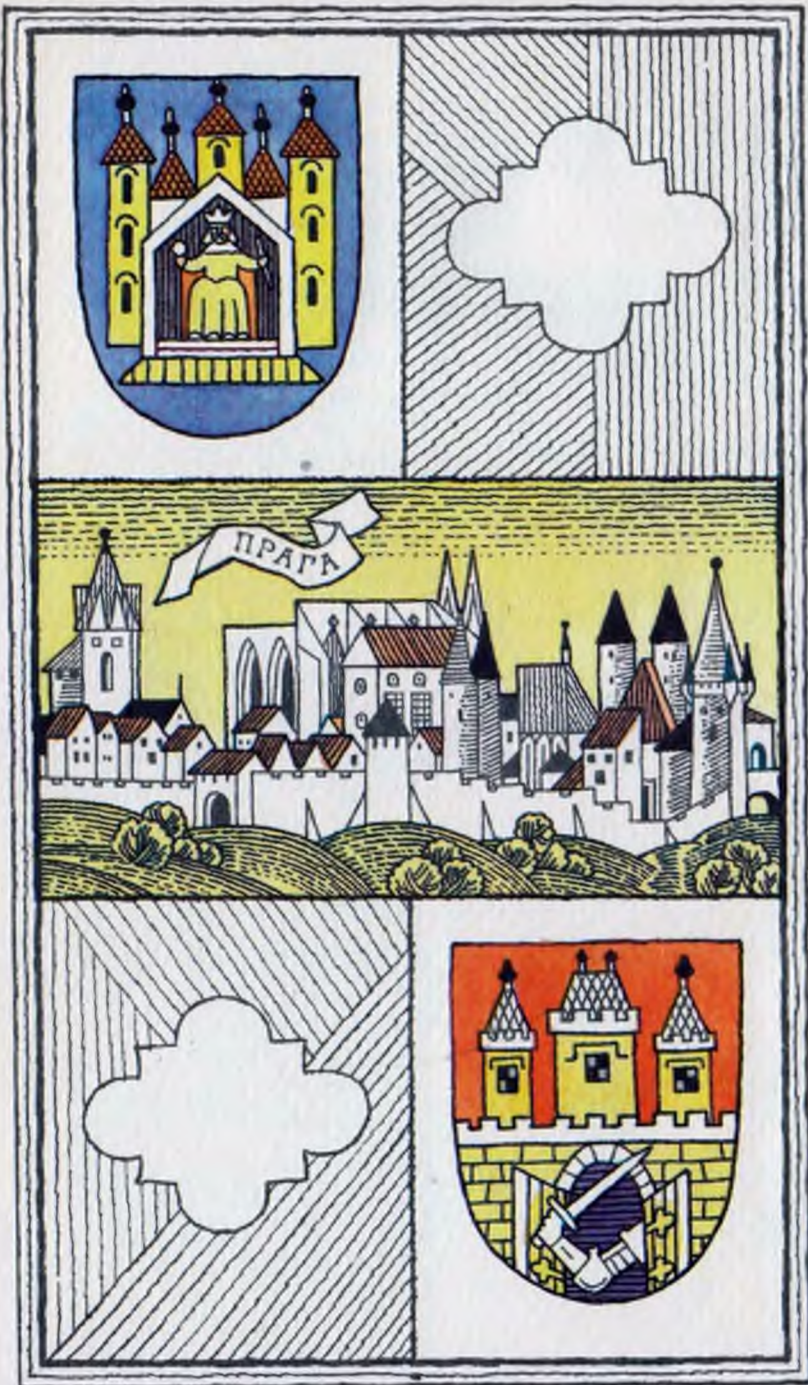
OCR - Давид Титиевский, август 2017 г., Хайфа

ИБ № 9385

Сдано в набор 13.07.87. Подписано к печати 13.01.88. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. книжно-журн. № 2. Шрифт школьный. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,92. Усл. кр.-отт. 12,18. Уч.-изд. л. 10,53. Тираж 100 000 экз. Заказ № 6719. Цена 70 коп.

Орденюв Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр. М. Черкасский пр., 1. Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Росглаволиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Печать с фотополимерных форм «Целлофот»

78 н.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

